

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

169

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА
И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

169

ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ НЕОЛИТА И БРОНЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1982

Редакционная коллегия:

О. С. Гадвяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, *В. В. Кропоткин*,
И. Т. Кругликова (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора),
Д. Б. Шелов

СТАТЬИ

А. Н. СОРОКИН

ОБ ОРУДИЯХ НА ПЛАСТИНАХ
СО СТОЯНКИ УМИЛЕНИЕ

Несмотря на то что микролитические изделия со стоянки Умиление¹ явились предметом длительной дискуссии², они до настоящего времени опубликованы крайне скупо³. Между тем, коллекция, собранная экспедицией М. Е. Фосс⁴, достаточно выразительна и в известной мере представительна, чтобы служить объектом специальной публикации. Кроме того, к настоящему времени накоплен достаточный материал по каменному веку Волго-Окского бассейна, позволяющий определить не только хронологическую, но и культурную принадлежность пластинчатого инвентаря стоянки.

Всего коллекция содержит 586 предметов, отражающих пластинчатую индустрию, что составляет примерно 21,1% всех каменных изделий. В данной публикации мы остановимся лишь на орудиях как на наиболее информативной и культурно определяемой группе артефактов. Выделено 288 орудий на пластинах, что составляет 10,4% от общего числа каменных изделий памятника. Судя по статьям М. Е. Фосс, а также коллекционным описям находок, они происходят из двух раскопов и в значительной степени из сборов по бечевнику Галичского озера. Различия в метрических показателях заготовок по пунктам нахождения не прослежены, типологической разницы также установить не удалось. Это дает нам право рассматривать имеющийся материал суммарно (рис. 1; 2).

Наиболее многочисленны в коллекции со стоянки Умиление скребки: их — 93. Все они, за исключением двух, относятся к типу концевых. Выделяются экземпляры с дугообразными лезвиями (45; рис. 2, 23), с дугообразно скошенными лезвиями (42; рис. 2, 21), с прямо скошенными (3; рис. 2, 19) и прямыми лезвиями (1; рис. 2, 22). Еще два скребка — двойные (рис. 2, 20). В обработке лезвий использована крутая или полукрутая ретушь с мелкими и среднего размера фасетками. Кроме того, девять из одинарных скребков подработаны по краям заготовки мелкой затупливающей (6; рис. 2, 16) или пологой, «заходящей на спинку» ретушью (3).

Резцов — 17 (рис. 1, 11; 2, 11), все относятся к типу на сломе или естественном окончании заготовки, при этом 12 из них — одинарные, четыре — двойные и еще один — тройной. Сколы, как правило, миниатюрные, длиной менее 5 мм. Хронологически этот тип резцов распространен от позднего палеолита до раннего неолита включительно.

Пластин, обработанных регулярной краевой ретушью, — 24, на 18 — ретушь мелкая затупливающая, еще на шести — приостряющая. Чаще обработан один из краев по спинке, но есть экземпляры и с двумя обработанными краями. Ретушь еще на 52 пластинах встречается спорадически. Функционально, судя по характеру обработки, эти изделия могли использоваться в качестве ножей.

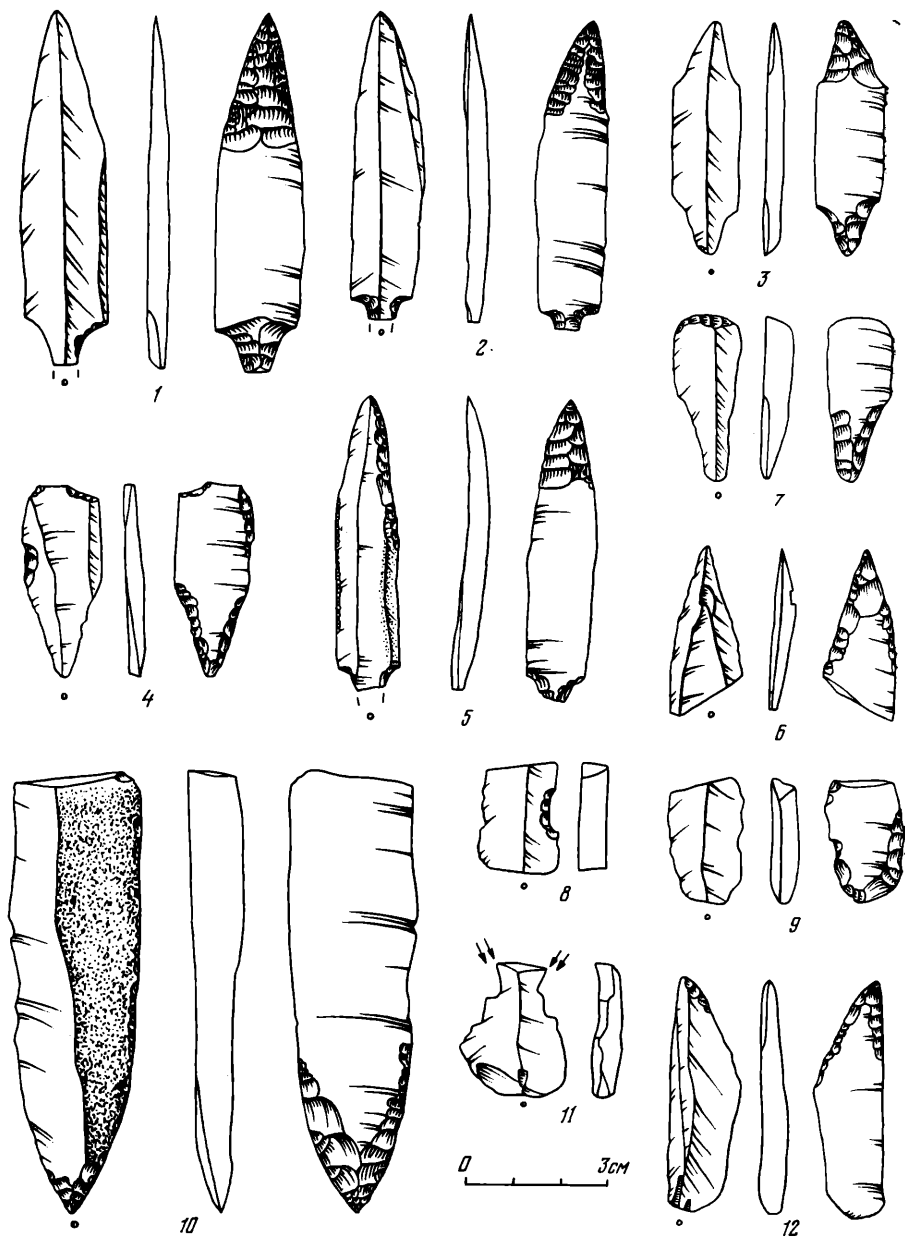

Рис. 1. Орудия на пластинах со стоянки Умиление (1—12)

Скобелей — два, выемки мелкие, прямая и дугообразная (рис. 1, 8). Сверл — пять, четыре симметричных и одно асимметричное. Среди симметричных одно — плечиковое, обработанное крутой мелкой ретушью по спинке (рис. 2, 17). Рабочие концы трех остальных не выделены, они обработаны крутой противоположающей ретушью. Пятое, асимметричное, сверло изготовлено, по-видимому, на обломке наконечника стрелы (рис. 1, 4). Комбинированных орудий — восемь, по три модификации скребка со сверлом (рис. 1, 7) и резцом (рис. 2, 13) и два резца-ножа.

Острий — восемь, из них шесть симметричных и два скошенных. Симметричные острия обработаны исключительно на концах заготовок, при этом два — плоской ретушью по брюшку (рис. 2, 5), остальные четыре — мелкой затушливающей по спинке (2) или по брюшку (2; рис. 10). Аналогичные изделия встречены на позднемезолитической стоянке Борки.

Первое из асимметричных острий имеет дугообразно скошенный конец, обработанный со спинки средними фасетками крутой ретуши (рис. 2, 9), второе — оформлено полукрутой ретушью по обоим краям с брюшка и правому краю со спинки (рис. 1, 12).

Пластин со скошенным ретушью концом — две (рис. 2, 4, 8). Ретушь крутая и пологая, нанесена на спинке. Изделий с ретушированным в виде выемки углом — три.

Наконечников «прямого боя» и их фрагментов — 13. При этом черешковых наконечников стрел — пять, три из них обработаны крупными фасетками плоской ретуши с брюшка по перу и черешку и дополнительно полукрутой ретушью со спинки по одному или обоим краям насада. Помимо этого, край заготовки одного из описываемых изделий снят крутой ретушью со спинки, по-видимому, для придания изделию симметричной формы (рис. 1, 1, 2, 5). Изделия, подобные описанным, широко встречаются на памятниках мезолита свидерской традиции. Четвертый предмет условно отнесен к наконечникам, так как его форма не совсем обычна для изделий такого рода: он имеет как бы два черешка (рис. 1, 3). Он обработан только по брюшку плоской ретушью. Аналогичные изделия известны в сборах Н. В. Сибилова на Северском Донце (Петровское оз. 10)⁵, датировемых поздним мезолитом. Пятый экземпляр обработан мелкой крутой краевой ретушью по черешку с брюшка и перу — со спинки (рис. 2, 12). Из четырех фрагментов наконечников стрел с намечающимся черешком три выполнены в постсвидерской манере, но ретушь нерегулярная (рис. 2, 14), четвертый обработан грубой краевой противоположающей ретушью. Листовидные формы представлены двумя фрагментами: наконечником стрелы и дротика, обработанными в свидерской традиции (рис. 1, 10; 2, 15). Дротик изготовлен на широкой первичной пластине и носит следы нерегулярной ретуши по правому краю со спинки. Возможно, он использовался как нож. Аналогии подобному изделию известны в позднепалеолитических памятниках костенковско-авдеевской культуры⁶. Кроме того, имеются два фрагмента пера наконечников стрел (рис. 1, 6), обработанных плоской ретушью по брюшку, а один из них дополнительно — полукрутой по спинке.

Многочисленны вкладыши из ретушированных «сечений» пластин (53; рис. 1, 9; 2, 18). Регулярной или нерегулярной ретушью приострен один или оба края, преимущественно со спинки, но есть экземпляры, обработанные с брюшка или противоположающей ретушью.

Край и основание одной из микропластин затуплены со спинки мелкой ретушью (рис. 2, 6). Микролиты, подобные этому, встречаются на памятниках верхнего палеолита и мезолита.

Из геометрических форм присутствуют прямоугольник и трапеция. Прямоугольник изготовлен из узкой удлиненной пластинки, он обработан плоской ретушью по торцам и мелкой крутой — по одному из краев со спинки и дополнительно по одному из торцов с брюшка так, что получается двусторонняя краевая обработка (рис. 2, 1). Сходное изделие встречено на стоянке Елин Бор⁷. Трапеций — три. Первая — асимметричной формы, изготовлена на широкой массивной пластине, ее торцы затуплены крутой, почти отвесной ретушью, причем один — простой, а другой — встречной контрударной. Узкое основание изделия обломано, возможно, в процессе ретуширования. Аналогичная трапеция найдена на стоянке Борки⁸. Вторая асимметричная трапеция, также со сломанным верхним основанием, обработана по торцам мелкой затупливающей ретушью, при этом без обработки оставлены участки, прилегающие к нижнему основанию. Изделие сильно окатано (рис. 2, 2). Третья трапеция ретуширована, как и две предыдущие, со спинки: по одному торцу — мелкой крутой ретушью лишь частично, по другому — полукрутой. И верхнее, и нижнее основания этого предмета сильно сработаны, один из углов сломан (рис. 2, 3). Вероятно использование этого орудия в качестве вкладыша режущего инструмента. Хронологический диапазон трапеций такого рода — поздний мезолит.

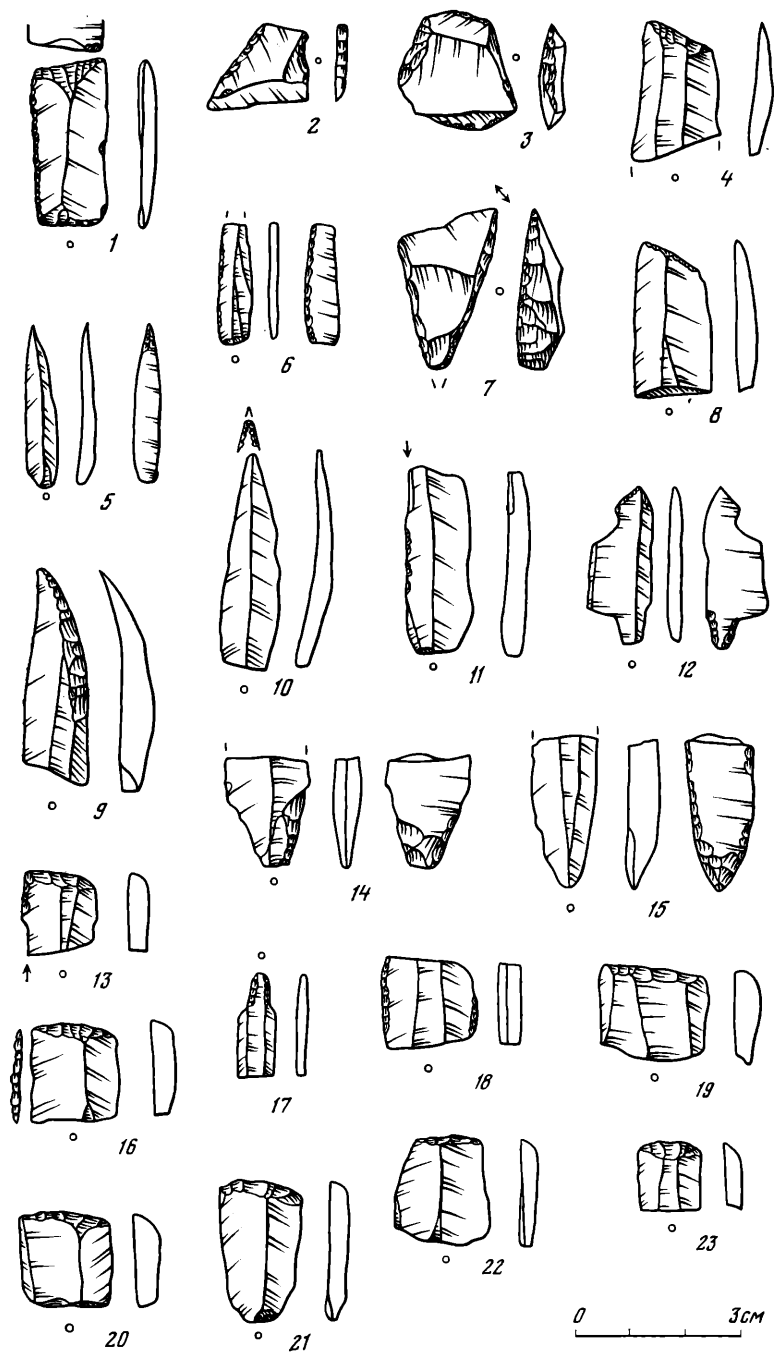

Рис. 2. Орудия на пластинах со стоянки Умиление (1—23)

Помимо перечисленных орудий, в коллекцию входят еще три обломка орудий на пластинах, не поддающихся из-за фрагментарности типологическому определению.

Если рассматривать описанные типы изделий по отдельности, вне всякой связи друг с другом, то в большинстве случаев не только территориальные, но и хронологические рамки их бытования будут очень широкими, по крайней мере от верхнего палеолита до раннего неолита, а для концевых скребков — даже до эпохи бронзы. Если же подходить к коллекции со стоянки Умиления как к некоему единству, то можно

указать лишь один хронологический отрезок их сосуществования — поздний мезолит, так как такие типы, как трапеции, прямоугольники, пластинки с затупленным краем и основанием и симметричные острия с плоской ретушью по брюшку, не выходят за его рамки.

В позднем мезолите Волго-Окского бассейна Л. В. Кольцовым выделены две культуры — иеневская и позднебутовская. Типологическое изучение пластинчатого инвентаря стоянки Умилиение приводит к выводу о его позднебутовской принадлежности, поскольку, за исключением наконечника дротика (рис. 1, 10) и скошенного острия (рис. 1, 12), все остальные изделия находят прямые аналогии в материалах этой культуры (стоянки Елин Бор, Борки, Шумашь 2, Петрушино, Микулино и др.). Отсутствие в коллекции со стоянки Умилиение некоторых типов изделий, характерных для позднебутовских памятников (например, микропластинок с затупленным ретушью краем), может объясняться как условиями происхождения материала и немногочисленностью их серий в коллекциях, так, возможно, и различиями локального характера.

Присутствие во вторичной обработке некоторых орудий черт прото-неолитического и неолитического характера — элемента двусторонней ретуши на прямоугольнике, и ретуши, «заходящей на спинку», на скребках — не противоречит предлагаемой дате не только потому, что такие же черты есть на орудиях хотя бы в Елиноме Бору (средний слой), но и в силу поздней даты стоянки в пределах мезолита.

Бесспорно к мезолиту относятся и некоторые орудия, выполненные на отщепах, но, во-первых, в нашу задачу входила публикация только микролитического комплекса, а, во-вторых, из-за неразработанности типологии неолитических орудий Волго-Окского междуречья, расчленение на ранний и поздний комплексы изделий на отщепах проблематично.

Таким образом, мы не только подтверждаем уже высказанное мнение о мезолитической принадлежности микролитического инвентаря стоянки Умилиение⁹, но и предлагаем трактовку ее культурной принадлежности.

¹ Стоянка расположена в Галичском р-не Костромской обл., в 2,5 км от с. Быки, на дюне северного берега оз. Галичское. Раскапывалась в 1945—1947 гг. экспедицией ГИМ под руководством М. Е. Фосс.

² Фосс М. Е. Новые памятники в районе галичской культуры. — КСИИМК, 1947, XVII, с. 61—69; Она же. Результаты Галичской экспедиции 1946 г. — КСИИМК, 1948, XX, с. 58—66; Она же. Итоги Галичской экспедиции. — КСИИМК, 1949, XXVI, с. 34—39; Третьяков П. Н. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья. — МИА, 1963, 110, с. 9—24; Гаврилова И. В. Новые мезолитические памятники Костром-

ской обл. — КСИА, 1967, 111, с. 101—107.

³ Фосс М. Е. Новые памятники..., с. 66, рис. 27; Она же. Результаты..., с. 62, рис. 29; Она же. Итоги..., с. 37, рис. 13. Опубликовано всего 20 рисунков орудий.

⁴ Хранится в ГИМ, инв. № 468, 478, 522.

⁵ Хранится в ГИМ, инв. № 54725.

⁶ Ефименко П. П. Костенки I. М.; Л., 1958, с. 248.

⁷ Воеводский М. В., Борисковский П. И. Стоянка Елин Бор. — СА, 1937, III.

⁸ Хранится в Рязанском областном краеведческом музее.

⁹ Гаврилова И. В. Новые мезолитические памятники..., с. 105—107.

Ю. Б. ЦЕТЛИН

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА СТОЯНКИ ИВАНОВСКОЕ VII

Для эпохи неолита одним из основных вещественных источников по истории древнего населения служат обломки бытовой глиняной посуды. В нашей статье изложены результаты анализа формовочных масс керамики по материалам стоянки Ивановское VII и в свете этих данных рассмотрены некоторые общие вопросы истории ее населения..

Таблица 1

Распределение рецептов формовочных масс керамики в культурном слое стоянки Ивановское VII

№ пласта и глубина (в см)	Рецепты формовочных масс							
	Помет птичий + глина		Дресва + глина		Шамот + глина		Помет птичий + дресва + глина	
	число	%	число	%	число	%	число	%
I — 0—10	—		3	5,9	1	2,0	44	86,2
II — 10—20	—		2	6,7	—		10	33,3
III — 20—30	5	14,8	1	2,9	1	2,9	8	23,5
IV — 30—40	24	60,0	—		1	2,5	2	5,0
На памятнике в целом	29	18,7	6	3,9	3	1,9	64	41,3

№ пласта и глубина (в см)	Рецепты формовочных масс							
	Помет птичий + шамот + глина		Дресва + шамот + глина		Помет птичий + дресва + шамот + глина		Всего	
	число	%	число	%	число	%	число	%
I — 0—10	1	2,0	2	3,9	—		51	100,0
II — 10—20	5	16,7	2	6,7	11	36,6	30	100,0
III — 20—30	3	8,8	4	11,8	12	35,3	34	100,0
IV — 30—40	6	15,0	2	5,0	5	12,5	40	100,0
На памятнике в целом	15	9,6	10	6,5	28	18,1	155	100,0

* Мощность культурного слоя эпохи неолита в раскопе II около 40 см, слой раскапывался по пластам толщиной 10 см. Нумерация пластов идет сверху вниз.

Стоянка Ивановское VII расположена на Ивановском торфянике в Переславском р-не Ярославской обл. Она открыта в 1973 г. и исследована раскопками в 1974 и 1975 гг. Верхневолжской археологической экспедицией под руководством Д. А. Крайнова. Установлена последовательность культурных отложений, общая как для данной стоянки, так и для всего бассейна верхней Волги в эпоху неолита: верхневолжская ранне-неолитическая культура, культура с ямочно-гребенчатой керамикой, культура с редкоямочной керамикой, ранневолоховская культура¹. Между этими культурными напластованиями, как правило, отсутствуют стерильные прослойки.

Микроскопическому изучению подверглось 155 образцов керамики из раскопа II (1974 г.)², где характер распределения керамики в культурном слое аналогичен ее распределению на стоянке в целом³. Анализ формовочных масс проводился, в соответствии с методикой А. А. Бобринского⁴, путем изучения свежих сколов на керамике с помощью бинокулярного микроскопа (МБС-2) и их сравнения с эталонными образцами.

Зафиксированы следующие виды искусственных добавок в глину: шамот (дробленые черепки), дресва (дробленые гранитно-гнейсовые породы) и помет птичий, основным признаком которого являются отпечатки в глине пуха и перьев птиц⁵. Эти неглинистые компоненты встречаются в формовочной массе как в чистом виде, так и в различных сочетаниях, образуя те или иные рецепты таких масс. В результате проведенных анализов выделено семь различных рецептов (табл. 1)⁶.

Если внутри каждого пласта ранжировать рецепты по степени их массовости, то можно заметить, что в пласте IV на первом месте стоит рецепт: помет птичий + глина, на втором — помет птичий + шамот + гли-

Таблица 2

Распределение рецептов каждого вида в культурном слое
стоянки Ивановское VII (в %)

№ пласта и глубина (в см)	Рецепты формовочных масс						
	Помет птичий + + глина	Дресва + + глина	Шамот + + глина	Помет птичий + + дрес- ва + + глина	Помет птичий + + ша- мот + + глина	Дресва + + ша- мот + + глина	Помет птичий + + дресва + + шамот + + глина
I - 0-10	—	50,0	33,3	68,8	6,7	20,0	—
II - 10-20	—	33,3	—	15,6	33,3	20,0	39,3
III - 20-30	17,2	16,7	33,3	12,5	20,0	40,0	42,9
IV - 30-40	82,8	—	33,3	3,1	40,0	20,0	17,8
Итого:	100,0	100,0	≈100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

на, на третьем — помет птичий + дресва + шамот + глина, три других рецепта представлены незначительно. В пласте III господствующим становится сложный рецепт: помет птичий + дресва + шамот + глина, за ним следует рецепт: помет птичий + дресва + глина, затем — помет птичий + глина, дресва + шамот + глина и помет птичий + шамот + глина; чистые рецепты: дресва + глина и шамот + глина — представлены единичными образцами. В пласте II господствуют два рецепта подготовки формовочных масс: помет птичий + дресва + шамот + глина и помет птичий + дресва + глина, на третьем месте стоят рецепты: дресва + глина и дресва + шамот + глина. В пласте I абсолютно преобладает рецепт: помет птичий + дресва + глина, а остальные представлены единичными образцами.

Дополнительную информацию дает анализ распределения каждого вида рецепта в культурном слое стоянки (табл. 2).

На пласт IV приходится максимум распределения двух рецептов: помет птичий + глина и помет птичий + шамот + глина. Кроме того, к пласту IV тяготеет максимум распределения рецепта: шамот + глина. К пласту III относится максимум распределения также двух рецептов: помет птичий + дресва + шамот + глина и дресва + шамот + глина. В пласте II сохраняется максимум распределения рецепта: помет птичий + дресва + шамот + глина и предположительно рецепта: помет птичий + шамот + глина. В пласте I господствует рецепт: помет птичий + дресва + глина и, кроме того, к этому пласту тяготеет рецепт: дресва + глина.

Таким образом, очевидно, что в разные периоды существования стоянки Ивановское VII преобладали различные технологические традиции составления формовочных масс керамики.

Все выделенные рецепты формовочных масс разделяются на две группы: чистые и смешанные. Чистые содержат один неглинистый компонент и глину, а смешанные — два и более неглинистых компонента и глину. По изученным материалам зафиксированы три чистых рецепта: помет птичий + глина, шамот + глина, дресва + глина, и четыре смешанных: помет птичий + дресва + глина, помет птичий + шамот + глина, дресва + шамот + глина, помет птичий + дресва + шамот + глина. Наиболее общее представление о смешении различных традиций подготовки формовочных масс дает анализ доли чистых и смешанных рецептов (табл. 3).

Судя по особенностям распределения этих двух групп рецептов, на протяжении истории памятника происходил процесс постепенного уменьшения доли чистых рецептов и возрастания доли смешанных, что свидетельствует о сращивании различных технологических традиций, которые первоначально существовали более или менее обособленно.

Полученные данные позволяют предположительно наметить последовательность сложения и бытования на стоянке Ивановское VII различных культурных традиций в составлении формовочных масс.

Таблица 3

Соотношение чистых и смешанных рецептов формовочных масс керамики в культурном слое стоянки Ивановское VII (в %)

№ пласта и глубина (в см)	Рецепты формовочных масс		Всего	№ пласта и глубина (в см)	Рецепты формовочных масс		Всего
	чистые	смешанные			чистые	смешанные	
I - 0-10	7,9	92,1	100,0	IV - 30-40	62,5	37,5	100,0
II - 10-20	6,7	93,3	100,0	На памятнике	24,5	75,5	100,0
III - 20-30	20,6	79,4	100,0	в целом			

Таблица 4

Распределение керамики разных археологических культур на стоянке Ивановское VII (в %)

№ пласта и глубина (в см)	Археологические культуры			
	с неясной по культурной принадлежности керамикой	верхневолжская	с ямочно-гребенчатой керамикой	с редкоямочной толстостенной керамикой
I - 0-10	—	6,7	59,6	100,0
II - 10-20	—	30,0	21,1	—
III - 20-30	16,0	35,0	15,8	—
IV - 30-40	84,0	28,3	3,5	—
Итого:	100,0	100,0	100,0	100,0

В начальный период существования неолитической стоянки господствовали две культурные традиции: помет птичий + глина и помет птичий + шамот + глина, причем первая значительно преобладала. Можно предполагать, что смешанная культурная традиция возникла как результат сращивания двух качественно разных традиций подготовки формовочных масс: помета птичьего + глины и шамота + глины⁷. Не исключено, что этот процесс происходил на данной стоянке, на что косвенно указывают образцы керамики с добавкой в глину шамота, хотя и единичные среди изученного материала. В результате усложнения культурных традиций смешанные рецепты начинают преобладать над чистыми. Господствующими становятся традиции: помет птичий + дресва + шамот + глина и дресва + шамот + глина. Как шел процесс сложения этих традиций, судить пока трудно. Постепенно доля чистых рецептов становится совсем незначительной. Продолжает господствовать традиция использования рецепта: помет птичий + дресва + шамот + глина. Кроме того, можно предполагать существование традиции использования рецепта: помет птичий + шамот + глина, а также рецепта: помет птичий + дресва + глина. Судя по характеру распределения в верхней части культурного слоя, на заключительном этапе существования неолитической стоянки Ивановское VII господствующей культурной традицией становится использование рецепта: помет птичий + дресва + глина. Кроме того, есть основания предполагать существование рецепта: дресва + глина. Таковы в самых общих чертах культурные традиции составления формовочных масс керамики на данной стоянке.

Как отмечалось выше, стоянка Ивановское VII содержит материалы, относящиеся к нескольким археологическим культурам. Среди 155 изученных образцов керамики к верхневолжской культуре относятся 60, к культуре с ямочно-гребенчатой керамикой — 57, к группе населения с редкоямочной толстостенной керамикой — 13. Культурную принадлежность 25 образцов установить не удалось (табл. 4).

Таким образом, ниже всего в культурном слое располагаются образцы, неясные по культурной принадлежности. Несколько выше — образцы керамики, относящиеся к верхневолжской раннеолитической культуре, а в верхней части культурного слоя — ямочно-гребенчатой и редкоямочной толстостенной керамики. Некоторая распыленность образцов (т. е. присутствие их на разных глубинах) пока не поддается однозначному объяснению. Она, вероятнее всего, частично отражает сосуществование неолитических культур, а частично есть следствие нарушения культурного слоя стоянки. Анализ формовочных масс керамики разных археологических культур дает следующие результаты.

Верхневолжская культура. По изученным материалам зафиксировано пять рецептов составления формовочных масс. Наиболее массовым является сложный рецепт: помет птичий + дресва + шамот + глина (46,7%), на втором месте стоит рецепт: помет птичий + шамот + глина (25,0%), на третьем — дресва + шамот + глина (16,7%); два чистых рецепта — помет птичий + глина и шамот + глина — представлены незначительно (соответственно 6,6 и 5,0%). В целом смешанные рецепты составляют 88,4% и существенно преобладают над чистыми (11,6%). Таким образом, культурные традиции составления формовочных масс были в верхневолжской культуре в значительной степени смешанными. Это подтверждается и данными компонентного анализа⁸. Формовочные массы верхневолжской керамики включают в разных сочетаниях три исходных компонента: шамот, помет птичий и дресву. Основной культурной традицией при подготовке формовочных масс было в данной культуре использование шамота (зафиксирован в 93,3% случаев), затем идут традиция использования помета птичьего (отмечен в 78,3% случаев) и, наконец, традиция применения дресвы (16,7%). Отсюда следует, что возникновение различных сложных рецептов связывало со смешением традиции использования рецепта шамот + глина с традициями использования при подготовке формовочных масс рецептов: помет птичий + глина и дресва + глина. В результате этих процессов возникли рецепты: помет птичий + шамот + глина, дресва + шамот + глина, помет птичий + дресва + шамот + глина.

Культура с ямочно-гребенчатой керамикой. Качественный состав культурных традиций здесь более однообразен — зафиксированы только два рецепта: дресва + глина и помет птичий + дресва + глина, причем массовым был сложный рецепт (89,5%), а чистый рецепт представлен в меньшей степени (10,5%). Так же как и в верхневолжской культуре, традиции подготовки формовочных масс керамики оказались сильно смешанными. Основной культурной традицией здесь являлось использование дресвы, а смешанные рецепты возникали уже на ее основе.

Группа населения с так называемой редкоямочной толстостенной керамикой. Зафиксирован только один сложный рецепт: помет птичий + дресва + глина.

Неясные по культурной принадлежности образцы керамики. Эта группа включает фрагменты керамики светло-коричневого цвета без какого-либо орнамента. Вопрос об их отнесении к той или иной группе по культурной принадлежности остается пока открытым. Все образцы изготовлены из формовочной массы с использованием только одного неглинистого компонента — помета птичьего. Поскольку традиция приготовления формовочных масс с данным рецептом относится к первому уровню развития представлений о глине как сырье для производства керамики, ее возникновение не может быть связано с традициями второго уровня, к которому относятся традиции использования в составе формовочных масс дресвы и шамота.

Таким образом, изученная керамика разных археологических культур на стоянке Ивановское VII весьма разнообразна по составу технологических традиций подготовки формовочных масс.

Современные данные об особенностях навыков труда в гончарстве и в частности навыков составления формовочных масс доказывают воз-

возможность их использования для изучения процессов смешения различных в культурном отношении групп древнего населения⁹. Это вытекает из характера организации коллективов древних поселений, порядка передачи технологических знаний и навыков в гончарстве и из определенных особенностей самой гончарной технологии как особой сферы производства. Так, на ранних (доремесленных) ступенях социально-экономического развития состав жителей поселений включал главным образом лиц, связанных между собой узами семейного или иного родства. Поэтому, а также судя по данным этнографии, навыки изготовления глиняной посуды могли передаваться почти исключительно по родственным каналам¹⁰. Кроме того, эмпирический характер знаний в гончарстве постепенно вел к их консервации и выработке определенных технологических традиций. В результате переселений носителей какой-либо технологической традиции подготовки формовочных масс в другие районы и возникавших при этом контактов с носителями иных традиций складываются смешанные традиции в этой области технологии¹¹, которые, как можно видеть, были широко распространены уже в эпоху неолита. Все это позволяет высказывать некоторые суждения об истории населения данной стоянки.

В частности, изученные материалы склоняют к предположению, что в эпоху неолита наиболее древними обитателями здесь были носители традиции использования при подготовке формовочных масс рецепта: помет птичий + глина. Вероятно, на основе контакта именно с этой группой населения у носителей верхневолжской культуры складывается сложный массовый рецепт формовочной массы: помет птичий + шамот + глина. Основываясь на данных стратиграфии, можно полагать, что в более позднее время в результате смешения носителей верхневолжской и ямочно-гребенчатой культур возникают сложные рецепты: дресва + шамот + глина, помет птичий + дресва + шамот + глина, отражающие эти явления в истории населения стоянки. В дальнейшем господствующее положение занимает традиция использования формовочной массы с рецептом: помет птичий + дресва + глина. Ее носители относятся к культуре с ямочно-гребенчатой керамикой. Поскольку для группы населения с редкоямочной толстостенной керамикой оказался характерен тот же самый рецепт (помет птичий + дресва + глина), можно предполагать, что обе группы населения генетически связаны между собой. Характер распределения в культурном слое образцов ямочно-гребенчатой и редкоямочной толстостенной керамики в сочетании с данными о составе формовочных масс позволяет высказать гипотезу, что редкоямочная толстостенная керамика представляет собой дальнейшее развитие ямочно-гребенчатой.

¹ Крайнов Д. А. Хронологические рамки неолита Верхнего Поволжья.— КСИА, 1978, 153, с. 60, 61; Он же. Отчет Верхневолжской экспедиции за 1974 г. Архив ИА, р-1, № 5992, с. 41—47.

² Приношу благодарность Д. А. Крайнову за разрешение использовать эти материалы в моей работе.

³ Исключение представляет слой с остатками ранневолосовской культуры, который в данной части стоянки не зафиксирован. Однако ранневолосовский и волосовский слои располагаются в 100—150 м от суходола и обнаружены в раскопе 1.

⁴ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978, с. 67—113.

⁵ Там же, с. 102—108. Использование этих и иных видов неглинистых материалов при подготовке формовочных масс известно по данным этно-

графии и в археологических материалах (*Drost D. Töpferei in Africa, Technologie. Berlin, 1967, S. 33, 34; Nordström H. A. Cultural Ecology and Ceramic Technologie. Early Nubian Cultures V—IV millennium B. C. Stockholm, 1972, p. 41, 42; Bowen T., Mosser E. Seri Pottery.— The Kiva (Journal of Arizona Archaeological and Historical Society), 1968, 33, 3, Tucson, Ariz.*

⁶ В изученных материалах зафиксированы минеральные добавки только крупные (более 2 мм в поперечнике). Поэтому указания на степень крупности в тексте статьи не приводятся.

⁷ Эти две традиции относятся к разным уровням развития представлений о глине как сырье для производства керамики (*Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы...*, с. 67—70).

⁸ Компонентный анализ показывает в процентах, в каком числе случаев

встречен в данной совокупности материала тот или иной компонент рецепта, независимо от того, присутствует ли он как единственная добавка к глине в формовочной массе или в составе сложного рецепта.

⁹ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы..., с. 242—255.

¹⁰ Drost D. Töpferlei...; David H., David-Nennig H. Zur Herstellung und Lebensdauer von Keramik.— Bayerische Vorgeschichtsblätter, 1971, Jg 36, S. 289—317.

¹¹ Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы..., с. 94.

М. Д. ХЛОБЫСТИНА

ЯРУСНЫЕ ПОГРЕБЕНИЯ ЕВРАЗИЙСКОЙ СТЕПИ В БРОНЗОВОМ ВЕКЕ

Среди многочисленных археологических объектов, свидетельствующих о социальной стратификации общинно-родовых коллективов эпохи бронзы, привлекает внимание небольшая серия ярусных погребений. Редкая встречаемость подобных своеобразных комплексов, характеризующихся последовательным размещением основного и сопровождающих субъектов в различных стратиграфических плоскостях, а также особенности инвентаря и местоположения в могильнике подчеркивают их неординарность.

Одни из наиболее ранних ярусных комплексов не рядового характера можно обнаружить в таких обширных позднеэнеолитических могильниках, как днепро-донецкая Деревка и китойский Циклодром¹. В Деревке ярусный комплекс входит в число наиболее поздних захоронений памятника — это погребение 42—45, занимающее центральное положение среди сосредоточенных вокруг него индивидуальных и двойных погребений, принадлежащих исключительно мужчинам и детям (рис. 1, 1). В основании грунтовой могилы находилось тройное разнополое погребение: мужчина (?), пораженный кремневым наконечником стрелы, был помещен между двумя молодыми женщинами. Верхний ярус составляет погребение подростка — непосредственно над центральным костяком — и пожилой женщины, похороненной над одной из женщин нижнего яруса. Очевидно, основным субъектом ярусного комплекса в целом был мужчина (?), занимавший центральную позицию. При комплексе найдены сосуды — редкость для ритуала Деревинского могильника. В могильнике Циклодром также имеется единственный не рядовой ярусный комплекс — погребение 6—5. В нижнем ярусе грунтовой ямы — три молодых субъекта (по П. П. Хороших — девушки, по А. П. Окладникову — юные субъекты неизвестного пола); на черепах различимы следы травм; в инвентаре — лишь скребок. В верхнем ярусе располагалось тройное разнополое погребение (рис. 1, 2). В центре группы помещен мужчина, старший по возрасту, снабженный обильным инвентарем; по бокам его — мужчина и женщина, имевшие незначительный инвентарь. Все погребенные верхнего яруса могилы и один из погребенных нижнего яруса ориентированы на восток, тогда как двое остальных — на запад. Можно предположить, что пожилой мужчина, очевидно пораженный кремневым наконечником стрелы, имел касательство к сфере культа, судя по имевшейся в инвентаре антропоморфной сакральной фигурке, и был основным субъектом сформировавшегося вокруг него ярусного комплекса.

Среди наиболее ранних энеолитических ярусных не рядовых захоронений могут быть названы поздние комплексы Мариупольского и предьямного Хвалынского могильников². В Мариупольском могильнике ярусный комплекс входит в число наиболее поздних захоронений памятника — это биритуальное погребение XXI (рис. 1, 3). В нижнем ярусе каменного ящика располагалось двойное однополое погребение: мужчины зрелого и старческого возрастов; в инвентаре — крупный кремневый нож. В верхнем ярусе, поверх плиты, перекрывавшей нижнее захороне-

Рис. 1. Ранние формы ярусных погребений

1 — комплекс Деревязского могильника (погребение 42—45); 2 — верхний ярус комплекса могильника Циклодром (погребение 5); 3 — комплекс Хвалынского могильника (погребения 17—19); 4 — комплекс Мариупольского могильника (погребение XXI)

ние, и под каменной закладкой могилы находились останки взрослого субъекта, кремированного на месте, с кремневыми орудиями и пластинками из клыков кабана. Вероятно, не свойственный памятнику ритуал кремации был применен к ведущему субъекту ярусного комплекса, возможно, пораженному кремневым наконечником стрелы, находившемуся на месте сожжения. В Хвалынском могильнике хронологическая позиция которого определяется присутствием керамики бережновских форм, ярусный комплекс включает погребения 17—19. В основании комплекса — захоронение мужчины (?), выделяющееся чрезвычайным обилием украшений из раковин, а также медными кольцами, оформлявшими оригинальный головной убор, одежду и обувь умершего. Он был покрыт покровом, расшитым бусами, рядом найдены кости крупной птицы. Основного погребенного, имевшего, судя по своеобразию костюма и находкам птичьих костей, отношение к культовой сфере, сопровождали погребенные в верхнем ярусе пожилая женщина с младенцем; в инвентаре — крупный кремневый нож, на черепе ребенка — бусинка (рис. 1, 4).

Выразительную аналогию названным престижным комплексам, отразившим начальные фазы развития оригинального ритуала ярусности,

оставляет комплекс Северного Оленьего острова — позднеэнеолитического могильника, характеризующегося архаичными формами погребального обряда³. Ярусный комплекс, включающий групповое погребение VIII—VIIIa, IX—V—IV, подобно его ранним аналогам, единственный на памятнике. В нижнем ярусе погребен старик, пораженный бронзовым наконечником дротика, с обильным не рядовым инвентарем, в составе которого наверху «шаманской колотушки». На груди старика помещен младенец. В верхнем ярусе располагалось тройное погребение: мужчина и две женщины (по А. В. Шмидту) или три женщины (по В. Н. Якимову). При них — рядовой инвентарь. Можно предположить, что ярусный комплекс в целом сформировался вокруг погребения старика с «шаманской колотушкой», похороненного в окружении сопровождающих.

Как можно заметить, ранние формы ярусных престижных комплексов обладают некоторыми примечательными сходными чертами. Действительно, побудительной причиной их формирования оказывается смерть (ритуальное убийство?) мужчины преклонного возраста. Особенности его инвентаря или одежды позволяют в большинстве случаев предполагать его не рядовой, культовый статус. Показательны также половозрастные комбинации погребенных: двойные или тройные однополюсы захоронения, тройные разнополюсы захоронения, а также погребения мужчины и ребенка, являющиеся архаичными обрядовыми феноменами. Наконец, обращает на себя внимание сугубая редкость подобных комплексов — такое ярусное престижное захоронение всегда оказывается единственным на древнем кладбище⁴.

В западной части евразийского степного пояса, в культурах ямнокатакомбного круга, ярусные погребения составляют обрядово-ритуально весьма показательную, хотя количественно небольшую серию, что закономерно следует из их неординарного статуса. Так, из раскопок В. А. Гордцова на Северском Донце у с. Стратилатовка (Каменка) может быть отмечено не рядовое ярусное погребение кургана 7 (5—9)⁵. В могильной яме в форме «геральдического щита», перекрытой обугленным деревом и камышом, было совершено двухъярусное захоронение. В основании положены четверо детей раннего возраста в охре на темно-бурой подстилке (циновка?). Выше этой группы, непосредственно над центральным костяком младшего ребенка, на такой же подстилке положен взрослый субъект, частично покрытый охрой, с керамикой в инвентаре. Пол взрослого неизвестен, что затрудняет общую характеристику этого оригинального комплекса, но типичного для ямного ритуала.

В крайних западных пределах ямной культурной области (юго-западный вариант по Н. Я. Мерперту)⁶, у с. Корпач в Молдавии, назовем не рядовой ярусный комплекс в кургане 2 (13)⁷. В могильной яме, перекрытой бревнами и разделенной еще одним бревенчатым настилом на два расположенных один над другим отсека, совершено двухъярусное захоронение. В основании могилы под средним бревенчатым настилом (глубина 5,5 м) положен мужчина в скорченной позе на спине, головой на север; в инвентаре — сосуд оригинальной формы. В верхнем ярусе под бревенчатым перекрытием на глубине 5,2 м похоронили женщину с ребенком в скорченной позе, с южной ориентировкой, без инвентаря. Перед нами погребение мужчины-доминанта, захороненного с двумя сопровождающими, положенными в иной позе, с антитезной ориентировкой и лишенными инвентаря.

На восточном рубеже причерноморско-предкавказской катакомбной провинции не рядовое двухъярусное захоронение обнаружено в Волгоградской обл. близ с. Ляпичева на острове Шельган⁸. В основании могильной ямы положен ребенок с оригинальным инвентарем — черноглиняным ориентированным сосудом и округлыми костяными бляшками с отверстиями. В верхнем ярусе — двойное погребение, очевидно мужчины и женщины, судя по позам умерших, обращенных друг к другу; инвентаря нет. Основным субъектом ярусного комплекса в целом, видимо, являлся именно ребенок — такой обрядовый феномен не должен быть ис-

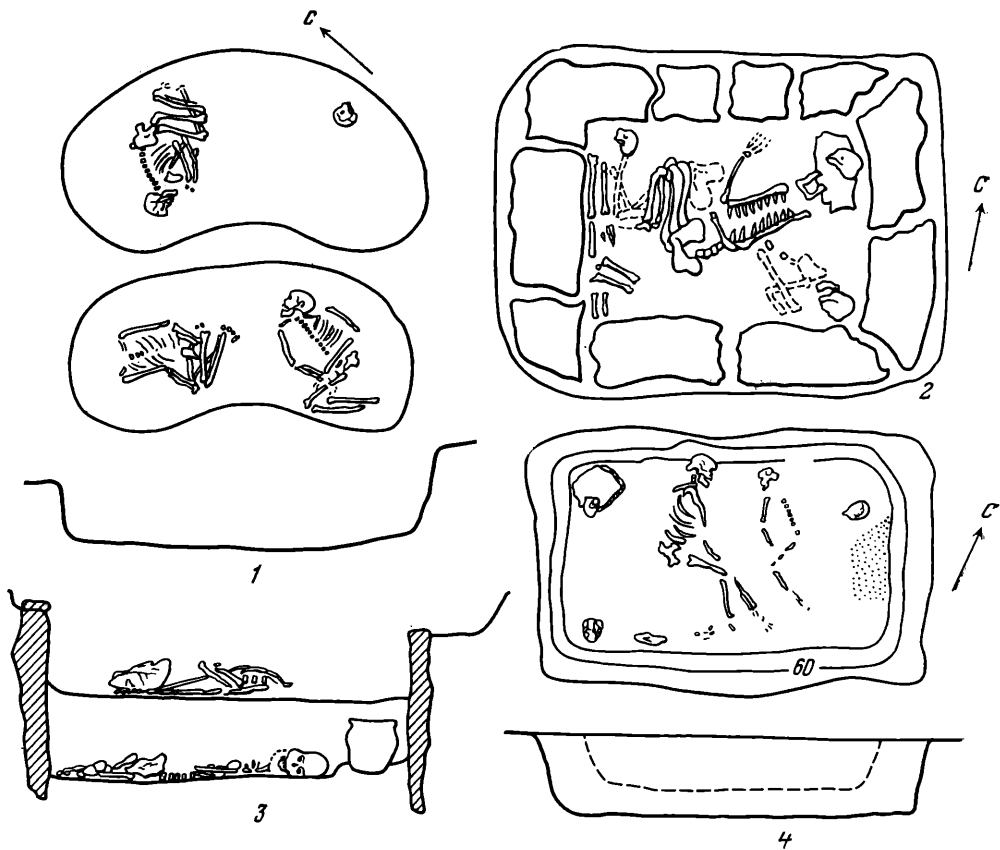

Рис. 2. Ярусные погребения бронзового века

1 — с. Рисовое, курган 1, погребение 70; 2 — улус Подкуниинский, курган 1; 3 — Тасты-Бу-так I, погребение 44; 4 — Бурлук I, ограда 13

ключен, учитывая особую роль детей в культовой жизни первобытных коллективов.

Два выразительных ярусных комплекса можно назвать из раскопок в северном Присивашье. Так, у с. Мартыновка, в кургане 1 (7) вскрыт двухъярусный комплекс — один из наиболее ранних катакомбных погребений кургана⁹. В основании погребен мужчина высокого роста в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад; в инвентаре — каменный отполированный топор. В верхнем ярусе, над костяком мужчины, «на слое насыпного темного грунта, смешанного с материковым суглинком», лежали два ребенка семи-восьми и пяти лет в вытянутом положении на спине, головами на северо-запад, обращенные друг к другу (разнополюе?); под коленями одного — большой комок охры. Основным лицом комплекса являлся мужчина-воин, чей не рядовой статус подчеркнут впечатляющим по облику боевым оружием — молотом из черного диорита, а также присутствием сопровождающего парного детского погребения, преднамеренно совершенного в иной стратиграфической плоскости.

Двухъярусный комплекс у с. Рисовое в кургане 1 (70) также является одним из двух наиболее ранних катакомбных погребений¹⁰. В основании — погребение мужчины высокого роста, склоненного на бок, с северной ориентировкой, и второго взрослого, сильно скорченного на спине, ориентированного на север — северо-запад. В верхнем ярусе, на «слое насыпного грунта, на 0,25 м выше дна», непосредственно над нижним взрослым, сопровождавшим мужчину, погребен еще один взрослый субъект на боку, с сильным наклоном на живот, головой на юго-запад (рис. 2, -1). Комплекс безынвентарен, однако взаиморасположение умерших позволяет думать, что основным лицом являлся мужчина из ниж-

него яруса, погребенный в сопровождении, очевидно, обезглавленного человека: отделенный череп (голова?) помещен в верхнем ярусе, непосредственно над черепом мужчины, чему соответствовало столь же симметричное размещение обоих сопровождающих одного над другим.

В восточной части евразийского степного пояса, в культурах афанасьевско-окуневского круга, также можно назвать ярусные комплексы не рядового характера. Так, в афанасьевской культуре Южной Сибири, стадильном аналоге древнеямной, в могильнике у Афанасьевской горы своеобразное ярусное погребение совершено в могиле V¹¹. В основании конусовидной ямы, имевшей уступ в средней части, помещен костяк взрослого (женщины (?), судя по типичному амулету — зубу кабарги) в сильно скорченном положении. Костяк второго взрослого субъекта, очевидно, расчлененный еще при захоронении трупа (судя по его анатомической сохранности), располагался выше, на двух уровнях: верхняя половина — непосредственно над нижним погребенным, нижняя — в центре могилы, на уступе из материкового грунта. Основным субъектом ярусного комплекса в целом являлся, возможно, верхний погребенный, подвергнутый, вероятно, ритуальному расчленению, тогда как погребенный нижнего яруса, судя по позе, мог быть похоронен насильственно, в связанном состоянии.

В кургане 19 у с. Тесь на р. Туба раскопками С. В. Киселева обнаружено трехъярусное захоронение¹². В основании могилы находился костяк мужчины в скорченной позе на правом боку, черепом на запад, без инвентаря. В среднем ярусе погребен на берестяной подстилке мужчина в скорченном положении на левом боку, ориентированный аналогично нижнему, с обильным и специфическим инвентарем (каменный топор, метательное ядро, пест (молот?), каменная «секира», бронзовый нож; у колена — наконечник стрелы, свидетельствующий о причине его гибели). В восточной части этого центрального яруса могильной ямы располагалось мощное кострище, очевидно, непосредственно причастное к ритуалу захоронения мужчины-воина. Наконец, в верхнем ярусе похоронили молодого мужчину в скорченном положении на правом боку, ориентированного на север. Можно полагать, что побудительной причиной сооружения ярусного комплекса в целом явилась гибель центрального погребенного — война с выдающимся набором предметов вооружения.

Наконец, в позднеафанасьевском могильнике Таз-хазаа на р. Абакан двухъярусное престижное захоронение было совершено в могиле 1¹³. В основании конусовидной ямы, под плитой с сюжетной гравировкой¹⁴ погребена женщина в скорченной позе на правом боку, ориентированная на юго-запад, с обильным инвентарем — сосудом реповидной формы, бронзовыми ножом, игольником и иглой, костяными колечками из кости хищника, 82 стеатитовыми бусинками и 44 подвесками из резцов байбака. В верхнем ярусе, над плитой положена вторая женщина в неестественной позе — скорченная на животе (не исключено, что ее похоронили заживо), имевшая лишь скромное ожерелье из резцов байбака на груди. Как можно заметить, ритуальные обстоятельства совершения тасказинского ярусного комплекса отличает ярко выраженная социальная направленность.

К развитой поре существования окуневской культуры в Южной Сибири относится не рядовое ярусное (?) погребение могильника черновского типа Сыда V¹⁵. В основании могилы располагалось парное разнополое погребение с незначительным инвентарем. В верхнем ярусе погребена женщина, выделяющаяся обильным набором украшений. Примечательно антитезное размещение умерших: женщина в украшениях — основной субъект комплекса в целом — ориентирована на запад, тогда как пара сопровождающих — на восток.

В южных районах Минусинской степи привлекает внимание еще один своеобразный ярусный комплекс из кургана 1 могильника Подкунинский улус¹⁶, по обрядово-ритуальным признакам примыкающий к позднеафанасьевским и окуневским памятникам бассейна Абакана. В центре кур-

гана (собственно ограды, высота насыпи до 0,2 м), в грунтовой могиле, оформленной по основанию как каменный ящик, совершено двухъярусное захоронение. В основании помещен взрослый субъект в скорченном положении на животе, с сильно согнутыми руками и перекрещенными ногами, головой на юг — юго-восток. В верхнем ярусе располагалось двойное погребение: взрослый с плиткой под черепом, скорченный на правом боку, головой на северо-восток, и подросток 12 лет у него в ногах. Инвентарь в обоих ярусах отсутствует (рис. 2, 2). Ярусный комплекс в целом был сформирован, очевидно, вокруг захоронения субъекта с «каменной подушкой» под головой, похороненного с двумя сопровождающими, причем захоронение в нижнем ярусе совершено с антитезной ориентировкой и, по-видимому, насильственно.

Рассмотренные ярусные комплексы являются памятниками эпохи развития раннескотоводческих культур евразийской степи, в семейно-социальной структуре которых черты патриархальной доминантности сочетались с переживаниями некоторых архаичных институтов типа сегрегации полов, нашедшей своеобразное преломление в общинно-родовых коллективах бронзового века. Действительно, мужчины в ряде ярусных комплексов имеют четко выраженный статус воина, возможно вождя, судя по инсигниям власти, — выдающимся образцам оружия. Известны и парные разнополюсные погребения, причем любопытно, что они выступают в роли сопровождающих относительно основных субъектов ярусных комплексов. В то же время в однополюсных ярусных погребениях нашло отражение тесное переплетение традиций обрядовой архаики с интенсивно развивающимися процессами социальной стратификации.

Для эпохи развитой бронзы весьма показательна серия ярусных рядовых комплексов из Казахстана и Южного Зауралья, оставленных племенами андроновской культурной области. Так, в Центральном Казахстане в могильнике Жиланды на р. Нура ярусный комплекс совершен в ограде (3), имевшей наибольшую высоту и диаметр насыпи и занимавшей центральную позицию на территории памятника¹⁷. В основании центральной в ограде двухъярусной могилы — взрослый с орнаментированным сосудом; на плиточном перекрытии нижнего яруса — взрослый в скорченной позе на спине, с сосудом. На уровне погребения верхнего яруса, в северо-западной части ограды, располагалось «жертвенное место» с костями животных, тогда как на уровне погребения нижнего яруса, в юго-восточной части ограды, — могила ребенка с двумя сосудами. Пол погребенных в этом центральном ярусном комплексе могильника может быть определен лишь предположительно — возможно, в нижнем ярусе погребена женщина, что типично для андроновского обряда, судя по сопроводительной детской могиле.

В Западном Казахстане в известном могильнике Тасты-Бутак 1 также было совершено одно престижное ярусное погребение — в могиле 44 в восточной части памятника¹⁸. В центре ограды в основании каменного ящика положена женщина зрелого возраста в скорченной позе на левом боку, головой на запад — северо-запад, с тремя сосудами и множеством бронзовых украшений: браслетами сложной формы, бляшками с пунсоным орнаментом, пронизьями, бусами. В верхнем ярусе, на 0,35 м выше дна каменного ящика, помещена вторая женщина зрелого возраста на левом боку с сильно поджатыми ногами, головой на запад, без инвентаря. На правой бедренной кости второй умершей — следы от ударов острым и тупым орудиями, ставшие, очевидно, причиной ее гибели (рис. 2, 3). В тастыбутакском ярусном комплексе привлекает внимание факт погребения двоих женщин-ровесниц, причем одна явно выступает в роли доминанта, тогда как вторая похоронена насильственно. Взаиморасположение умерших, выдающийся набор инвентаря основной погребенной сближают тастыбутакский комплекс с тасхазинским, позволяя говорить о принципиальной близости социальной ситуации, повлекшей за собой сооружение подобных престижных захоронений.

В южном Зауралье могильники Ушкаты и Атакен-сай также содер-

жали по одному ярусному захоронению¹⁹. В Ушкаттах в ограде 24 в основании могильной ямы на глубине 0,94 м лежал костяк женщины в скорченной позе на левом боку, лишенный черепа (или головы?), сопровождавшийся сосудом и бусами в области шеи и на ногах. Непосредственно над нижним костяком, на глубине 0,86 м, поместили костяк женщины также без черепа, в скорченной позе на левом боку, с сосудом и украшениями: браслетом, подвеской и бусами. В комплексе, помимо однополости погребенных субъектов, привлекает внимание факт отсутствия черепов (или голов) умерших, что может свидетельствовать об изъятии их для дальнейшего почитания и придает комплексу в целом культовый характер. В Атакөн-сае в ограде 6 также было совершенно ярусное захоронение обезглавленных: в основании ямы положена женщина без черепа, с бронзовыми украшениями, в верхнем ярусе — два взрослых субъекта без черепов, засыпанные «кусочками охры, угольками и светлым суглинком». Очевидно, и в этом культовом (?) погребении основным субъектом являлась женщина, сопровождаемая безынварным захоронением в верхнем ярусе.

Наконец, в Северном Казахстане в могильнике Бурлук I в ограде 13²⁰, насыпь которой отмечена фигурной выкладкой, совершенно биритуальное ярусное захоронение. На дне грунтовой ямы, на глубине 0,8 м у северо-восточной стенки располагались останки кремации. В инвентаре — каменная терка и три сосуда. В верхнем ярусе, на глубине 0,6 м, помещены двое разнополых, судя по их позам, взрослых. В инвентаре — оригинальная каменная миска, из украшений — пастовые бусы (рис. 2, 4).

Таким образом, в ярусных комплексах андроновской культурной области нашло яркое отражение высокое общественное положение определенной, несомненно узкой прослойки женской части коллектива, характеризовавшейся высоким как социальным, так и культовым статусом. Своеобразный бурлукский комплекс выделяется погребениями в различных ритуалах, не рядовым набором инвентаря, причем не исключено, что кремирован был мужчина, судя по преобладающей тенденции в биритуальных андроновских комплексах²¹.

В культурно-стадиальном аналоге андроновской культуры алакульского типа — срубной культуре Поволжья — престижные ярусные комплексы также единичны. Обращает на себя внимание своеобразный биритуальный ярусный комплекс в могиле 26 кургана 23 могильника Кайбелы²². В основании грунтовой могильной ямы на берестяной подстилке похоронен пожилой мужчина в скорченной позе на левом боку, головой на север. В инвентаре — баночный сосуд типичной для срубной культуры формы. В верхнем ярусе под бревенчатым покрытием могильной камеры находились останки кремации, сопровождаемые сосудом, близким по форме абашевским. Согласно интерпретации Н. Я. Мерперта, в верхнем ярусе кайбелского комплекса было совершенно «погребение выходца из другого племени — выходца, связанного определенным образом с покойником, лежавшим на дне ямы, может быть, жены его. Погребение совершено по иноплеменному обряду и сопровождается чуждым срубной культуре сосудом»²³.

Назовем также оригинальный срубный (сабадиновский) ярусный комплекс Рясные могилы из Нижнего Поднепровья²⁴. В центре кургана 1 на дне каменного ящика обнаружено трупосожжение, совершенное на месте. Выше, на двух уровнях плитняковых перекрытий было помещено два разнотипных сосуда, содержавших останки кремаций, причем сосуд, стоявший в юго-восточном углу, включал кремированные кости мужчины. Описанная конструкция, перекрытая каменным закладом — единственная в своем роде для срубно-андоновского ритуала. Вызывает интерес помещение останков умерших в сосуды, выполнявшие, таким образом, роль погребальных урн.

В заключение можно констатировать, что принцип размещения умерших по последовательным вертикальным плоскостям имел глубокие древние корни, связанные, очевидно, с особенностями социально-идеологиче-

ской структуры архаичных мезо-неолитических коллективов, культивировавших в своей мифологии представления, возможно, в какой-то мере аналогичные представлениям палеосибирских этносов о ярусности строения мира мертвых²³. В ярусных погребениях бронзового века с особой яркостью проявился социальный аспект подобного ритуала, предписывавшего захоронение в таких престижных комплексах лишь выдающихся по общественной значимости членов общинно-родовых коллективов, по преимуществу мужчин. В обществах с сильными традициями матригенности, подобно андроновскому алакульского типа, центральными субъектами ярусных комплексов, напротив, неоднократно выступают женщины. Как в древнейших, неолитических, так и более поздних ярусных комплексах часто прослеживается архаичный обрядовый принцип половозрастных градаций, тесно переплетавшийся с явлениями социальной стратификации.

- ¹ *Телегин Д. Я., Жилиева С. И.* Деревьский неолитический могильник.— *Археология*, 1964, XVI, с. 158, 159, рис. 4, 7; *Окладников А. П.* Неолитические памятники Ангары (от Шукино до Бурети). Новосибирск, 1974, с. 42, табл. 14, 15.
- ² *Макаренко М.* Мариупольский могильник. Київ, 1933, с. 68—70, рис. 27; *Аганов С. А., Васильев И. Б., Пестрикова В. И.* Хвалынский могильник и его место в неолите Восточной Европы.— В кн.: *Археология восточноевропейской лесостепи*. Воронеж, 1979, с. 52—54, рис. 3, 7; 5, 1.
- ³ *Шмидт А. В.* Древний могильник на Кольском заливе.— В кн.: *Кольский сборник*. Л., 1930, 23, с. 165—169.
- ⁴ Принципиально аналогичен рассмотренным ярусным комплексам единственный ярусный комплекс К могильника Тевьек (французская Бретань, Морбиган), датируемый рубежом неолита. В основании здесь положен мужчина, пораженный стрелой, в центральном ярусе — женщина с обильными украшениями и девушка, в верхнем ярусе — тройное разнополое погребение (*Pequart M., Pequart St.-J., Vallois H., Boul M.* *Archive de l'Institut de Paleontologie humaine*, 1937, memoire, 18, p. 4, 5, pl. V).
- ⁵ *Городцов В. А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии в 1901 г.— *Труды XII АС. М.*, 1905, I, с. 279, 280.
- ⁶ *Мерперт Н. Я.* Древнейшая история населения степной полосы Восточной Европы. Автореф. докт. дис. М., 1968.
- ⁷ *Гросу В. И.* Курганы у с. Корпач Единецкого р-на.— *АО* 1976 г. М., 1977, с. 454.
- ⁸ *Мамонтов В. И.* Разведки и раскопки в Волгоградской обл.— *АО* 1976 г. М., 1977, с. 161.
- ⁹ *Шепинский А. А., Черепанова Е. Н.* Северное Присивашье в V—I тысячелетиях до н. э. Симферополь, 1969, с. 241, рис. 94, 9.
- ¹⁰ Там же, с. 132, 133, рис. 46, 50.
- ¹¹ *Теплоухов С.* Древние погребения в Минусинском крае.— В кн.: *Материалы по этнографии*. Л., 1927, III, 2, с. 64, 66, 67, рис. 3, 4.
- ¹² *Киселева С. В.* Материалы археологической экспедиции в Минусинский

край в 1928 г.— В кн.: *Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартьянова*. Минусинск, 1929, VI, 2, с. 43—45, табл. I, 6—11.

- ¹³ *Липский А. Н.* Новые данные по афанасьевской культуре.— В кн.: *Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск, 1961, с. 271, 272.
- ¹⁴ *Хлобыстина М. Д.* Тотемно-космогонические образы в искусстве южносибирской бронзы.— В кн.: *Первобытное искусство. У истоков творчества*. Новосибирск, 1978, с. 163, рис. 1, 4.
- ¹⁵ *Хлобыстина М. Д.* Происхождение и развитие культуры ранней бронзы Южной Сибири.— *СА*, 1973, 1, с. 34.
- ¹⁶ *Хлобыстина М. Д.* Некоторые особенности андроновской культуры Минусинских степей.— *СА*, 1973, 4, с. 50, 52, рис. 1, 2.
- ¹⁷ *Кадырбаев М. К.* Могильник Жиланды на реке Нуре.— В кн.: *В глубь веков*. Алма-Ата, 1974, с. 30, 31, рис. 1; 5, 12.
- ¹⁸ *Сорокин В. С.* Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бугак I в Западном Казахстане.— *МИА*, 1962, 120, с. 23, 24, табл. XXVII; XXVIII; рис. 3, 4.
- ¹⁹ *Кузьмина Е. Е.* Периодизация могильников Еленовского микрорайона андроновской культуры.— В кн.: *Памятники каменного и бронзового веков Евразии*. М., 1964, с. 123, 127.
- ²⁰ *Зданович С. Я.* Могильник эпохи бронзы Бурлук I.— В кн.: *По следам древних культур Казахстана*. Алма-Ата, 1970, с. 157, 160, рис. 1; 3, II—15.
- ²¹ *Хлобыстина М. Д.* К вопросу о «биритуальных» обрядах в андроновских могильниках.— В кн.: *Южная Сибирь в скифо-сарматскую эпоху*. Кемерово, 1976, с. 8—14.
- ²² *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— *МИА*, 1958, 61, с. 93, 95, рис. 6, 8.
- ²³ Там же, с. 95.
- ²⁴ *Отрощенко В. В.* Погребения с трупосожжением у племен срубной культуры Нижнего Поднепровья.— В кн.: *Энеолит и бронзовый век Украины*. Киев, 1976, с. 178, 179, рис. 3, 3, 4; 4; 5.
- ²⁵ *Грачева Г. Н.* Ранние представления инганасан о человеке (по материалам погребального обряда XIX—начала XX в.). Автореф. канд. дис. Л., 1974, с. 13.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ

В гипотезе о происхождении срубной культуры памятникам периода средней бронзы степного Поволжья долгое время отводилась значительная, даже исключительная роль¹.

Гипотеза о генетической связи между памятниками средней и поздней бронзы в этом районе, претерпев некоторые изменения, продолжает оставаться отправным узлом в культурно-исторических построениях², однако основания этой гипотезы, несмотря на появление новых данных, детальному анализу не подвергались.

П. С. Рыков, создавший схему развития культур эпохи бронзы в Нижнем Поволжье, выделил здесь две культуры: ямную и хвалынскую, или нижневолжскую. Хвалынскую культуру он разбил на стадии. Стадия А отличалась влиянием катакомбной культуры, В — срубной культуры, а С — Сеймы и Бородина, причем развитие двух последних стадий считалось параллельным³.

П. Д. Рау пересмотрел схему П. С. Рыкова, отчленив от хвалынской культуры раннюю ступень — стадию А, названную им полтавкинской (Poltavkerstufe), но в отличие от предшествующей ступени — ямной (Schachtgräberstufe), он не считал ее культурой, так же как и «поздние группы» (Jüngere Gruppen) стадии В и С хвалынской культуры П. С. Рыкова⁴.

Эти две точки зрения, высказанные в 20-х годах, легли в основу последующего понимания рассматриваемых культурных групп. Те, кто считал более справедливой точку зрения П. Д. Рау, стали именовать полтавкинскую ступень полтавкинской культурой, а стадии В и С — срубной культурой (О. А. Кривцова-Гракова, К. Ф. Смирнов, Н. К. Качалова и др.)⁵ Те же, кто склонялся к схеме П. С. Рыкова, постепенно признали неправомерность термина «хвалынская культура» и стали называть памятники, относящиеся к этой культуре, сначала срубно-хвалынскими (И. В. Сеницын)⁶, а затем просто срубными (И. В. Сеницын, Н. Я. Мерперт в ранних работах)⁷.

Таким образом, в срубную культуру, помимо собственно срубных памятников, оказались включенными памятники периода средней бронзы (стадия А хвалынской культуры по П. С. Рыкову, или Poltavkerstufe эпохи бронзы Нижнего Поволжья по П. Д. Рау) и памятники, сгруппированные П. С. Рыковым в стадию С и выделенную впоследствии Д хвалынской культуры⁸. Сейчас они в большинстве воспринимаются как срубные с абашевскими элементами⁹, или абашевско-срубные¹⁰.

В последующих работах памятники периода средней бронзы стали называть раннесрубными, причем даже в ссылках на работы П. Д. Рау иногда говорили о Poltavkerstufe срубной культуры¹¹ (а не эпохи бронзы Нижнего Поволжья). Но ни П. Д. Рау, ни П. С. Рыков никогда не относили памятники периода средней бронзы к срубной культуре.

Мнение П. С. Рыкова относительно группы памятников периода средней бронзы менялось. Одно время он даже отделял их совсем от хвалынской культуры и причислял к ямной¹², но затем вернулся к прежней точке зрения¹³. Он подчеркивал условный характер предложенного им термина хвалынская культура¹⁴. Этот термин он считал сборным для группы культур, которые впоследствии могли бы рассматриваться как самостоятельные. Однако включение хвалынской культуры (со всеми стадиями) в срубную привело к тому, что единство групп памятников, объединяемых ранее термином хвалынская культура, было преувеличено.

Генетическая связь между памятниками периода средней бронзы и срубными для тех, кто объединял их в одну культуру, была бесспорной и специально не доказывалась. П. С. Рыков считал стадию А хвалы-

ской культуры переходной от ямной культуры к хвалынским стадиям В и С¹⁵, однако никаких аргументов в пользу этого он не приводил. Правда, большие сосуды стадии В он связывал происхождением с сосудами, близкими по форме катакомбным (стадия А)¹⁶. П. Д. Рау, рассматривавший полтавкинские памятники как совершенно самостоятельные, писал, что в течение полтавкинской стадии в Поволжье образуются керамические типы (острореберные сосуды), которые можно считать руководающими формами керамики срубной культуры¹⁷.

В дальнейшем предположения о преемственности керамических форм на памятниках средней и поздней бронзы были восприняты как веское обоснование генетической связи между группами этих памятников.

Первой попыталась всесторонне аргументировать рассматриваемую гипотезу О. А. Кривцова-Гракова. Она отметила, что вопрос о происхождении срубной культуры поставлен и отчасти разрешен археологами Поволжья, которым уже в конце 20-х годов местное происхождение срубной культуры на Волге представлялось неоспоримым¹⁸.

Рассматривая срубную культуру как результат эволюции ямной культуры в полтавкинскую и полтавкинскую — в срубную, О. А. Кривцова-Гракова сравнивает погребальный обряд и керамику упомянутых культур. В погребальном обряде полтавкинской и срубной культур О. А. Кривцова-Гракова выделяет общие черты: форму могилы — простая яма, почти всегда перекрытая деревом, и позу погребенных — в скорченном положении на боку. Следует заметить, что простая яма — чрезвычайно распространенный вид могильного сооружения и, к тому же, на памятниках периода средней бронзы — не единственный: здесь известны также катакомбы и подбой¹⁹. Не было принято во внимание положение рук погребенных. Если в поздних погребениях средней бронзы руки покойников протянуты к ногам — поза «скачущего всадника», то в погребениях периода поздней бронзы руки согнуты в локтях, и их кисти расположены перед лицом — поза «адорации» (по Д. Я. Телегину)²⁰. Исключительная малочисленность погребений со срубными — соответственно два и три в сравниваемых группах памятников — не позволяет рассматривать их как связующее звено²¹.

О. А. Кривцова-Гракова показала, что из ямного яйцевидного сосуда постепенно развиваются баночный и острореберный сосуды²², однако она не рассматривала сосуды в комплексе с погребальным обрядом, не учитывала изменения, происшедшие в погребальном обряде²³. Предложенный типологический ряд из пяти сосудов не был стратифицирован²⁴. К тому же, О. А. Кривцова-Гракова констатировала резкое изменение в керамической традиции²⁵.

В дальнейшем только К. Ф. Смирнов привел конкретные подтверждения рассматриваемой гипотезы. Среди керамики срубной культуры из погребений у сел Иловатка и Политотдельское К. Ф. Смирнов выделил типологически более древнюю, которая, по его мнению, характеризует связь керамики развитой срубной культуры с полтавкинской. Он прослеживает связующие элементы не только в форме сосудов, но и в орнаментации²⁶. К. Ф. Смирнов перечислил 12 погребений, содержащих такую керамику. Одно из них — единственное в кургане 6 у с. Иловатка. Покойник лежал на спине, головой на север, при нем было два сосуда²⁷. Н. К. Качалова относит такие погребения к срубным с абашевскими элементами. Она выделяет, кроме этого погребения, еще восемь у сел Иловатка и Политотдельское с абашевскими сосудами, которые ранее определялись как срубные²⁸. А. Д. Прякин, расширяя круг подобных захоронений, называет их синкретическими абашевско-срубными²⁹.

Относительно других сосудов, упомянутых К. Ф. Смирновым, отметим, что по форме и орнаментации сосуды из погребений у сел Иловатка (курган 2, погребение 13) и Политотдельское (курган 4, погребения 4, 6, 11)³⁰ существенно отличаются от сосудов периода средней бронзы степного Поволжья. Сосуд из погребения 19 кургана 2 Иловатки А. Д. Прякин характеризует как несхожий не только с абашевской, но и со срубной по-

судой³¹. Указанное погребение, как и ряд других, разрушено. Сосуды из погребения 1 кургана 4 Иловатки и из погребений 9, 13 и 17 кургана 12 Политотдельского³², на наш взгляд, также особой близости к сосудам периода средней бронзы не обнаруживают: сосуды из погребения 1 кургана 4 Иловатки и погребения 17 кургана 12 Политотдельского имеют орнамент, нанесенный зубчатым штампом иного типа, характерным для срубной посуды, но не для посуды предшествующей эпохи. Композиция орнамента на сосуде из погребения 9 кургана 12 Политотдельского, хотя и выполнена веревочным штампом, не типична для периода средней бронзы. Сосуд из погребения 13 кургана 12 Политотдельского — без орнамента.

Н. К. Качалова приводит корреляционные таблицы, показывающие соотношение погребальных обрядов, форм и орнаментации сосудов³³. Из них видно, что ямная и полтавкинская культуры находятся в тесном переплетении, между тем как срубная культура стоит особняком. «В погребальном обряде,— пишет Н. К. Качалова,— гораздо больше общего у полтавкинских и древнеямных племен, чем у полтавкинских и срубных... Такая же картина наблюдается при анализе керамики... При сравнении древнеямной и полтавкинской глиняной посуды наблюдается продолжение единой традиции... При сопоставлении полтавкинской и срубной глиняной посуды обнаруживается несколько иное явление. Если имеется некоторая преемственность в формах сосудов, то орнаментика резко отличается»³⁴. Н. К. Качалова отделяет полтавкинскую культуру от срубной и отмечает, что генетическая близость между ними носит ограниченный характер и что срубная культура складывается, очевидно, на более широкой, чем полтавкинские памятники, основе³⁵.

В дальнейшем Н. К. Качалова, разделив срубные памятники на лесостепные и степные, локальные особенности которых заметны с самого начала существования срубных племен, пришла в выводу, что «Среднее Поволжье и Приуралье являются единственными районами для лесостепной зоны, так же как Нижнее Поволжье — для степной, где прослеживается преемственность между срубными и памятниками предшествующего времени. Очевидно, именно на этой территории срубная культура сформировалась как самостоятельная общность»³⁶.

Аргументация вывода о преемственности рассматриваемых памятников в средневожско-приуральском регионе носит весьма общий характер. Конкретно отмечено лишь, что только в этом районе обнаружены сосуды лйцевидных пропорций, сохраняющие традиции полтавкинского времени. Памятники предшествующей эпохи не указаны. В достаточной мере не детализировано и предположение И. Б. Васильева о формировании срубных племен Среднего Поволжья в результате смешения раннеполтавкинского и пришлого с территории Нижнего Поволжья позднеполтавкинского населения³⁷.

Выделение раннесрубного горизонта погребений Нижнего Поволжья позволило Н. К. Качаловой сопоставить его с позднеполтавкинской группой и отметить признаки преемственности с предшествующей полтавкинской культурой: положение рук, протянутых к коленям или вперед; краска и мел в погребениях³⁸. Но среди перечисленных Н. К. Качаловой погребений бережновского горизонта лишь одно (Ларин пруд, курган 2, погребение 5) имело первую из отмеченных черт. Другой признак нельзя считать исключительно полтавкинским. Исследовательница отмечает, что несомненная близость с полтавкинской культурой обнаруживается в керамике, указывает на сходство некоторых форм сосудов и системы расположения орнамента на них, но упоминает, что в самом орнаменте такой преемственности нет. И хотя Н. К. Качалова пишет, что в Нижнем Поволжье погребения бережновского горизонта отражают процесс сложения срубной общности, она отмечает, что эти погребения нельзя относить к разряду переходных³⁹. Переходные же погребения пока неизвестны.

Подводя итоги анализу оснований гипотезы о генетической связи памятников периода средней бронзы Степного Поволжья и срубных, отметим: не отрицая в принципе возможность какой-то преемственности меж-

ду этими группами памятников, мы приходим к выводу, что упомянутая гипотеза недостаточно аргументирована.

Поздний период средней бронзы Степного Поволжья представлен погребениями с деформированными черепами, ориентировкой в южном секторе, позой погребенных в виде «скачущего всадника», катакомбой-подбоем. Эти признаки характерны для катакомбной культуры, но не получили развития в срубной. Н. Я. Мерперт пришел к выводу о возможности формирования срубной культуры на территории, не подверженной катакомбным воздействиям, т. е. в восточных от Поволжья районах⁴⁰.

Типологическую близость погребений раннего этапа полтавкинской культуры (по Н. К. Качаловой) к срубным подчеркивал И. Б. Васильев⁴¹, но эта близость довольно ограничена (крупные прямоугольные или квадратные ямы, бревенчатые накатки, восточная ориентировка погребенных).

Примечательно, что в ямных погребениях Южного Приуралья (самых восточных в ямной общности) известна поза «адорации»⁴², характерная как для алакульских, так и для срубных захоронений, но таких погребений мало. К тому же, положение умерших на правом боку более распространено в алакульских погребениях, чем в срубных.

Общность срубных и алакульских памятников отмечалась многими исследователями. Г. Б. Зданович считает возможным говорить об андроновско-срубной культурно-исторической общности⁴³, а Э. А. Федорова-Давыдова предполагает, что материальная культура раннесрубных и алакульских племен Южного Приуралья и Западного Казахстана сложилась на близкой основе⁴⁴. Н. К. Качалова указывает, что в процессе формирования срубной культуры принимала участие близкая к полтавкинской и, очевидно, синхронная ей культура восточных районов, пока еще не получившая названия⁴⁵.

Слабая изученность районов восточнее Заволжья, почти полное отсутствие памятников предалакульского (предновокумакского) времени затрудняет выяснение вопроса о происхождении алакульских и срубных культурных типов.

¹ Иная точка зрения была высказана Б. А. Латыгиным, а позже И. А. Писларем: См.: *Латыгин Б. А.* К вопросу о памятниках с так называемой многовалевой керамикой.— АСГЭ, 1964, 6, с. 53—71; *Писларий И. А.* Новые материалы для изучения вопроса о сложении срубной культуры.— В кн.: *Открытия молодых археологов Украины.* Киев, 1976, ч. I, с. 18, 19.

² См., например: *Морозов Ю. А.* История племен срубной культуры Бельско-Уральского междуречья. Автореф. канд. дис. М., 1977, с. 16, 17. Сомнения на этот счет высказаны недавно Н. Н. Чередниченко. См.: *Чередниченко Н. Н.* О некоторых проблемах срубной культуры.— В кн.: *Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы* (тезисы докладов конференции 3—6 декабря 1979 г.). Донецк, 1979, с. 6, 7.

³ *Рыков П. С.* К вопросу о культурах бронзовой эпохи в Нижнем Поволжье.— Изв. Краеведческого института изучения Южно-Волжской области. Саратов, 1927, т. II, с. 77—93.

⁴ *Rau P.* Hockergräber der Wolgasteppe. Pskrowsk, 1928, S. 12—19.

⁵ *Кривцова-Гракова О. А.* Алексеевское поселение и могильник.— Труды ГИМ, 1947, 17, с. 153—155; *Смирнов К. Ф.* Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской обл.— МИА, 1959, 60, с. 311; *Качалова Н. К.* Пле-

мена Нижнего Поволжья в эпоху средней бронзы. Автореф. канд. дис. Л., 1965.

⁶ *Синицын И. В.* Археологические раскопки в Нижнем Поволжье.— Учен. зап. СГУ, 1947, XVII, с. 8.

⁷ *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда (1951—1953).— МИА, 1959, 60, с. 185—188; *Мерперт Н. Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья.— МИА, 1958, 61, с. 63.

⁸ *Рыков П. С.* Археологическая экспедиция по Хопру.— Сообщения ГАИМК, 1934, 8.

⁹ *Качалова Н. К.* Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья.— АСГЭ, 1976, 17.

¹⁰ *Пряхин А. Д.* Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971, с. 130, 131; *Он же.* Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977, с. 33—35.

¹¹ *Синицын И. В.* Археологические исследования Заволжского отряда..., с. 188.

¹² *Рыков П. С.* Археологическая экспедиция по Хопру, с. 31.

¹³ *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья. Саратов, 1936, с. 30, 31.

¹⁴ *Рыков П. С.* К вопросу о культурах..., с. 85; *Он же.* Археологическая экспедиция по Хопру, с. 31; *Он же.* Очерки по истории Нижнего Поволжья, с. 31.

¹⁵ *Рыков П. С.* Очерки по истории Нижнего Поволжья, с. 31.

- ¹⁶ Рыков П. С. К вопросу о культурах..., с. 83.
- ¹⁷ Rau P. Hockergräber..., S. 19.
- ¹⁸ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, 46, с. 10.
- ¹⁹ Качалова Н. К. К вопросу о памятниках полтавкинского типа.— АСГЭ, 1962, с. 36, 37.
- ²⁰ Телегин Д. Я. Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи европейской части СССР.— В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976, с. 6, 7, рис. 1; с. 12, 13, 19. Данные по срубной культуре Поволжья на с. 13, 19 этой работы неточны: в связи с тем что некоторые исследователи квалифицировали полтавкинские памятники как срубные, сюда же иногда причислялись безынварные погребения, культурная атрибуция которых затруднительна.
- ²¹ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье..., с. 15, 16.
- ²² Там же, с. 24.
- ²³ Качалова Н. К. О выделении полтавкинской культуры.— КСИА, 1967, 112, с. 16—19.
- ²⁴ Rau P. Hockergräber..., S. 30, 31.
- ²⁵ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье..., с. 33, 36.
- ²⁶ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., с. 313, 314.
- ²⁷ Там же, с. 223, 224, рис. 8, 13—15.
- ²⁸ Качалова Н. К. Абашевские элементы в срубной культуре..., с. 9, рис. 2, 22; с. 12, 16, 17.
- ²⁹ Прягин А. Д. Погребальные абашевские памятники, с. 36, 37.
- ³⁰ Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., с. 216, 217, рис. 6, 7; с. 240—242; с. 239, рис. 15, 10, 12, 13, 17.
- ³¹ Там же, с. 217, рис. 6, 10; Прягин А. Д. Погребальные абашевские памятники, с. 37.
- ³² Смирнов К. Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское..., с. 220, 222, 223, рис. 8, 3; с. 266—268, с. 22, 13, 14, 19.
- ³³ Качалова Н. К. О выделении полтавкинской культуры.— КСИА, 1967, 112, с. 16, 17, рис. 4; с. 20, 21, рис. 5.
- ³⁴ Там же, с. 20, 21.
- ³⁵ Там же, с. 21, 22.
- ³⁶ Качалова Н. К. Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры.— АСГЭ, 1974, 16, с. 18; Она же. О локальных различиях в лесостепной срубной культуре.— АСГЭ, 1977, 18, с. 27.
- ³⁷ Васильев И. Б. Полтавкинские памятники Среднего Поволжья и некоторые вопросы формирования срубной общности.— В кн.: Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978, с. 14—18; Он же. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы (ямные и полтавкинские племена).— В кн.: Древняя история Поволжья (Научные труды Куйбышевского государственного пед. ин-та им. В. В. Куйбышева, т. 230). Куйбышев, 1979, с. 24—52.
- ³⁸ Качалова Н. К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья.— СА, 1978, 3, с. 77.
- ³⁹ Там же, с. 77, 78.
- ⁴⁰ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974, с. 97.
- ⁴¹ Васильев И. Б. Полтавкинские памятники Среднего Поволжья..., с. 18; Он же. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы..., с. 52.
- ⁴² Федорова-Давыдова Э. А. Приуральская группа памятников ямной культуры.— В кн.: История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 46—60.
- ⁴³ Зданович Г. Б. Периодизация и хронология памятников эпохи бронзы Петропавловского Пришимья. Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 3.
- ⁴⁴ Федорова-Давыдова Э. А. К проблеме андроновской культуры.— В кн.: Проблемы археологии Урала и Сибири. М., 1973, с. 149.
- ⁴⁵ Качалова Н. К. Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья, с. 78.

В. И. МАРКОВИН

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СКЛЕПОВ И РАСПРОСТРАНЕНИИ СОСТАВНЫХ ДОЛЬМЕНОВ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В 1966 г. у сел. Эгикал в горной части Ингушетии был обнаружен интересный могильник эпохи бронзы. Здесь удалось вскрыть тогда два склепа необычной для того времени конструкции — с входными проемами и внутренними полками, на которые клали умерших. Обильные находки позволили датировать этот памятник серединой — началом второй половины II тысячелетия до н. э.¹

С той поры прошло уже много времени, но некрополь в Эгикале продолжает привлекать внимание археологов и этнографов, и более всего вызывает интерес конструкция местных сооружений.

По мнению Л. Г. Нечаевой, первые склепы на Северном Кавказе появились вместе с сарматскими катакомбами и даже были вызваны к жизни именно ими: архитектура склепов «воспроизводит катакомбы. Разница между катакомбами и склепами состоит только в строительном материале (материковая глина и камень) и в отсутствии у полуподземных и наземных склепов входной ямы, которую заменяет склон горы»². Поскольку катакомбы на Кавказе характерны более всего для алан, то все без исключения склепы «Ингушетии, Балкарии и Карачая» Л. Г. Нечаева приписывает аланам. Тем самым они становятся «важным источником» для изучения «ираноязычного компонента в формировании современных осетин»³.

В литературе уже отмечалось, что кавказские склеповые постройки прошли сложный путь развития от подземных до наземных сооружений, причем первые из них ничем не напоминают катакомбы⁴. Да и перенесение земляных конструкций на дневную поверхность, очевидно, потребовало бы решения сложных строительных задач, осуществление которых не могло бы прийти к создателям склепов сразу, в один момент⁵. Это первое сомнение, которое возникает при изучении данной теории.

Второе сомнение носит несколько иной характер. У Л. Г. Нечаевой все склепы приписываются аланам, а те в свою очередь объявлены только осетинами. Получается так, что на Северном Кавказе, там, где строились склепы, всюду жили одни осетины, а как же быть с чеченцами и ингушами? Ведь в их горах высятся целые «города мертвых», которые использовались вплоть до начала XIX в. А хевсурь? Известно, что и они пользовались склеповыми некрополями.

Как видно, происхождение склепов не стоит так безапелляционно связывать только с аланам. Думается, что и катакомбы не всегда и не везде являлись только аланскими сооружениями. Сейчас над этим вопросом серьезно задумываются археологи.

В связи с открытием склепов у сел. Эгикал, у хут. Гинчи (Дагестан)⁶, в кургане 19 у г. Усть-Джегутинск (Карачаево-Черкесия)⁷ в сфере внимания снова оказались давно уже обнаруженные склепы у сел. Ирганай (Дагестан)⁸. Все они, будучи памятниками эпохи бронзы, в разной степени обладали отдельными конструктивными деталями, характерными для средневековых склепов (полки, входные проемы, сводчатое перекрытие и пр.). Этот материал, с несомненностью доказывающий возникновение склепов на кавказской почве еще в эпоху бронзы, лег в основу новой теории, выдвинутой опять-таки Л. Г. Нечаевой. Подобные памятники она рассматривает как «составные дольмены», т. е. как сооружения, созданные из «сравнительно небольших блоков» (укладывая их рядами друг на друга), получали дольмен). В разряд составных дольменов при таком примитивном их осмыслении сразу же были включены самые разнородные памятники: «Берекей, Эгикал, Верхняя Рутха, Индыш-Баши, Кефарь, Амгата, Сенты»⁹.

Первые три из них, находящиеся в Дагестане, Ингушетии и Северной Осетии, суммарно могут быть отнесены к разным отрезкам II тысячелетия до н. э. В трех других пунктах (Индыш-Баши, Амгата, Сенты), находящихся в Карачаево-Черкесии, можно видеть склеповые сооружения, которые датируются IX—XII вв.¹⁰, а одно из них — Сентинский мавзолей¹¹ — мне кажется еще более поздней постройкой. Из всех упоминавшихся памятников только сооружения на р. Кяфар (Кефарь) действительно могли быть составными дольменами (они сложены с помощью пазов, их блоки и брусья тщательно подшлифованы, имеют круглые входные отверстия — лазы) и лишь в средние века использоваться аланам для захоронений¹².

В число «составных дольменов» попали уже упоминавшиеся склепы Ирганая (Дагестан)¹³.

И эта теория, подобно предыдущей — по поводу трансформации аланских катакомб в средневековые склепы, опять-таки вызывает два серьезных возражения:

1. Конструктивно составные дольмены ничего общего не имеют с теми памятниками (кроме Кефая), которые включены Л. Г. Нечаевой в список дольменов. Все дольмены этого типа сделаны из хорошо обработанных плит и блоков, имеют кругло-овальные отверстия и собраны с помощью пазов и шипов разной конструкции¹⁴. Склепы Эгикала, Ирганая и другие сложены из рваного камня и по своей конструкции дольменами не могут быть названы. Лишь средневековые памятники, попавшие в число «дольменов» эпохи бронзы, собраны из хорошо подогнанных плит, но они имеют прямоугольные лазы, не встречающиеся у настоящих древних составных построек.

2. Все типы дольменов в пределах СССР характерны лишь для Западного Кавказа. Все ученые единодушно связывают их происхождение с абхазо-адыгским этносом (Б. А. Куфтин, Л. Н. Соловьев, Л. И. Лавров, О. М. Джапаридзе, Ш. Д. Инал-Ипа, В. И. Марковин, Я. А. Федоров, Ю. Н. Воронов и другие).

Расширение ареала составных дольменов за счет упоминавшихся памятников вносит явную путаницу, как и в первом случае с «катакомбами», в исследование древних памятников и этногенеза их создателей. Объяснение Л. Г. Нечаевой, что появление «составных дольменов» (Берекей, Ирганай, Эгикал, Верхняя Рутха и др.) вне Западного Кавказа надо «считать попытками» их строителей «в силу тех или иных причин освоить новые территории»¹⁵, ничем не обосновано. В последней работе Л. Г. Нечаева снова говорит о «передвижении строителей дольменов», но очень неопределенно. Думается, что речь идет о движении из Азии (?), хотя в опубликованных тезисах нет уточнений, как и каким образом этот процесс происходил¹⁶.

Сохраняя в силе свою первую теорию¹⁷ и предлагая новую, Л. Г. Нечаева еще больше удаляется от решения вопросов о происхождении кавказских народов и о генезисе средневековых склепов.

Конечно, слов нет, трудно связывать единой линией развития памятники эпохи бронзы и средневековья, хотя имеется посредствующее звено в виде гробницы Коба-Баши сарматского времени, обнаруженной в Карачаево-Черкесии¹⁸. Однако такие объекты, как изученные в Эгикале, Ирганае, Гинчи, Усть-Джегуте, да и Коба-Баши, дают относительную возможность представить появление тех конструктивных деталей, которые затем, уже в средние века, получают полное оформление в наземных склепах. Можно также надеяться, что в дальнейшем будут открыты такие памятники, которые позволят восполнить недостающие звенья в предполагаемой схеме развития интересующих нас памятников.

Возвращаясь к упоминавшимся теориям, надо заметить, что они не только не согласованы с реальным развитием строительного дела (переход катакомб в склепы), но и оторваны прежде всего от конкретного археологического материала — вещевых находок. Ни в одном из памятников эпохи бронзы, которые Л. Г. Нечаева относит к «составным дольменам», не был найден соответствующий дольменам инвентарь. В Берекее — это предметы, характерные для каякентско-хорочоевской культуры¹⁹, в Ирганае — для эпохи развитой бронзы Дагестана²⁰. Ничего общего с дольменными не имеют и находки в Эгикале²¹. Сейчас есть возможность дать более полное представление о разнообразии эгикальских древностей.

В 1976 г. М. Б. Мужухоев обнаружил еще один склеп у сел. Эгикал²². Он находился к западу от селения, на спаде горы Цей-Лам к ручью. Склеп сложен насухо из грубо колотых плит темного сланцевого песчаника (рис. 1). Перекрытие его состояло из двух обломков скал, один из которых уходит в склон (размеры одного из них: длина 2,10 м, ширина 1 м, толщина 0,40—0,20 м). Сооружение вытянуто с севера на юг, вход — с юга. Кладка фасада разрушена, простирался он на 1,40 м, размеры входного проема 0,60 × 0,60 м, форма его прямоугольная. Толщина стен фасада 0,22 м, боковых стен — 0,40 м. Камера прямоугольного плана имеет следующие габариты: длина 1,50 м, ширина 1,10 м, высота 1,30 м. Склеп был заполнен глинистыми отложениями на толщину до 0,50 м.

Рис. 1. Сел. Эгикал в Ингушетии. Склеп эпохи бронзы (работы М. Б. Мужухоева 1976 г.)

Рис. 2. Глиняная посуда из склепа эпохи бронзы у сел. Эгикал (1, 2)

При расчистке его обнаружены костные останки не менее восьми человек (по числу черепов). Небольшие размеры камеры позволяют предполагать, что умерших хоронили в скорченном положении.

Инвентарь склепа. 1. Сосуд биконической формы со слегка отвернутым венчиком (высота 20 см, диаметры дна 6,3 см, устья 11 см). Поверхность серо-коричневая, довольно гладкая. На верхней части тулова ритмично расположены четыре скобообразных налепа с легкими вмятинами. Найден в центральной части камеры, на ее дне (рис. 2, 1).

2. Миниатюрная чашечка (плошка) с расширяющимся устьем. Поверхность серая, бугристая. Высота 3,5–4 см, диаметр устьевой части 8 см, диаметр дна 4,5 см. Найдена в северо-западном углу, на 0,20 м выше дна (рис. 2, 2).

3. Обломки слегка выгнутой бронзовой пластины, покрытой пунсонным орнаментом в виде меандра, сочетающегося с кружками. Орнамент

нанесен по заранее намеченному по металлу тонкой линией рисунку. Отдельные куски пластины имеют округлую, дисковидную форму. Самый крупный обломок в двух местах пробит. Небольшой фрагмент снабжен уплощенной выпуклостью (рис. 3, 1, 2, 4, 7). Эти обломки были найдены в центральной части камеры, почти на поверхности заполнения.

Судя по находкам в Эгикале в 1966 г., описанные обломки могли принадлежать выгнутой полуовальной бляхе, снабженной крючком²³.

4. Два бронзовых полуовальных колпачка с круглым отверстием в верхней части. Размеры одного: высота 2,1 см, ширина 3,7×3,2 см. Размеры другого: 1,8×3,4×2,9 см (рис. 3, 11, 15). Найдены в юго-западном и юго-восточном углах склепа, на поверхности заполнения.

5. Бронзовая булавка с дисковидным навершием (края его обломаны), без орнамента, имеет отверстие. Сохранилась в длину на 10,8 см, диаметр диска до 3,5—4 см (рис. 3, 17). Найдена на дне склепа, в северо-восточном углу.

6. Черешковый наконечник стрелы из светло-коричневого кремня. Длина 3,3 см (рис. 3, 9). Обнаружен в юго-восточном углу, на дне камеры.

7. Три бронзовые височные подвески, свернутые в полтора оборота (одна разогнута). Размеры 2,1×2 см; 2,1×1,8 см (рис. 3, 5, 6). Найдены по одной у северной и восточной стен и в средней части камеры, на дне.

8. Бронзовая фигурная височная подвеска, концы которой завершаются спиральками. Размеры 6,1×5×1,8 см (рис. 3, 10). Лежала в северо-восточном углу, на дне склепа.

9. Два бронзовых браслета. Свернуты из прута круглого сечения, концы заходят друг за друга. Размеры 6,5×5,5 и 6×4,7 см (рис. 3, 8).

10. Бронзовый наконечник копыя с круглой несомкнутой втулкой (обломана). Длина его могла достигать 23—24 см, диаметр втулки у основания около 2 см, наибольшая ширина пера 2,4 см (рис. 3, 18). Находился близ северной стены, на 0,15 м выше дна камеры.

11. Обломок клинка бронзового кинжала с тремя углубленными бороздками. Сохранился в длину на 7 см, ширина 3,2 см (рис. 3, 14). Лежал на дне камеры, в северо-западном углу.

12. Литой колпачок конической формы из сурьмы. Украшен перекрестием. Имеет по основанию три отверстия (четвертое намечено, но не проколото). Высота 1,6 см, диаметр 2,5 см (рис. 3, 16). Найден под лавом, на глубине 0,25 м выше дна, в засыпке.

13. Костяная фрагментированная бусина-разделитель прямоугольной формы. Имела два сквозных продольных отверстия (от одного сохранились лишь следы). Покрыта циркульным орнаментом (кружки с точками в центре). Вероятно, имела размеры 2×2×0,4 см (рис. 3, 3).

14. Круглая и уплощенная каменная бусина размерами 1,3×0,2 см (рис. 3, 13). Лежала у восточной стены, на дне склепа.

15. Пастовый бисер цилиндрической формы (69 экз.). Цвет голубоватый, желтый, белый и черный. Одна бусинка принадлежит к типу «рогатого бисера» (рис. 3, 12). Собран по всей площади камеры, в засыпке и на дне ее.

16. Восемь бараньих астрагалов (альчиков). Найдены в засыпке у западной стены.

Таков новый материал, собранный еще в одном склепе у сел. Эгикал. Эти находки, дополняя более ранние²⁴, позволяют говорить о возможности двух этапов в заполнении склепа. Обломки кинжала закавказского типа, наконечник копыя (подобные часто встречаются в Кахетии), сурьмяная поделка и костяной разделитель, пожалуй, относятся к концу II тысячелетия до н. э.²⁵, а все остальные предметы, как и найденные в 1966 г., — к середине, скорее всего к началу второй половины II тысячелетия до н. э.²⁶ На это указывает и спектральный анализ находок, сделанный С. Н. Корневым (табл.).

Итак, недавно открытый склеп в сел. Эгикал представляет собой комп-

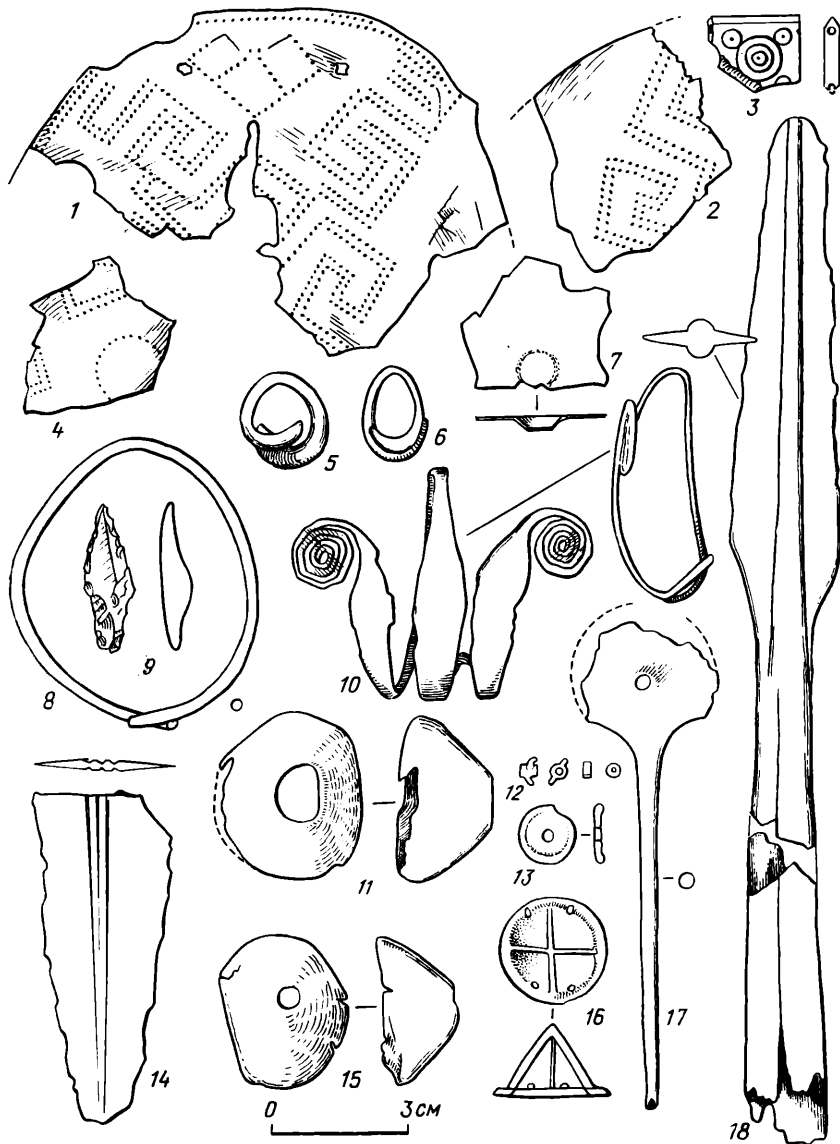

Рис. 3. Предметы, найденные в склепе эпохи бронзы у сел. Эгикал

1, 2, 4—8, 10, 11, 14, 15, 17, 18 — бронза; 3 — кость; 9 — кремль; 12 — стеклянная паста; 13 — камень; 16 — сурьма

лекс эпохи бронзы. Даже самое беглое сравнение его с дольменными материалами показывает значительную разницу между ними:

1. Склеп, обнаруженный М. Б. Мужуховым в Эгикале, как и исследованные ранее, сложен из рваного камня без применения каких-либо подшлифовок и пазов. Перекрытие его состоит из скальных обломков. Входное отверстие прямоугольное. По архитектуре ничего общего с «составными дольменами» не имеет.

2. Инвентарь всех трех упоминавшихся здесь склепов сел. Эгикал также ничего общего с дольменными находками не имеет. Склеповая керамика находит аналогии в восточнокавказских памятниках типа Карабудахкент II — Гинчи — Гатынкале. По технике лепки, фактуре и характеру орнамента она далека от посуды, встречаемой в дольменах. Металлический инвентарь также тяготеет к восточнокавказскому и восточнозакавказскому, менее всего напоминая дольменные предметы. Исключение

Таблица

Состав металла предметов из могильника в сел. Эгикал

Название предмета	№ образца	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	
Наконечник копья	29677		10	0,6	0,02	0,03	~0,1	
Кинжал	29678		8	3	0,03	0,018	0,02	
Булавка	29679		4	0,7	0,01	0,02	0,02	
Бляха с пунсонным узором	29680		0,012	0,015	?	0,006	0,03	
Подвеска фигурная	29681	Основа	6	0,5	0,004	0,004	0,03	
Браслет узкий	29682		0,18	0,5		0,015	0,05	
Браслет широкий	29683		0,007	2		0,03	0,03	
Колпачок крупный	29684		0,018	0,06		0,025	0,02	
Колпачок небольшой	29685		0,025	0,03		0,01	0,02	
Височная подвеска	29686		0,04	0,07		0,005	0,03	
Височная подвеска	29687		0,006	0,03		0,002	0,04	
Обломок металла	29688		0,012	0,01		0,002	0,02	
Височная подвеска разогнутая	29689		0,003	0,03		0,005	0,02	
Колпачок конический								
Название предмета	№ образца		Sb	As	Fe	Ni	Co	Au
Наконечник копья	29677		0,18	0,7	0,1	0,05	0,003	0,03—0,1
Кинжал	29678		0,035	0,4	0,35	0,025	0,003	0,001—0,003
Булавка	29679	0,07	1	0,07	0,025	0,001	0,001—0,003	
Бляха с пунсонным узором	29680	0,1	13	0,007	0,007	?	0,001	
Подвеска фигурная	29681	0,1	0,7	0,017	0,02	0,001	0,001	
Браслет узкий	29682	0,03	1,3	0,002	0,012		<0,001	
Браслет широкий	29683	0,01	1,5	?	0,006		<0,001	
Колпачок крупный	29684	0,08	1,5	0,015	0,006		<0,001	
Колпачок небольшой	29685	0,3	1,3	0,008	0,001		<0,001	
Височная подвеска	29686	0,15	0,35	0,001	0,02		<0,001	
Височная подвеска	29687	0,04	2,5	0,006	0,01		<0,001	
Обломок металла	29688	0,009	2,5	0,002	0,01		<0,001	
Височная подвеска разогнутая	29689	0,013	3,5	?	0,004		<0,001	
Колпачок конический		Основа						

составляют лишь височные подвески в полтора оборота, которые, почти не изменяясь на всех этапах эпохи бронзы, встречаются не только во многих памятниках Северного Кавказа и Закавказья, но и в странах Востока. Это же в какой-то степени касается и браслетов, согнутых из простой металлической проволоки или пластины без особой обработки²⁷.

Как видно, терминологическая путаница, вносимая в понятия каменный ящик, склеп, дольмен, может привести к большим сложностям в исторической и этногенетической интерпретации памятников Кавказа. Этому может помешать только комплексное изучение любого археологического объекта с учетом его архитектуры, техники возведения и полного осмысления найденного инвентаря.

¹ Марковин В. И. Склепы эпохи бронзы у сел. Эгикал в Ингушетии.— СА, 1970, 4, с. 85—92, рис. 1—9.

² Нечаева Л. Г. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Автореф. канд. дис. Л., 1956, с. 18.

³ Нечаева Л. Г. Предварительные итоги изучения склеповых сооружений Северного Кавказа.— Тезисы докладов

сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. Л., 1967, с. 41; Она же. Осетинские погребальные склепы и этногенез осетин.— В кн.: Этническая история народов Азии. М., 1972, с. 287, 288.

⁴ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 гг. Грозный, 1963,

- с. 63; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа.—МИА, 1962, 106, с. 107, 108; *Крупнов Е. И.* Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 81.
- ⁵ *Марковин В. И.* О возникновении склеповых построек на Северном Кавказе.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 124.
- ⁶ *Гаджиев М. Г.* Из истории культуры Дагестана в эпоху бронзы. Махачкала, 1969, с. 14, 104—106.
- ⁷ *Нечигаило А. Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 72—74, рис. 27, 3—6.
- ⁸ *Погребова М. Н.* Ирганайский склеп эпохи бронзы.— МАД, 1961, II, с. 101—111, рис. 1.
- ⁹ *Нечаева Л. Г.* Составные дольмены Осетии, Ингушетии, Карачая.— Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований 1970 г. в СССР. Археологическая секция. Тбилиси, 1971, с. 65—67.
- ¹⁰ *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М., 1971, с. 87 и сл.
- ¹¹ *Кузнецов В. А.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 80, 81, рис. 15, 16.
- ¹² *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа. М., 1978, с. 150—155, рис. 82—84 (там же библиография).
- ¹³ *Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В.* Ирганайские гробницы эпохи бронзы и составные дольмены Северного Кавказа.— В кн.: V КЧ по археологии Кавказа. Махачкала, 1975, с. 31, 32.
- ¹⁴ *Марковин В. И.* Дольмены Западного Кавказа, с. 135 и сл.
- ¹⁵ *Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В.* Ирганайские гробницы..., с. 32.
- ¹⁶ *Нечаева Л. Г.* О переселении кочевников из Азии в Юго-Восточную Европу.— В кн.: X КЧ по археологии Северного Кавказа. М., 1980, с. 36, 37.
- ¹⁷ Там же, с. 36.
- ¹⁸ *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история..., с. 67, табл. 17а, 1, 2.
- ¹⁹ *Круглов А. П.* Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетиях до н. э.— МИА, 1958, 68, с. 99, 145, рис. 21, 4; 70.
- ²⁰ *Погребова М. Н.* Ирганайский склеп..., с. 113—117, рис. 6—9.
- ²¹ *Марковин В. И.* Склепы эпохи бронзы..., с. 84, 87, 90, рис. 1; 4—6; 9.
- ²² Архив ИА, д. № 6588 за 1976 г. (отчет М. В. Мужухоева). Макшарицу Бавдиновичу Мужухоеву приношу глубокую благодарность за предоставление публикуемых материалов.
- ²³ *Марковин В. И.* Склепы эпохи бронзы..., с. 84, 85, рис. 1, 1.
- ²⁴ Там же, с. 84—92, рис. 1; 4—6; 9.
- ²⁵ *Пицхелари К. Н.* Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979, с. 112 и сл.
- ²⁶ *Марковин В. И.* Склепы эпохи бронзы..., с. 92.
- ²⁷ *Чайлд Г.* Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956, с. 246, 247, рис. 94, табл. 25, б.

А. Д. РЕЗЕПКИН

О РАСПРОСТРАНЕНИИ ДОЛЬМЕНОВ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

Историю изучения дольменов Западного Кавказа можно разделить на три этапа: первый — дореволюционный, высшим достижением которого явились раскопки Е. Д. Фелицина и Н. И. Веселовского. Второй этап — это исследования дольменов М. М. Иващенко, Л. Н. Соловьева, Б. А. Куфтина, О. М. Джапаридзе у с. Верхнее Эшери в 30—50-х годах. Третий этап можно связать с исследованиями прежде всего В. И. Марковина в 60—70-х годах. В недавно выпущенной им монографии дана подробная история изучения мегалитических гробниц Западного Кавказа¹, и поэтому здесь нет необходимости подробно останавливаться на историографии.

Мегалитические погребальные сооружения в подавляющем большинстве однообразны. Это дольмены. Каждый из них представляет собой четыре вертикально поставленные плиты: две длинные, две короткие, перекрытые пятой плитой, — крышей. В большей поперечной плите проделано отверстие. Эта сторона дольмена является его передней частью и всегда отделана гораздо более тщательно. В плане и продольно-поперечном сечении дольмен имеет форму трапеции. Покровная плита всегда поката в сторону задней части дольмена.

Несмотря на то что поиски дольменов проводились по всему Западному Кавказу², все же можно заметить, что они распределены неравномерно и концентрируются в определенных районах (рис.). Впервые на это обратил внимание В. М. Сысоев и попытался выделить районы концентрации мегалитов³. По данным своего времени он выделил три райо-

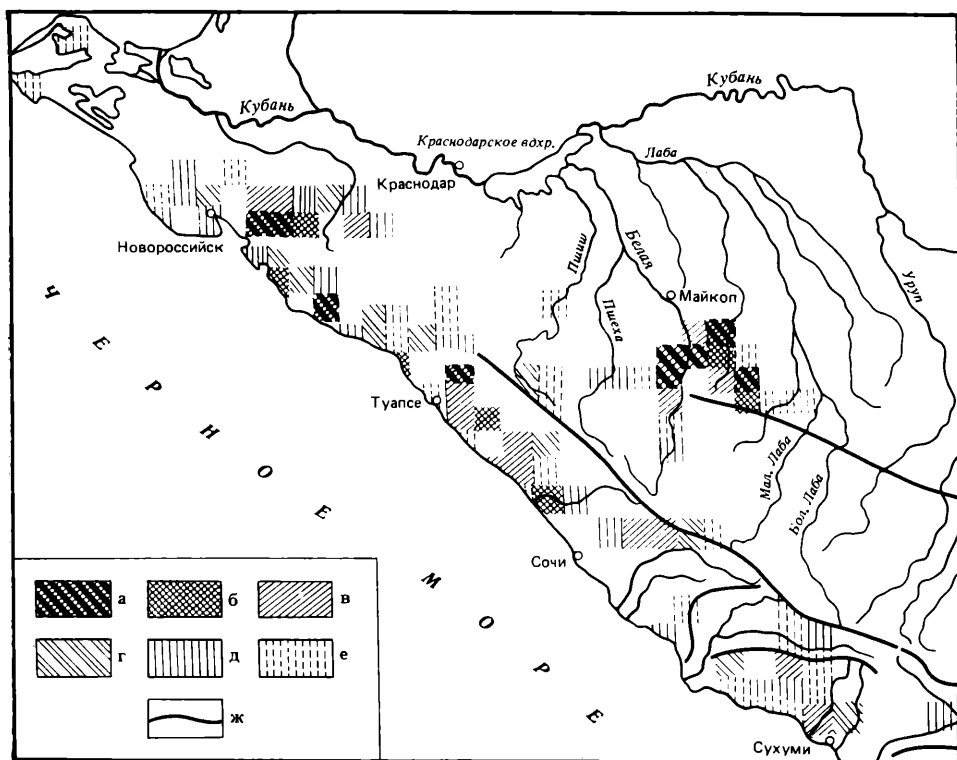

Рис. Распространение дольменов на Западном Кавказе

а — больше 50 дольменов; б — 20—50 дольменов; в — 10—19 дольменов; г — пять — девять дольменов; д — три-четыре дольмена; е — один-два дольмена; ж — горы

на концентрации дольменов: 1. Черноморский прибрежный — между реками Сукко и Псеуапсе; 2. Белореченско-Лабинский — между притоками рек Белая и Лаба; 3. Анапско-Пшишский (Шапсугский) — между верховьями рек Кетляמידж и Пшишь.

К настоящему времени ареал дольменов значительно расширился. В 1925 г. В. Н. Стражев обнаружил дольмен в Абхазии у сел. Азанта⁴. Впоследствии они были найдены во многих местах Абхазии, что позволяет выделить еще один, самый южный, район — Абхазский.

Районы концентрации дольменов выделены по принципу относительной плотности, т. е. по степени насыщенности того или иного ареала мегалитическими сооружениями. Степень насыщенности определялась изометрически. Для этого на крупномасштабную карту территории, где распространены дольмены, наносилась сетка квадратов со стороной 20 км и вычислялся процент мегалитических сооружений в каждом квадрате по отношению ко всем дольменам Западного Кавказа. Материал для этой работы использовался по последней монографии В. И. Марковина⁵.

Учитывая новые данные, необходимо дополнить сведения о районах концентрации дольменов. Белореченско-Лабинский район на востоке включает в свои границы 564 дольмена на р. Кизинка у ст. Баговская. На западе он имеет своей границей скорее всего р. Псекупс, а не Белую, так как дольмены, расположенные по этой реке, территориально ближе к своим восточным соседям, а с запада они отделены междуречьем Псекупса и Афипса от соседнего района концентрации дольменов — Шапсугского. Восточная граница последнего проходит по р. Убинка, а на западе он оканчивается Таманским полуостровом. Следующий район концентрации дольменов — Черноморский, согласно В. М. Сысоеву, расположен между реками Сукко (устье у г. Анапа) и Псеуапсе. Оставляя неизменной северную границу этого района, нужно отодвинуть его южную гра-

Таблица 1

Параметры дольменов по выделенным районам

Районы *	n	$\bar{x} \pm S\bar{x}$	σ	V%	$x \pm Sx \cdot t_{0,01}$
<i>Высота передней плиты</i>					
I	33	122±1,3	7,2	6	122±1,3·2,6
IV	12	153±1,8	5,7	3,8	153±1,8·3,1
V	11	180±2,0	5,9	3,3	180±2·3,2
II	26	134±1,6	8,4	6,3	134±1,6·2,8
III	25	134±1,3	6,5	4,9	134±1,3·2,8
<i>Ширина передней плиты</i>					
I	105	155±1,0	9,3	6	155±1·2,6
IV	22	163±2,1	9,6	5,9	163±2,1·2,8
V	13	236±3,1	10,6	4,5	236±3,1·3,1
II	24	176±2,7	11,6	7	176±2,7·2,8
III	37	175±1,3	8,8	5,1	175±1,3·2,6
<i>Длина боковой плиты</i>					
I	119	179±1,5	16,8	9,4	179±1,5·2,6
IV	22	234±4,3	19,8	8,7	234±4,3·2,8
V	17	280±5,7	22,6	8	280±5,7·2,9
II	36	296±3,8	22,4	7,6	296±3,8·2,6
III	38	296±3,2	19,7	6,6	296±3,2·2,6
<i>Диаметр круглого отверстия</i>					
I	8	38±1,1	2,6	7	38±1,1·3,5
IV	7	42±1,5	3,6	8,6	42±1,5·3,7
V	2	46±6,5	6,5	14	46±6,5·6,3,7
II	18	37±0,9	3,8	10,3	37±0,9·2,9
III	31	35±0,5	3,1	8,8	35±0,5·2,6

* I — Новосвободненский район; II — Шапсугский; III — Пшадский; IV — Туапсинский; V — Абрамский.

нису, в связи с открытием новых дольменов, до верховьев р. Нечепсухо. Четвертый район (Туапсинский) начинается от г. Туапсе, южной границей его служат р. Хашупс и сел. Гантиади. Пятый район (Абхазский) расположен между р. Хипста и г. Гудауга на севере и оз. Амгел и г. Сухуми на юге. В результате выделяются пять районов концентрации дольменов (рис.)

Эти районы отделены друг от друга значительными расстояниями, а так как степень изученности ареала дольменов одинакова, то значительные различия в их концентрации следует признать за объективные. Исходя из опубликованных данных, нами дана статистическая характеристика каждого района и определено его место среди других.

Для такой работы понадобилось выявить параметры памятников каждого района концентрации по выделенным признакам; проверить, различаются ли районы по выделенным параметрам; выявить «текущность» признаков по районам (вариабельность); выделить крайние районы концентрации и сделать попытку их интерпретации.

Прежде всего отбирались признаки, характеризующие фасад дольмена, как наиболее весомые, а их сравнительно небольшое число обусловлено малым количеством опубликованных параметрических данных по архитектуре дольменов.

Используя критерий Стьюдента, критерий Манна-Уитнея и оценку доверительных интервалов медиан (МЕ) ⁶, получаем параметры каждого района концентрации по выделенным признакам: 1) длина боковой плиты; 2) ширина передней плиты; 3) высота передней плиты; 4) диаметр круглого отверстия (табл. 1).

Таблица 2

Параметры дольменов Пшадского района

Признаки	n	$\bar{x} \pm S\bar{x}$	σ	$v\%$	$\bar{x} \pm S\bar{x} \cdot t_{0,01}$
Высота передней плиты	51	133±1,0	7,5	5,6	133±1·2,6
Длина боковой плиты	74	295±2,4	21	7,1	295±2,4·2,6
Ширина передней плиты	61	175±1,3	10	5,7	175±1,3·2,6
Диаметр отверстия	49	36±0,5	3,4	9,4	36±0,5·2,6

Затем выявляем существующие различия между выделенными районами. Добавим сюда еще один, пятый, признак — ориентировку дольменов. Затем полученные данные проверим еще двумя методами, не зависящими от формы распределения, — критерием Манна-Уитнея и оценкой границ доверительных интервалов медиан.

Судя по параметрам, полученным для Шапсугского и Пшадского районов (табл. 1), достоверной разницы между ними не будет. Средние арифметические обоих районов по всем признакам перекрываются даже допустимыми интервалами. С очень высокой достоверностью — 99% — они различаются только по ориентировке. Вероятно, это можно объяснить тем, что дольмены обеих групп расположены по северную и южную сторону Главного Кавказского хребта, а фасады их почти всегда смотрят вниз по склону. По всем же остальным признакам районы неразличимы. При таких данных у нас нет никаких оснований различать их. Следовательно, существует только один район, за которым оставляем название Пшадский. Определим параметры дольменов этого района (табл. 2).

Но мы должны помнить, что те дольмены, которые расположены по южному склону Большого Кавказского хребта на побережье, обладают более внушительными размерами, меньшим диаметром отверстий, а все признаки их имеют меньшую вариацию, т. е. дольмены побережья более крупны и более, так сказать, стандартны.

При сравнении Пшадского района с остальными — Новосвободненским, Туапсинским, Абхазским — ясно, что различия здесь высоко достоверны (табл. 3). Встречающиеся случаи такого порядка, как, например, различия между дольменами Пшадского и Новосвободненского районов по высоте передней плиты (по двум методам неодинаковы, а по третьему — оценке доверительных интервалов медиан — даже меньше 95% вероятности), объясняются тем, что критерий Манна — Уитнея и оценка границ доверительных интервалов медиан довольно сильно «перестраховочны», особенно последний метод. Он практически перестает быть эффективным при $n < 20$.

Сравнивая дольмены Новосвободненского района и соседнего, Туапсинского, мы убеждаемся, что различие между ними также высоко достоверно (табл. 4).

Мы не можем сравнивать дольмены Новосвободненского района и Абхазского по диаметру отверстия по t критерию, потому что по дольменам Абхазского района известно только два измерения диаметров круглых отверстий (табл. 1). А такого числа наблюдений недостаточно. Но по остальным двум критериям различия высоко достоверны (табл. 4).

Дольмены Туапсинского и Абхазского районов мы также не можем сравнить по диаметру отверстия по t критерию. По остальным же признакам различия высоко достоверны. Можно утверждать, что по данному признаку эти районы друг от друга отличаются. Как видно из таблиц, дольмены районов Новосвободненского и Туапсинского и Абхазского с Туапсинским различаются между собой менее жестко, чем остальные, так как по одному признаку из выделенных критериев они все же неразличимы. Дольмены Новосвободненского и Абхазского районов различаются с весьма высокой достоверностью. Складывается впечатление, что

Таблица 3
Сравнение параметров дольменов по трем методам

Районы	Высота передней плиты	Ширина передней плиты	Длина боковой плиты	Диаметр отверстия	Ориентировка
Пшадский – Новосвободненский	<i>Критерий Стьюдента (P≥)</i>				
	0,01				
	<i>Критерий Манна – Уитнея (P≥)</i>				
	0,05	0,05	0,01	0,5	0,01; 0,05 **
Пшадский – Туапсинский	<i>ME (P≥)</i>				
	0,05	0,05	0,01	0,05	0,05
	<i>Критерий Стьюдента</i>				
	0,05	0,01	0,02	0,01	–
Пшадский – Абхазский	<i>Критерий Манна – Уитнея</i>				
	0,05	0,05	0,01	0,01	0,05
	<i>ME</i>				
	0,05				
Пшадский – Абхазский	<i>Критерий Стьюдента</i>				
	0,01	0,01	0,01	–	–
	<i>Критерий Манна – Уитнея</i>				
	0,01	0,01	0,05	0,01	0,05
Пшадский – Абхазский	<i>ME</i>				
	0,01	0,05	0,05	0,01	0,05

* Критерий неприменим.

** Сравнение проведено раздельно — с северной частью Пшадского района и с южной, прибрежной.

Таблица 4
Сравнение параметров дольменов

Районы	Высота передней плиты	Ширина передней плиты	Длина боковой плиты	Диаметр отверстия	Ориентировка
Новосвободненский – Туапсинский	<i>Критерий Стьюдента (P≥)</i>				
	0,02	0,01	0,01	0,01	0,02
	<i>Критерий Манна – Уитнея (P≥)</i>				
	0,05	0,05	0,01	0,05	0,01
Новосвободненский – Абхазский	<i>ME (P≥)</i>				
	0,05	0,05	0,01	0,05	0,05
	<i>Критерий Стьюдента</i>				
	0,01	0,01	0,01	– *	0,01
Туапсинский – Абхазский	<i>Критерий Манна – Уитнея</i>				
	0,01	0,01	0,01	0,05	0,05
	<i>ME</i>				
	0,01	0,01	0,01	0,05	0,01
Туапсинский – Абхазский	<i>Критерий Стьюдента</i>				
	0,01	0,01	0,02	0,05	–
	<i>Критерий Манна – Уитнея</i>				
	0,05	0,01	0,05	0,05	0,05
Туапсинский – Абхазский	<i>ME</i>				
	0,05				

* Критерий неприменим.

Туапсинский район служит как бы промежуточным звеном между Абхазским и Новосвободненским. Тем более что и территориально он расположен между ними.

Проверим это впечатление другими данными.

Во всех трех группах пропорции составных частей среднего дольмена одинаковые. Длина боковой плиты примерно в полтора раза больше высоты передней плиты, а отношение длины боковой плиты к ширине передней не достигает и полутора. В пропорциях это будет неширокий, короткий и довольно высокий дольмен.

Рассмотрим первые три признака — длину боковой плиты, ширину и высоту передней. В Абхазском районе эти плиты обладают весьма внушительными размерами, в Туапсинском они значительно меньше, а в Новосвободненском — это уже совсем небольшие плиты. По четвертому признаку — «диаметр отверстия» — то же самое: в дольменах Новосвободненского района отверстие гораздо меньше.

По мере удаления от побережья плиты становятся все менее массивными. Так, если в Абхазском районе средняя толщина плит равняется 34,5 см, то в Новосвободненском — 29 см. Наименьшим коэффициентом вариации по всем признакам, кроме «диаметра отверстия», обладает опять-таки Абхазский район (табл. 1).

Таким образом, устанавливается следующая картина: по мере удаления от побережья дольмены мельчают, теряют свою стандартность, т. е. все больше варьируют в размерах.

Дольмены Пшадского района по пропорциям резко отличаются от остальных. Длина боковой плиты в 2,2 раза больше высоты и в 1,7 раза больше ширины передней плиты. Средний дольмен этого района довольно широкий, низкий и длинный. Боковые плиты дольменов самые длинные, а отверстия — самые маленькие, но с самым большим коэффициентом вариации (табл. 2). По длине боковой, высоте и ширине передней плит коэффициент вариации довольно однороден — от 7,1 до 5,5%, тогда как в остальных районах он по ширине и высоте передней плиты примерно в 1,5 раза меньше, чем по длине боковой плиты.

Как видно, во всех районах, кроме Пшадского, строителям дольменов наиболее важными представлялись ширина и высота передней плиты, т. е. фасад дольмена. С доказанной вероятностью остается предположить, что Пшадский район не связан с остальными районами единой волной миграции или распространения идеи.

Попытаемся определить, какой же из трех районов — Абхазский, Туапсинский или Новосвободненский — имеет больше всего оснований рассматриваться как изначальный. Туапсинский район логичнее исключить из этого числа, тем более, что более трети местных дольменов корытообразные. Вероятнее всего считать первоначальным Абхазский район, поскольку здесь наименьший коэффициент вариации и наибольшие размеры дольменов. В этом районе все дольмены бескуранные. Только один, по Ю. Н. Воронову⁷, находится под керном⁸.

В Новосвободненском районе наибольший коэффициент вариации и наименьшие размеры дольменов. В отличие от Абхазского, здесь присутствуют дольмены всех конструкций. Они находятся на насыпях, на ровной поверхности, полууглублены в землю, под землей, во всевозможных сочетаниях. Только корытообразные дольмены — бескуранные и расположены на поверхности земли (как и все корытообразные дольмены Туапсинской группы).

Создается впечатление, что по мере удаления от Абхазского района к Новосвободненскому происходит как бы размывание мегалитизма. Полагаю, что такой процесс шел и в Новосвободненском районе, поэтому я склонен считать Абхазский район отправным. Распространяясь из него, дольмены заняли территорию Туапсинского района, затем, перевалив через Главный Кавказский хребет, — Новосвободненского. По аналогичным соображениям я также склоняюсь к мысли, что дольмены прибрежной части Пшадского района более ранние, чем в северной его части.

Таким образом, можно предположить следующее: 1. Дольмены делятся на две разновидности: первая представлена дольменами Пшадского района, вторая — остальными; 2. Можно предположить, что из дольменов абхазо-новосвободненского круга наиболее ранними были дольмены Абхазского района, наиболее поздними — Новосвободненского; 3. Из дольменов пшадско-шапсугского круга наиболее ранними следует считать пшадские.

Конечно, в принципе не исключена и другая точка зрения. Можно предположить, что дольмены распространились по Западному Кавказу практически одновременно, но по природным, культурным или каким-либо иным причинам в Новосвободненском районе они развивались гораздо более длительный период. Отсюда и большая их дисперсия, и наличие всевозможных строительных приемов (не только плиточные, но и составные, корытообразные, различные положения по отношению к дневной поверхности). Но даже и в этом случае дольмены Абхазского района в целом являются более ранними, так как здесь количество дольменов и их дисперсия меньше. Косвенным подтверждением этого может служить и абсолютная датировка дольменов. О. М. Джапаридзе датировал эшерские дольмены 2400—2200 гг. до н. э. В. И. Марковин, датировав по S_{14} нижний горизонт Дегуакско-Даховского поселения, связанного, по его мнению, с самыми ранними дольменами Дегуакской поляны, отнес их к концу III тысячелетия до н. э., ориентировочно — к 2400 г. до н. э.

¹ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.

² Там же, с. 19—54, рис. 20.

³ Сысоев В. М. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г. — МАК, 1904, IX, с. 126, 127.

⁴ Стражев В. И. К азиатскому дольмену. — Изв. Абхазского науч. общ-ва, Сухуми, 1926, IV, с. 125—127.

⁵ Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа, с. 19—54.

⁶ Рокицкий П. Ф. Биологическая статистика. Минск, 1967; Ашмарин И. П., Васильев Н. Н., Амбросов В. А. Быстрые методы статистической обработки

и планирование экспериментов. Л., 1971.

⁷ Воронов Ю. Н. Археологическая карта Абхазии. Сухуми, 1969, с. 35, табл. VI.

⁸ Летом 1972 г. мне удалось увидеть этот дольмен. Он полуразрушен, крыши и передней плиты нет, каменная насыпь из булыжников мелких и средних размеров достигает в высоту верхнего края боковых плит. Дольмен находится среди множества черкесских могил, над которыми точно такие же керны. Поэтому вторичное использование его черкесами вполне вероятно.

Э. В. САЙКО

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАННЕТРИПОЛЬСКОГО КЕРАМИЧЕСКОГО ПРОИЗВОДСТВА

Многослойное поселение Флорешты I, расположенное на р. Реут, близ г. Флорешты Молдавской ССР¹, содержало два слоя с жилищами древнеземледельческих племен культуры линейно-ленточной керамики и раннего Триполья².

Исследование технических показателей керамики позволяет получить характеристику технологического процесса на наиболее раннем этапе развития трипольской культуры. В настоящей работе рассматриваются лишь некоторые особенности технологии изготовления керамики, выявляется специфика приемов обработки сырья, чтобы определить характер и степень их разработки.

Раннетрипольская керамика поселения Флорешты представляет довольно выраженный комплекс. В основном это сосуды полузакрытых форм, изготовленные от руки, разных размеров и оформления, но сохраняющие особый стиль технической и декоративной разработки. По внешнему виду и характеру материала здесь выделяется несколько групп изделий, для каждой из которых отмечаются свои варианты. В состав основ-

ных групп входят сосуды грубой лепки со стенками разной толщины, грубой обработки и с черепком грубой структуры. Керамика других групп отличается по приемам формовки, характеру выделки форм, по преобладающей толщине стенок, тщательной обработке поверхности, оттенкам цвета и некоторым качественным показателям изделий.

Все отобранные для анализов глинистых масс образцы (860) изучались методами бинокулярной микроскопии и петрографии, а также техническими испытаниями. Первый вид анализа использовался в данном случае при определении общего вида структуры и грубой характеристики состава материала — наличия или отсутствия специально введенного отощителя, его размеров, формы, в какой-то степени природы и приблизительно количественного содержания. При первичной дифференциации материала на основе наиболее общих показателей были выделены крупные группы его, что обеспечило возможность сравнения образцов. Петрографический анализ применялся с целью установления типа используемых глин и характеристики отощающей примеси. Микроскопическое исследование материала позволило зафиксировать разную структуру черепка за счет характера строения глинистого материала (комковатое слоистое строение, вихревое и т. д.), степени и тщательности его примеса, разного количественного содержания отощающей примеси, разного характера расположения, разных размеров, формы сочетания ее и пор (рис.).

Показательно, что строгой, четкой связи между определенным характером структуры черепка и видом изделий не отмечается. Так, например, толстостенные изделия грубой выделки с глиняной обмазкой в одном случае имеют черепок, представляющий собой силикатное тесто черпосерой окраски с включениями плотной малопористой инородной породы, оформленной в виде неплотных комочков цвета лёсса. Отощающая масса здесь сама содержит вкрапления слюдястого материала и округлых мелких комочков другого глинистого вещества. Крупные частицы отощающей породы распределены в основной массе черепка группами, неравномерно. У другого изделия этого типа (фр. 1—57, № 3992, кв. 16) масса черепка имеет совершенно иной вид. В ней отмечаются отпечатки растительной примеси. Связующая масса плотная с блестками слюдястого материала. При значительном увеличении под микроскопом просматриваются четко оформленные мелкие включения глинистого сланца. Включения такого сланца могут содержаться в исходном сырье.

Разную структуру и состав массы имеют и изделия, связываемые с другой группой, — например, тонкостенные сосуды с гладкой блестящей поверхностью и мягким рельефным украшением. По характеру обработки они мало отличаются от масс черепка изделий рассмотренного вида. Силикатная масса фрагмента сосуда с округлыми стенками и залощенной тонкой внешней поверхностью, плотная и ровная при обычном наблюдении черепка (№ 1847), под микроскопом просматривается как ломаная и грубо перемешанная масса. В ней фиксируются редкие включения округлых зерен черной породы, образующей порой скопления. Размеры зерен отощителя довольно выдержаны, в основном они не превышают 0,5—0,7 мм. Значительно отличается (при общем внешнем сходстве с черепком рассмотренного образца № 1847) масса черепка другого сосуда, аналогичного по характеру оформления и общему типу. Она более ровная по обработке, более однородна. Отощитель сравнительно редкий. Это светлые в обжиге комочки инородной глиняной породы, очень плотной по структуре, и углеподобного вещества. Зерна темного отощителя представляют сланцевую породу угловатой формы. Примеры различий можно было бы значительно увеличить. Во всех приведенных случаях характер массы черепка не зависит от вида изделий. Однако намечается некоторое разграничение, хотя и не очень выдержанное, для грубой толстостенной керамики и более изящной тонкостенной с блестящей отработанной поверхностью. В последнем случае отмечается большая сортировка материала отощителя.

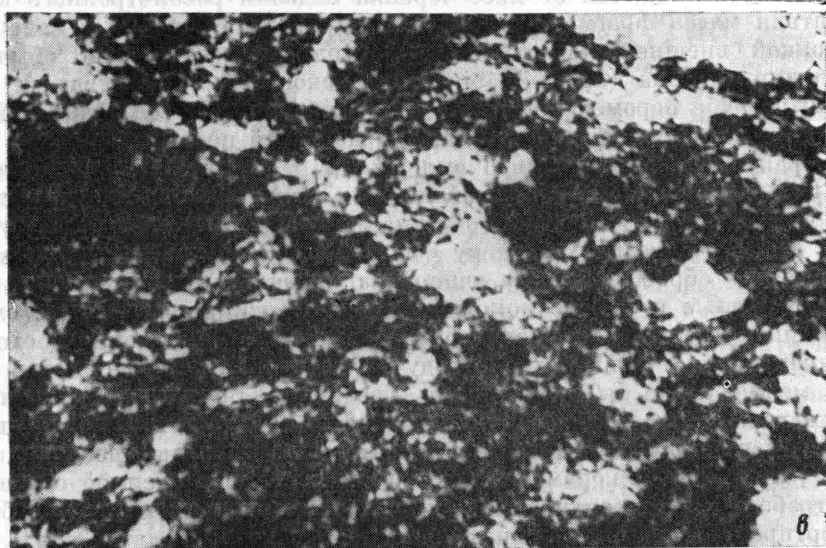
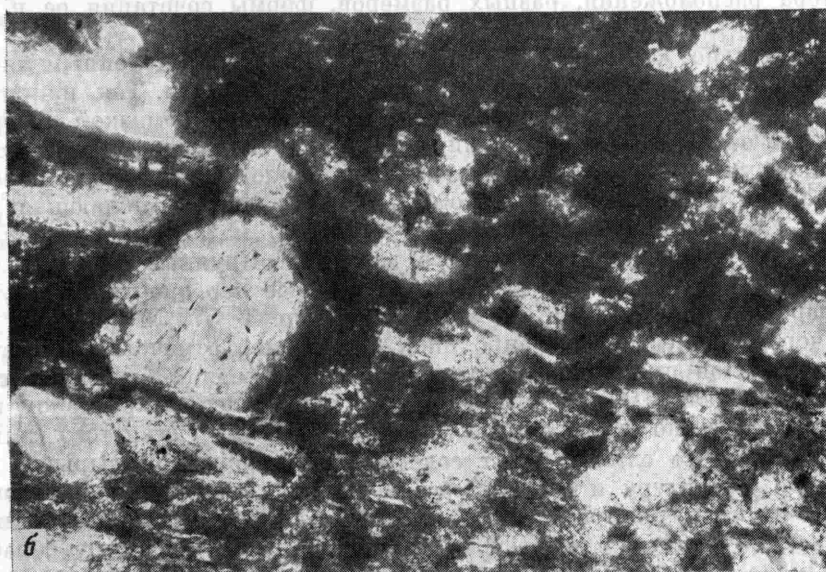
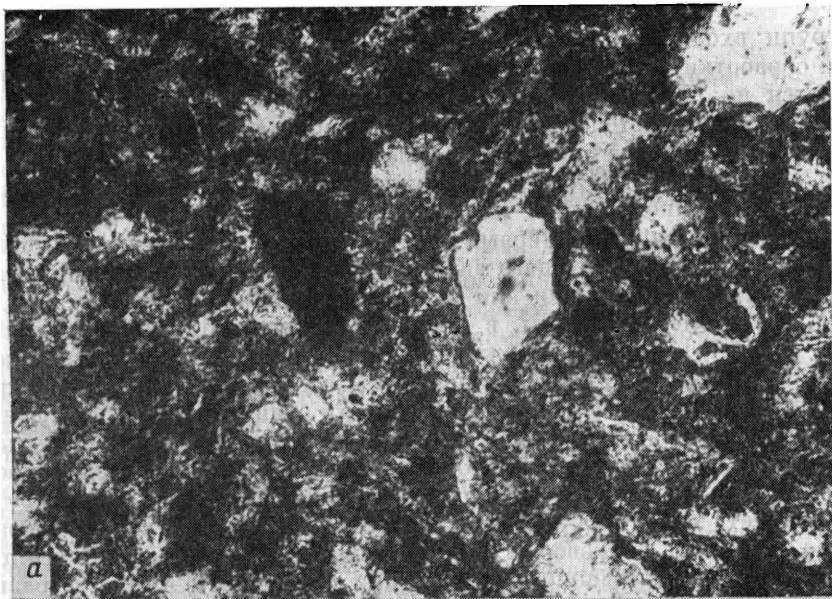

Рис. Разный характер глиняных масс флорештекских изделий (1—3)

В целом исследование керамического материала под бинокулярным микроскопом позволило выявить несколько наиболее характерных типов масс черепка. В их числе:

1) Комковатая масса, достаточно плотная, отощенная специально введенным материалом, — комочками силикатных включений (размеры 2×3 , 2×2 , 1×2 мм). Окраска комочков — цвета лёсса. Комочки включений плотные и представляют собой тонкодисперсную плотную глинистую породу с вкраплениями слюдястого материала и округлыми включениями изотропного остроугольного материала (сланца), содержащегося в исходной глине отощителя (тип I).

2) Керамическая масса более пористая, отощенная растительной примесью (очень легкая в обжиге). Строение ее слоистое или спутанно-волокнутое (тип II).

3) Керамическая масса комковатая, отощенная песчанообразным материалом и вкраплениями глинистых комочков, более темных по отношению к основной массе и более плотного строения, без отощающей примеси внутри них (тип III).

4) Масса, спрессованная из расплывшихся крупных комочков глины с вкраплениями отощающей примеси в виде комочков той же самой породы, что и основная масса изделий, но твердо оформленных в зерна в сочетании с отощителем другой инородной твердой породы более плотной структуры (тип IV).

5) Керамическая масса с послойным расположением связующей и отдельными довольно редкими отощающими добавками светлых комочков инородной плотной и твердо оформленной массы с мелкими точечными включениями внутри нее. Кроме того, в последней иногда содержатся добавки другой, значительно ожелезненной, очень плотной массы пелитовой структуры (особенно часто этот тип глиняной массы встречается для изделий с рельефным вдавленным орнаментом (тип V)).

6) Масса с послойным расположением связующей и отощенная вкраплениями инородной глины с мягкими округлыми контурами, отличающейся при обжиге от основной массы более светлой окраской. Этот отощитель часто дополняется твердо оформленными вкраплениями ожелезненной массы и темными зернами породы углистого цвета более пористой структуры (тип VI).

7) Масса из связующей глины довольно тонкой структуры, отощенной до 30% другой обожженной глиной (светлого обжига на темном фоне черепка). Масса отощителя очень плотная, с редкими точечными включениями угледобной породы, практически почти без включений кластического материала — кварца, плагиоклаза и др. (около 1%) (тип VII).

8) Очень плотная керамическая масса, сравнительно чистая, без искусственного отощения инородным материалом, но в ней отмечаются включения оформленных комочков той же самой глины, из которой изготовлен сосуд (тип VIII).

9) Керамическая масса красного обжига послойной структуры с примазками более темной красной массы, образующей включения различных контуров и размеров. В этой массе едва просматривается слюдястый материал в виде мельчайших скоплений (тип IX).

10) Масса, отощенная светлыми, четко оформленными глиняными комочками плотной глины в сочетании с инородной породой комковатого рыхлого строения (тип X).

11) Керамическая масса оранжевых тонов с растительной примесью и оформленными комочками этой же глины внутри нее (тип XI).

Эти наиболее распространенные глиняные массы представляли собой своего рода технические варианты. Они различались структурой связующей глины и характером, размерами, количественным содержанием, природой отощителя, степенью его обработки. Все это — показатели, обуславливающие разные технические качества глиняного теста. Резко преобладающим выступал отощитель, имеющий глинистую породу.

Исследование особенностей материала связующей массы и общего минералогического состава глинистого материала группы изделий в прозрачных шлифах под поляризационным микроскопом позволило установить общий характер глин, используемых для изготовления изделий флорентскими мастерами.

Примером довольно часто встречающегося в качестве основы черепка флорентских изделий является тесто сосуда с прямыми стенками, с черной поверхностью и рельефным украшением дна (фл. 193). Это изделие было изготовлено из пластичной гидрослюдистой глины алевро-пелитовой структуры со значительным содержанием кластического материала (40—45%). Последний представлен окатанными зернами кварца разных размеров, плагиоклазом, гидрослюдой, отмечены единичные зерна пироксена, амфибола. В массе хорошо читается отошитель из плотной глинистой породы. Характер глинистой породы отошщающей примеси принципиально отличен от основной массы. Отошитель представляет собой разновидность мезотических глинистых пород, обогащенных монтмориллонитом. Степень обжига массы отошителя разная. Как правило, термически он изменен значительно меньше основной глиняной массы черепка.

Другой вариант гидрослюдистой глины, отличной по составу, размерам и количественному содержанию кластического материала, отмечен для фрагмента другого образца тонкостенного изделия с рельефной орнаментацией. Количественное содержание кластического материала здесь не превышает 20—25% (фл. 58, р. XI, № 95). Включения отошщающей примеси представляют собой глиняную обожженную массу, совершенно отличную по составу и структуре связующей от основного теста, из которого сформовано изделие. Она более плотная, тонкодисперсная, обожженная очень неровно и намного меньше, чем основная. Форма зерен отошителя разная, чаще округлая или треугольная, но со смягченными контурами. Размеры разные, порой достаточно большие, до 1,5 мм. Создается впечатление, что мастера при подготовке глиняной массы для формовки добавляли в ту, которая выступала в качестве основного сырьевого материала, другую, инородную, очень плотную и, очевидно, более тугоплавкую породу в сухом растолченном состоянии, а не в виде шамота. При обжиге эти «зерна» отошителя обжигались по-разному (в центре они обожжены значительно слабее, чем по краям черепка, и термические изменения массы отошителя значительно больше).

Порода образца 1319 сложена алевритисто-гидрослюдистой глиной с примесью криптозернистого известкового материала. Размеры обломков 0,03—0,20 мм. В расположении его видна четкая ориентация. Обломки представлены кварцем, слюдой белой, полевыми шпатами, редкими обломками обожженной глины. Обломки цементируются гидрослюдистой глиной, структура цемента поровая и базальная.

Несколько по-иному выглядит глиняный отошитель в массе образца другого флорентского изделия (I MO-160). Он различен по форме, размерам (от 0,5 до 1 мм в диаметре и по длинной оси в вытянутых удлинённых зернах). По составу структура глинистой массы отошщающей примеси резко отличается от основной глиняной массы черепка. Различны структура связующей, характер кластического материала, его состав (более разнообразен). Масса отошителя значительно запесочена и представляет собой глинистую породу псамито-алевритовой структуры неогенового происхождения с мельчайшими, фиксируемыми лишь при большом увеличении остатками реликтового материала. Степень обжига зерен отошителя более выдержана. В целом же отошитель претерпел заметно большие термические преобразования, чем основная глиняная масса черепка. Основная глиняная масса, из которой сформовано изделие, довольно грубой структуры. Кластический материал составляет около 50%. Он разнообразен, но в его составе резко преобладает кварц. Зерна кварца имеют разные размеры и угловатые обломанные контуры. Порой это очень крупные частицы, достигающие 0,7—0,9 мм. Глинистый материал

претерпел термические преобразования. Однако, судя по общему виду глиняной массы, степени ее измененности, температура обжига была ниже 850—900°, а выдержка незначительна.

Как видно уже из отдельных приведенных примеров, ассортимент глиняного сырья и глиняных масс у трипольских мастеров был достаточно широким. Различие глин связывалось с причинами разного порядка: разным временем изготовления изделий и использованием разных глиняных карьеров, эксплуатацией одновременно разных выработок и т. д. Но показательно варьирование в сырье, которое по характеру явно обладало разными техническими качествами и показателями, обуславливая использование различных частных приемов его обработки.

Итак, с одной стороны, достаточно четко выделяется прием отощения глиняной массы инородной породой глинистого типа (глины, глинистого сланца), как хорошо освоенной и привычной. С другой — совершенно отсутствует устойчивость приемов обработки массы по качественности, подбору отощителя. Характер последнего определен, но технология его введения совершенно разная. Разной в составе и сочетании отощающего материала, его обработке, подборе, способе сочетания со связующей массой — свидетельство неустойчивости традиций в приемах обработки сырья и различия подходов к качественной характеристике черепка.

В целом намечается ряд характерных особенностей технологии сырья флорештских мастеров:

1. Существовали различные повторяющиеся приемы обработки сырья (технические типы глинистых масс).

2. Одним из наиболее показательных моментов определенного технического единства, наличия конкретной технической схемы является использование различного рода глинистого отощителя. Именно глинистая природа определенного комплекса отощителей является связующим звеном для разнообразных технических типов глиняных масс, одной из наиболее характерных технических схем подготовки материала для формовки изделий.

3. При изготовлении керамических изделий флорештские мастера использовали различные по своему составу типы глин: гидрослюдистые, с высоким содержанием карбоната, каолинитовые и т. д. разной структуры. Но при использовании глин разного типа приемы их обработки были сходными, и различие отмечается не для разных глин, а по другим параметрам, хотя, бесспорно, технические качества используемых глин обуславливали практическое применение специальных частных приемов их обработки.

4. При изготовлении глиняных масс, предназначенных для формовки изделий, мастера Флорешт применяли различного рода отощители: органические — растительного характера — и неорганические. В качестве неорганического отощителя они использовали гальку (редко песок), кремнистые сланцы, но особенно часто глинистые сланцы и различного рода глинистые породы, которые в массе обожженного черепка имеют различный по цвету и форме вид. Исследование зерен глинистого отощителя под микроскопом свидетельствует о различии используемых в этом качестве глинистых пород (это — мезотические глинистые породы, глинисто-железистые сланцы, запесоченные глинистые породы и т. д.).

5. Степень и характер обработки отощающей примеси были разными. Разными были и количественные показатели (от 10—15 до 40—50), что, безусловно, определялось реальными условиями формовки изделий в каждом конкретном случае.

6. Минералогические и технические качества глинистого отощителя отличались, как правило, от технических качеств используемых для формовки сосуда глин, что определяло их разное поведение при сушке, обжиге, формовке.

7. Обращает на себя внимание плохая обработка основной массы, как правило, неровно, неравномерно промышленной, которая в обожженном состоянии имеет слоистое или комковатое строение.

Все отмеченные факты, характеризующие в большей или меньшей степени особенности технологии сырья раннетрипольских мастеров, могут служить в комплексе с другим важным показателем не только при установлении особенностей технической схемы организации производства керамики, уровня ее разработки, но в какой-то степени (при сравнительных исследованиях) при выявлении связей различных групп раннеземледельческого населения. Известно, что на определенном историческом уровне развития организации производственной деятельности особенно показательна устойчивость в выборе материала как основного сырья, так и отощающей примеси. Последнее обуславливается не только реальными возможностями выбора материала для этой цели, но и стандартизацией приемов конкретной малоразвитой специализированной деятельности, устойчивостью производственных традиций. При передвижении племен, переселении отдельных групп эти традиции часто сохранялись. Это происходило при соответствующих условиях и при сохранении тех же принципов организации конкретной производственной деятельности, в том числе ее технической организации, в частности и в такой форме выражения, как подбор отощающей примеси (в том случае, если соответствующий материал был известен на новом месте). Некоторые конкретные приемы характерны для значительной группы взаимосвязанных племен. Например, использование в качестве отощителя вариантов глинистых пород отмечено не только для флорештских изделий рассмотренного времени, но и для посуды из более древнего неолитического слоя культуры линейно-ленточной керамики. Такой вариант известен, в частности, в технологии сырья керамического производства времени развитого Триполья. В настоящее время на основании имеющихся конкретных данных мы можем говорить для этого периода о перестройке, расширении технической схемы обработки сырья керамических изделий, различиях ее для разных областей, но и здесь известен, хотя и в измененном виде, прием отощения глиняного теста особого рода отощителем, имеющим глинистую природу, который для раннетрипольских изделий был основным. Проследивание особенностей развития этого приема в технологии керамического производства других одновременно существующих и предшествующих раннеземледельческих племен включает безусловную перспективу в установлении фактов особого рода (технических) связей между ними.

¹ Маркевич В. И. Памятники эпохи неолита и энеолита.— В кн.: Археологическая карта Молдавской ССР. Кишинев, 1973, вып. 2, с. 30.

² Пассек Т. С. Раскопки на поселении у с. Флорешты в 1958 г. (из работ Молдавской экспедиции).— КСИА, 1961, XXXIV.

Т. М. ПОТЕМКИНА

О СООТНОШЕНИИ ТИПОВ РАННЕАЛАКУЛЬСКОЙ КЕРАМИКИ В ПРИТОБОЛЬЕ

Значительные локальные различия конкретных групп внутри обширной андроновской территории позволили поставить вопрос о наличии здесь не культуры, а культурно-исторической общности. У большинства исследователей не вызывает возражения вывод о существовании в пределах андроновской общности двух самостоятельных археологических культур — алакульской и федоровской (андоновской)¹. Алакульские и федоровские комплексы рассматриваются как параллельно существующие и активно взаимодействующие между собой, имеющие свои истоки происхождения.

Генетические корни федоровской культуры на современном уровне исследований неясны. В алакульской культуре выделены ранние комплексы — петровские в Северном Казахстане² и новокумакские на Южном Урале и в Приуралье³, которые стратиграфически предшествуют алакульским и генетически с ними связаны. При значительном сходстве петровские и новокумакские памятники имеют свои специфические особенности⁴, что служит свидетельством сложности и многогранности процесса сложения алакульской культуры.

В различных районах обширного алакульского ареала определяющая роль в формировании культуры принадлежала местным предшествующим традициям. В этом плане интересны материалы Притоболья, особенно поселения и могильника Камышное I, где есть возможность наметить два этапа развития раннеалакульских комплексов на данной территории: более раннего, продолжающего линию развития местного энеолита и ранней бронзы, и более позднего, когда местные традиции испытывают сильное инородное воздействие.

Поселение и могильник Камышное I расположены на береговом останце, протянувшимся на 450 м вдоль старицы р. Черная в пойме р. Тобол, в 1 км от д. Камышное Притобольного р-на Курганской обл. Более ровную и пониженную северную часть возвышения занимает поселение. В центральной, возвышенной части расположен могильник, северная граница которого непосредственно смыкается с поселением (рис. 1, I). Кроме поселения и могильника эпохи бронзы, на песчаной гриве обнаружены стоянки мезолита и неолита.

Поселение исследовано тремя раскопами и двумя траншеями⁵. Раскоп II (372 кв. м) был разбит на северо-западной окраине поселения в наиболее сохранившейся его части; раскопы I и III (360 кв. м) — на ложных участках памятника, частично разрушенных карьером; траншеи (3, 4) — на пространстве между раскопами. Кроме того, с целью выяснения взаимной стратиграфии памятников две траншеи (1, 2) были разбиты на границе поселения и могильника (рис. 1, I). Таким образом, был получен разрез практически всей продольной площади поселения.

Стратиграфия памятника едина на всех его участках. 1. Верхний слой сложен из наносного песка эолового происхождения толщиной 0,1—0,6 м, мощность которого постепенно повышается по направлению к центру дюны; находок не содержит. На отдельных более пониженных участках под слоем эолового песка прослеживается прослойка песка аллювиального происхождения мощностью 0,18—0,20 м. 2. Под наносным песком залегает культурный слой из темной, почти черной, гумусированной супеси. В пределах жилищных углублений мощность слоя достигает 0,4—0,8 м, за пределами — 0,08—0,40 м. На всем протяжении культурный слой довольно однороден. На дне жилищ он насыщен углистой супесью и приобретает более темную окраску. Основная часть находок встречена в нижней части культурного слоя, на границе с подстилающим песком.

Раскопом II полностью исследовано два жилища (рис. 1, II), которые представляют собой слабоуглубленные (0,25—0,50 м) сооружения прямоугольной формы (11,5 × 7,5; 12 × 10 м) со следами столбовых конструкций и выходами к берегу реки. В жилищах выявлены хозяйственные ямы и очаги, сосредоточенные в восточной, противоположной выходу половине. Хозяйственные ямы небольшие (1,5—0,8 × 0,8—0,6 м) и неглубокие (0,2—0,7 м), овальной и округлой формы. Очаги четырех типов: в виде пятен прокаленного песка и углистой супеси; сложенные из кирпичиков плотным слоем; выложенные из мелких камней, сильно потрескавшихся от пребывания в огне; в небольших ямах, заполнение которых состоит из прокаленного песка или углистой супеси с мелкими обломками кирпичиков и оплавленных камней. В ямах, рядом с ними и очагами обнаружены раздавленные сосуды, обломки керамики, обугленные и кальцинированные кости животных, другие предметы. На полу почва углистая с мелкими углями. В жилище 2 лежало четыре скопления мелких кальцинированных костей плотными кучками диаметром 0,25—0,30 м,

толщиной 0,08—0,12 м. Под одним из них на вымостке из обломков кирпичиков найдены изделия из бронзы: обломки двух браслетов с закрученными в спирали концами (рис. 2, 15), нитка бус, кусок проволоки, обоюдоострое прямоугольное в сечении шило.

Жилище 3 выявлено в траншее 4. Характер углубления и обнаруженный в нем вещественный материал (керамика, обломки каменных изделий и кирпичиков, обугленные кости животных) не оставляют сомнения в том, что это жилище аналогично первым двум и параллельно им. Если учесть расстояние между первыми двумя сооружениями, то это сооружение должно было быть четвертым или пятым в ряду жилищ, расположенных вдоль реки.

Раскоп I включал часть карьера и прилегающие к нему участки с сохранившимся культурным слоем толщиной 0,1—0,3 м. Здесь обнаружены следы двух кострищ, рядом с которыми найдены обломки керамики, каменный наконечник стрелы, кости конечностей коровы и овцы⁶. На раскопе I выявлено также разрушенное карьером погребение, где рядом с покрытыми медной окисью локтевой и лучевой костями найдены бронзовый нож, два желобчатых браслета с несомкнутыми концами и придонная часть сосуда (рис. 3, 1, 2). Очертания могильной ямы не зафиксированы.

Раскоп III расположен в 6 м от раскопа I. Культурный слой здесь не потревожен, его мощность 0,4—0,5 м. В нижней части слоя, на границе с подстилающим песком, обнаружен стоявший на донышке каменный сосуд, рядом с которым лежали вместе пест и три длинные каменные палицы. Вокруг прослеживались небольшие пятна углистой супеси, найдены кости коровы, керамика. Вероятнее всего считать данный комплекс вещей жертвенным.

Хотя на площади раскопов I и III не обнаружены жилые сооружения, стратиграфия, структура культурного слоя и характер культурных остатков, в первую очередь керамического материала, абсолютно тождественного посуде с раскопа II, позволяют нам включить участки этих раскопов в территорию поселения. Погребение на раскопе I находилось в культурных наслоениях поселения и, по всей вероятности, связано с расположенным рядом могильником.

Интересные стратиграфические наблюдения получены в траншее 1 (32 × 1 м). Северный край ее начинается у раскопа I, а южный захватывает часть небольшого всхолмления — как предполагалось, курганной насыпи 3 (рис. 1, 1). Верхний слой серого наносного песка в траншее довольно тонок — 0,08—0,40 м, на южном конце он образует отмеченное всхолмление. Под верхним слоем залегает пласт темно-серой рыхлой супеси с включениями рыхлого песка мощностью 0,8—0,9 м без каких-либо находок. Ниже у северного края на протяжении 6 м прослежена тонкая (0,04—0,05 м) прослойка углистой супеси, аналогичная обнаруженной на поселении. В ней собраны все находки из траншеи 1 — фрагменты керамики и кости крупного и мелкого рогатого скота. Подстилающий слой — светлый песок.

Таким образом, вскрытие траншеи 1, во-первых, уточнило южную границу поселения, которая проходит у северного края траншеи; во-вторых, показало, что слой темно-серой рыхлой супеси представляет собой не культурный слой, а естественное образование, значительная мощность которого связана с пойменным положением памятника; в-третьих, убедило в том, что возвышения, визуальными принимаемые за насыпи курганов, представляют собой всхолмления наносного песка. Могильник же, вероятно, был грунтовым.

Основную часть коллекции вещей с поселения Камышиное I составляет керамика (1316 единиц из 1807). В обработку включены 18 реставрированных сосудов, 174 венчика, 128 орнаментированных стенок и 97 плоских донышек. Сосуды в большинстве своем средних размеров — диаметр венчика 12—22 см, дна — 10—16 см (60%), толщина стенок 7—9 мм (66%), изготовлены из глины с примесью шамота (87%), дрес-

вы (10%), талька (3%), часто с двумя-тремя из этих примесей вместе. Поверхность сосудов хорошо заглажена (70—75%), часто залощена (25%), в редких случаях с внешней стороны обработана щепой или травой (4,5%). Орнамент покрывает всю верхнюю половину сосудов и при этом, как правило, бывает разделен неорнаментированной полосой, горизонтальными линиями, полоской из оттисков уголков или ямок на две зоны — по шейке и плечикам. Третья зона — у дна — встречается только у 30% сосудов (рис. 2, 1—12). Орнамент у большинства сосудов (62,7%) нанесен гребенчатым штампом. Основными элементами узора являются горизонтальные линии (18,4%); ряды прерывающихся зигзагов (32%), половина которых выполнена путем протаскивания гребенчатого штампа или щепы; заштрихованные треугольники (9%); меандры (3,6%); оттиски уголков, ямки (4%).

Определяется форма 123 сосудов, среди которых выделяется четыре типа: тип I (35 экз., или 28,5%) — сосуды баночной формы с прямыми или слегка вогнутыми стенками (рис. 2, 1, 2, 5). Имеется несколько сосудов (4 экз.) вытянуто удлиненных пропорций (рис. 2, 4), близких сосудам полтавского типа в Поволжье⁷. Тип II (30 экз., или 24,4%) — горшки с уступом на плечиках (рис. 2, 3, 7). Тип III (19 экз., или 15,4%) — горшки с округлыми, слабоизогнутыми боками и плавным переходом от шейки к тулову (рис. 2, 8, 9, 12). Тип IV (39 экз., или 31,7%) — сосуды переходных форм от типа I к типам II (21 экз.) и III (18 экз.) (рис. 2, 6, 11). По размерам, составу теста, основным элементам узора сосуды разных типов друг от друга не отличаются.

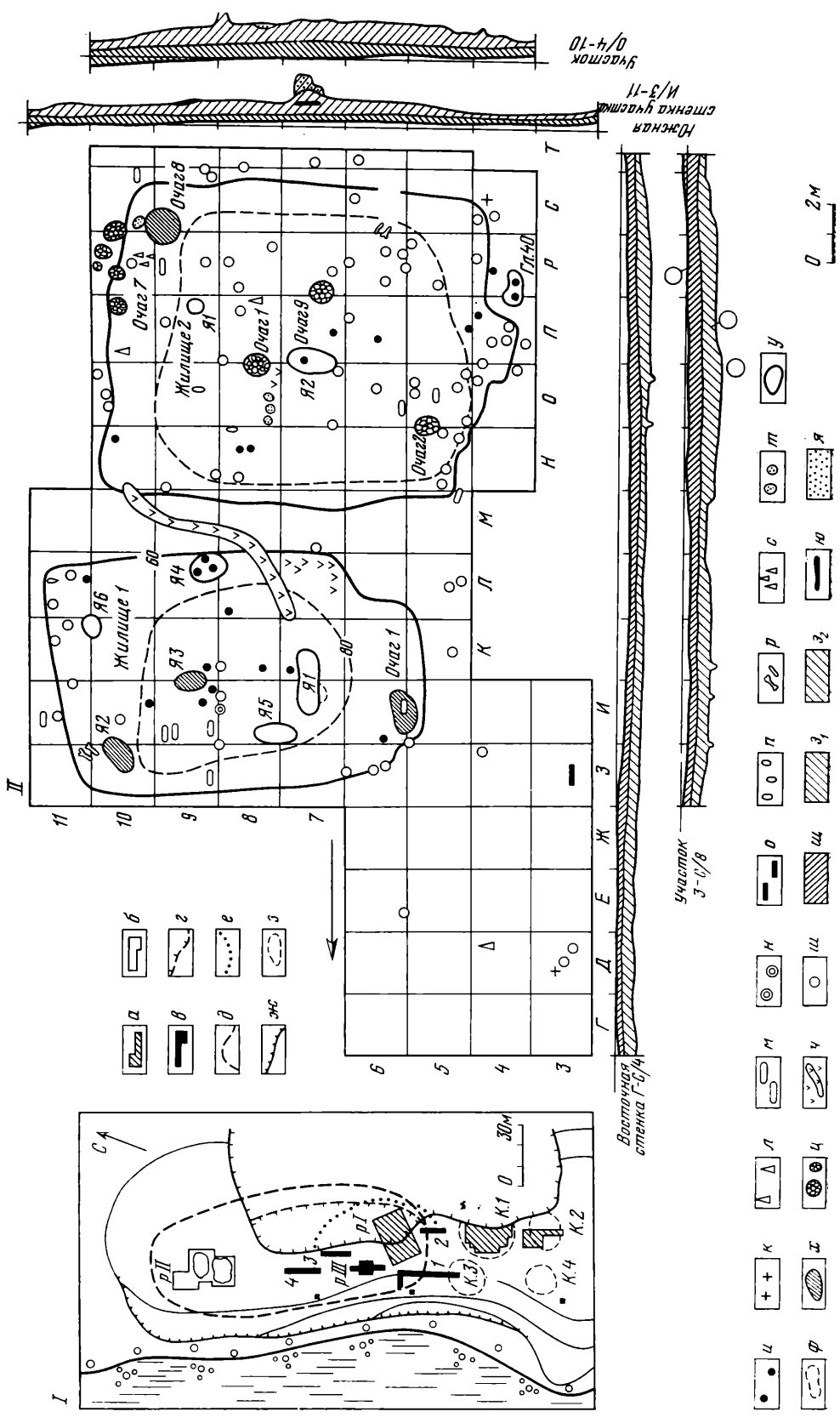
Изделия из бронзы немногочисленны. Кроме упомянутых предметов, обнаруженных со скоплением кальцинированных костей, следует отметить четырехгранное шило длиной 7 см, прямоугольное в сечении, с заостренным рабочим концом и закругленным противоположным; острие шила или проколки, возможно инструмента для ювелирных работ, литое, трехгранное в сечении (рис. 2, 14).

Из глиняных предметов назовем грузило цилиндрической формы, сильно деформированное в процессе лепки (рис. 2, 20); миниатюрный сосудик на поддоне (рис. 2, 10); обломки кирпичиков овальной и прямоугольной формы, во многих случаях орнаментированные ногтевыми вдавлениями, насечками, ямками.

Интересны изделия из камня: литейная формочка для украшений, сделанная из талькового камня (рис. 2, 16); обломок литейной формы для дулезвийного ножа с четко выраженными уступами при переходе от черешка к лезвию (рис. 2, 13); сосуд из туфита (диаметр по венчику 14 см, высота 8 см) с уступчатым плечиком, небольшим поддоном и тщательно заполированной внешней поверхностью, вместе с которым найдены великолепно отшлифованный пест цилиндрической формы со шляпкообразной рукоятью и три прямоугольные в сечении палицы с зашлифованной поверхностью; песты (9 экз.), в большинстве случаев прямоугольной формы, массивные, со слегка пришлифованными гранями и плоским, закругленным по углам рабочим концом (рис. 2, 19); массивные ложила (3 экз.) с одной и тремя зашлифованными гранями (рис. 2, 17, 18).

Таким образом, поселение Камышное I занимало сравнительно небольшую площадь (не более 6 тыс. кв. м) и состояло из пяти-шести слабоуглубленных жилищ, расположенных вдоль берега реки. Оно существовало непродолжительное время: культурный слой за пределами жилищ тонок и содержит мало находок. Большая насыщенность грунта, заполняющего жилища, углистой супесью и углями, развалы сосудов в каждом из них (по 10—11) заставляют нас предполагать гибель поселения от внезапно возникшего пожара.

Могильник Камышное I вплотную примыкает к южной окраине поселения и занимает центральную, наиболее возвышенную часть останца, в значительной степени разрушенную карьером. На сохранившейся площади около 5 тыс. кв. м находятся пять-шесть возвышений не совсем

II

11

10

9

8

7

6

5

4

3

Г

Д

Е

Ж

З

И

Участок 3-11/8

Восточная стенка 1-4/4

Южная стенка 11/3-11

Участок 0/4-10

0 2М

I

СА

30М

К.1 0

К.2

К.3

К.4

1 1

1 2

1 3

1 4

1 5

1 6

1 7

1 8

1 9

1 10

1 11

1 12

1 13

1 14

а

б

в

г

д

е

ж

з

и

к

л

м

н

о

п

р

с

т

у

ф

я

правильной полусферической формы диаметром 14—16 м, высотой 0,4—0,6 м. Они были приняты за насыпи курганов. Раскопками исследовано два наиболее заметных на поверхности возвышения, обозначенных как курганы 1 и 2. Общая вскрытая площадь 283 кв. м.

Могильник, как и поселение, перекрыт мощными (0,2—0,6 м) наслоениями наносного светло-серого песка эолового происхождения, под которыми залегает гумусированная супесь темно-серого цвета толщиной 0,4—0,7 м. Почти одинаковая толщина этого слоя на всей вскрытой площади и большое сходство его по структуре и мощности со вторым слоем из траншеи 1, заставляет сомневаться в существовании здесь курганных насыпей.

При исследовании могильника обнаружено семь погребений, включая погребение на южной окраине поселения. Четыре из них совершены в могильных ямах значительных размеров (3—5,8 × 1,8—2,8 м), углубленных в материковый песок на 0,3—0,4 м; одно — в могильной яме средних размеров (1,9 × 0,85 м); у двух разрушенных погребений следы могильных ям не отмечены. Очертания могильных пятен — прямоугольной (два) и овальной (три) формы. В двух могильных ямах вдоль стенок зафиксированы остатки деревянных плах в один венец. Ориентировка длинной оси могил неустойчива: север—юг с отклонением (две), северо-запад—юго-восток (одна), северо-восток—юго-запад (две), запад—восток (одна). Поза и ориентировка погребенных неясны, поскольку костяки их не сохранились. Только в одном случае обнаружен скелет очень плохой сохранности на левом боку с подогнутыми ногами, головой на запад, руки согнуты в локтях, кисти — перед лицом, без инвентаря. В двух могильных ямах найдены трубчатые кости ног; в одном из разрушенных погребений — череп плохой сохранности; в другом — локтевые и лучевые кости со следами бронзы. Все это позволяет констатировать здесь обряд трупоположения. По размещению сосудов у южной, юго-западной и западной стенок можно предполагать соответствующую ориентировку погребенных. Во всех могильных ямах, кроме одной (с костяком), обнаружены сосуды — от одного до пяти. Несколько сосудов найдено рядом с могилами на уровне древней поверхности. В верхнем заполнении могильных ям или на небольшом расстоянии от края обнаружены кости, как правило, черепа и конечностей, животных — лошади (трижды), крупного рогатого скота (трижды), мелкого рогатого скота (один раз), лося (один раз).

Погребальный инвентарь представлен преимущественно керамикой. Из 22 сосудов 16 — целые, шесть — фрагментированные. Сосуды средних размеров, большинство из них (68,2%) — с округлым венчиком. В глиняном тесте — примесь шамота (95,5%) и талька (4,5%). Внешняя поверхность большей части сосудов (72,7%) гладкая, внутренняя — со следами обработки щеткой (54,5%). Орнамент расположен по верхней части шейки, плечикам, у дна и состоит в основном из трех элементов: горизонтальных линий (30%), рядов прерывающихся зигзагов (23,3%), заштрихованных треугольников (21,2%), главным образом (75%) резных (рис. 3, 4—15).

Рис. 1. Общий план поселения и могильника Камышное I (I), планы и разрезы жилищ (II)

а — раскопки 1972 г.; б — 1973 г.; в — 1974 г.; г — граница распространения керамики эпохи бронзы на разрушенной части поверхности; д — граница поселения; е — предполагаемая граница мезолитической стоянки (по находкам на поверхности и в слое); ж — карьер; з — граница возвышений на поверхности; и — сосуды и развалы сосудов (номер не указан); к — литейная форма; л — бронзовое шило; м — каменный пест; н — глиняное грузило; о — бронзовый слиток; п — каменное лощило; р — скопление костей животных; с — скопление керамики; т — скопление нальцинированных костей; у — очертания жилищ на глубине 60 см от дневной поверхности; ф — то же на глубине 80 см; х — прокаленный грунт; ц — очаги из камней или кирпичиков; ч — углистые пятна; ш — столбовые ямы; щ — наносный песок; а₁ — темная гумусированная супесь; а₂ — темная супесь с затеками песка; ю — прокаленный слой; я — каменная выкладка

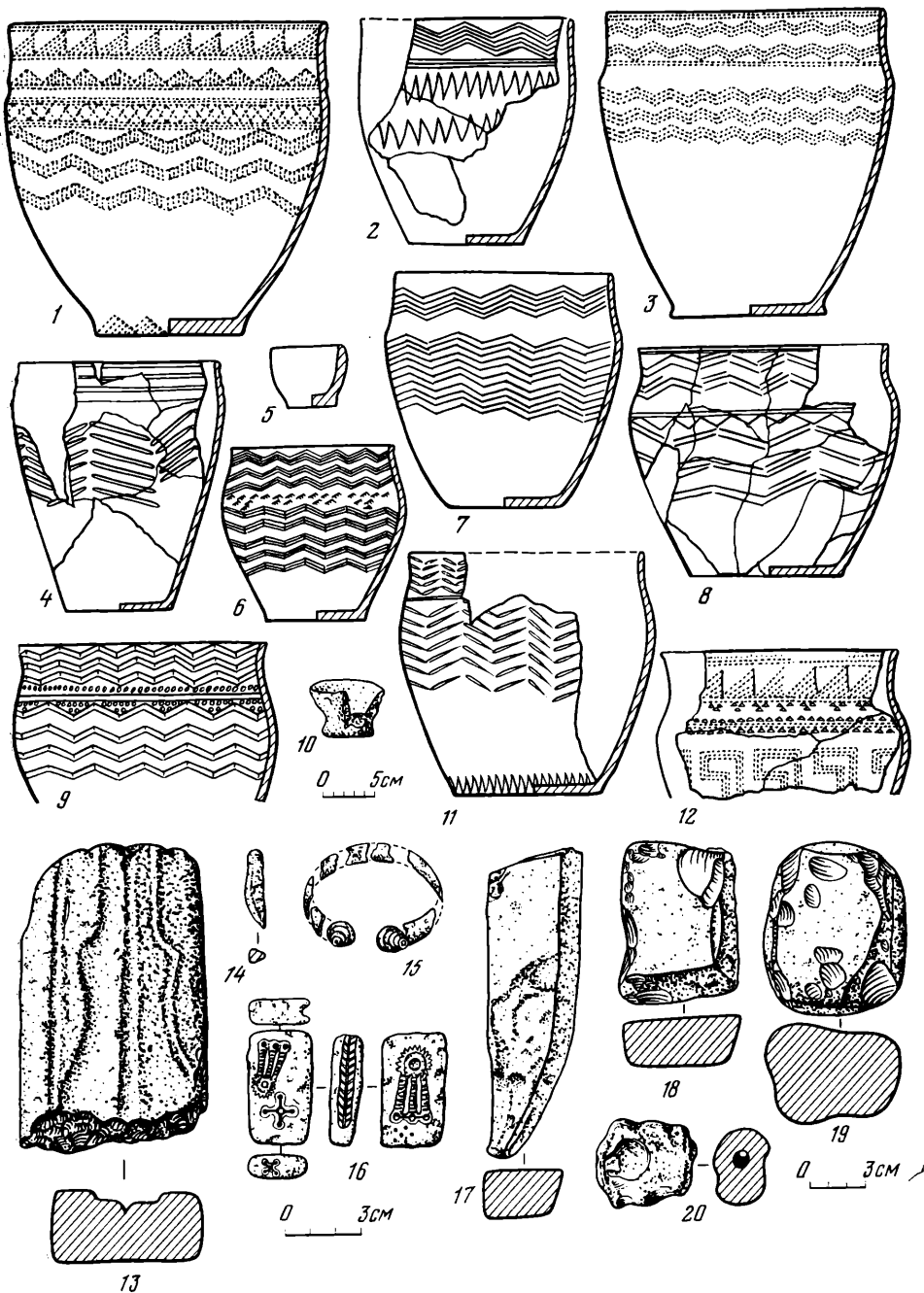

Рис. 2. Находки с поселения Камышное I

1—5, 11, 12, 14, 15 — из жилища 2; 13 — квадрат С4; 6—10, 17—20 — из жилища 1;
16 — квадрат ДЗ

1—12, 20 — глина; 13, 16, 17—19 — камень; 14, 15 — бронза

По форме различаются сосуды четырех типов: тип I (5 экз., 20,8%) — банки с прямыми или слегка вогнутыми стенками (рис. 3, 6, 7, 9); тип II (14 экз., 62,5%) — горшки с уступом на плечиках (рис. 3, 8, 10—14); тип III (2 экз., 8,3%) — горшки с острым ребром (рис. 3, 4, 5); тип IV (1 экз., 4,2%) — горшки переходных форм от типа I к типу II (рис. 3, 15). Для всех четырех типов характерны одни и те же основные элементы узора.

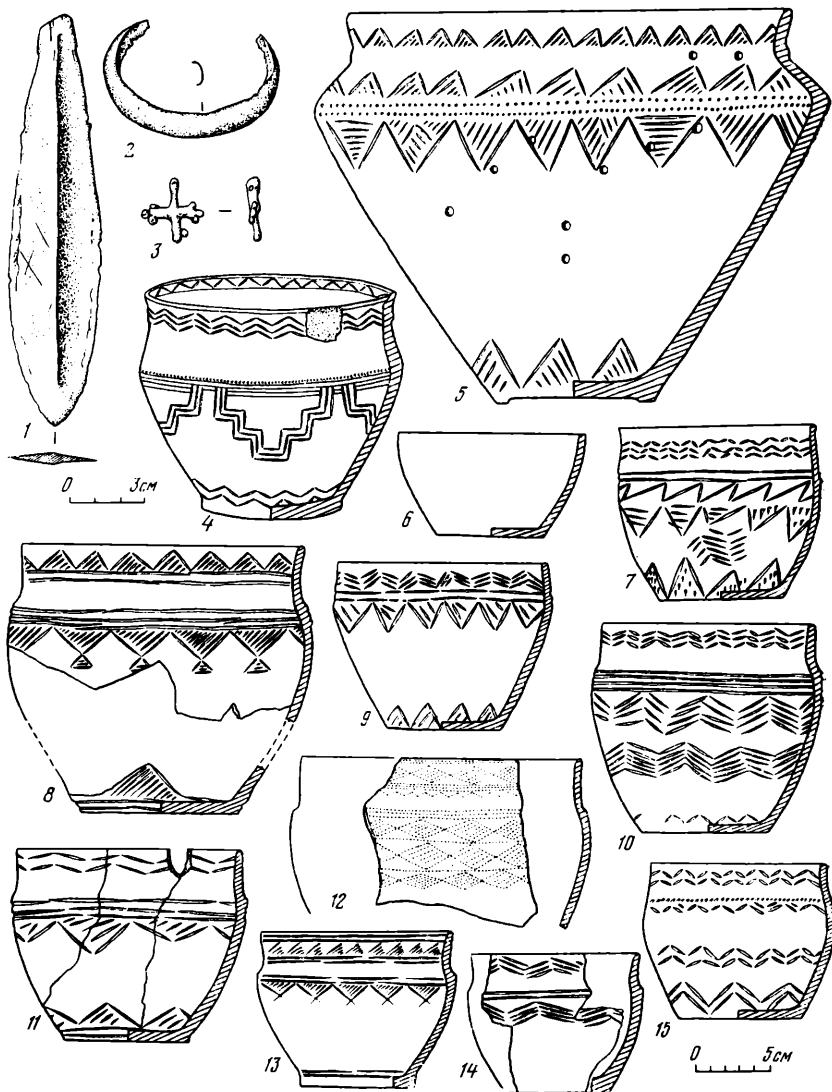

Рис. 3. Инвентарь из могильника Камышное I

1, 2 — раскоп I, разрушенное погребение; 3—13, 15 — курган 1: 3, 4, 6 — за пределами погребений, 5 — погребение 4, 7 — погребение 2, 8, 11, 12 — погребение 3, 9, 10, 13, 15 — погребения 1; 14 — курган 2
1—3 — бронза; 4—15 — глина

Бронзовые изделия малочисленны: нож, два браслета, подвеска (рис. 3, 1—3). Ни одно из них не найдено в достоверно закрытом комплексе. Нож листовидной формы с едва заметными выступами у основания лезвия и ребром жесткости по всей длине; браслеты выпукло-вогнутые в сечении с разомкнутыми концами; подвеска крестовидная, отлита в односторонней литейной форме.

Сравнительный анализ материала поселения и могильника позволяет проследить при значительном сходстве существенные отличия, прежде всего в керамике. Различно соотношение форм сосудов. На поселении преобладают сосуды баночных и слабопрофилированных форм, горшки с уступчатым плечиком составляют лишь четвертую часть коллекции. В могильном комплексе ведущее место принадлежит горшкам с уступом на плечиках; здесь есть остроредерные сосуды, которых нет на поселении. Различия отмечены также в ведущих элементах узора, технике их нанесения, расположении орнаментальных зон.

Керамика поселения Камышное I сохраняет некоторые черты посуды периода ранней бронзы на исследуемой территории: преобладание сосудов баночных и близких к ним форм, сплошная орнаментация всей или только верхней части сосудов, ведущая роль гребенчатого штампа в нанесении узоров и таких элементов, как «елочка», зигзаги, «качалка». Присутствие в коллекции сосудов, близких по форме и орнаментации полтавкинским (рис. 2, 4), подтверждает раннюю дату. Подобная посуда найдена также на поселении Язёво I (керамика группы I) ⁸.

Керамика могильника сопоставима с посудой раннего слоя поселения Камышное II ⁹, могильников Раскатиха ¹⁰, Верхняя Алабуга ¹¹, Царев Курган ¹². Особенно близка она керамике поселения Камышное II, расположенного в 1 км от могильника Камышное I, на противоположном берегу старицы. Таким образом, можно синхронизировать эти два памятника и предположить принадлежность их одной группе населения. Во всех случаях, в том числе и в закрытых комплексах (погребения, оборонительные рвы на поселении Камышное II), сосуды с ребристым плечиком встречаются вместе с сосудами других типов (банки, горшки с уступами и др.) и составляют, как правило, небольшую часть коллекции (8—15%). Если сосуды баночных форм и с уступом на плечиках находят прототипы в более ранней керамике, то горшки с ребром не имеют местных корней в лесостепном Притоболье, по крайней мере по тем материалам, которыми мы в настоящее время располагаем. Аналогии остросереберным сосудам известны в керамике памятников новокумакского типа в Приуралье и на Южном Урале ¹³. Сопоставимы они и с керамикой петровского типа в Северном Казахстане ¹⁴. Отметим также находки в комплексах с остросереберными сосудами горшков, тождественных южноуральским абашевским ¹⁵. Все это дает основание предполагать, что остросереберная керамика проникла в Притоболье в результате тесных контактов местного населения с племенами более западных районов.

На южноуральское направление связей указывают и результаты спектрального анализа бронзовых изделий ¹⁶. Все бронзовые предметы, найденные на памятниках, где встречены остросереберные сосуды (могильники Камышное I, Раскатиха, Царев Курган; ранний слой поселения Камышное II), изготовлены из меди иных групп, чем металлические предметы с поселения Камышное I. Последние по химическому составу относятся к группе меди ВУ, рудные источники которой находятся к востоку от Урала ¹⁷. Эта зависимость не может быть простой случайностью. Скорее всего она свидетельствует о привязанности родственных групп населения к определенным рудным источникам.

Типологический анализ бронзовых изделий не выявляет их четкую взаимосвязь с выделенными типами керамики и не позволяет конкретизировать время бытования последних в рамках раннеалакульского этапа. Так, нож из могильника Камышное I (рис. 3, 1) типологически более ранний, чем нож с уступом при переходе от лезвия к черешку, литейная форма для которого обнаружена на поселении Камышное I (рис. 2, 13) ¹⁸. Но по данным стратиграфии нож может рассматриваться как более поздний по отношению к литейной форме, поскольку он происходит из погребения, обнаруженного в культурном слое поселения. По-видимому, в данном случае типологически более ранние формы орудий дожили до времени бытования более поздних форм и какое-то время существовали вместе ¹⁹, что подтверждается совместными их находками в закрытых комплексах ²⁰. В Притоболье ножи с намечающимся перекрестием встречаются в комплексах как с сосудами только остросереберных форм (погребения 4, 6, 10 могильника Верхняя Алабуга), так и с горшками с уступчатым плечиком (могильники Царев Курган, Субботино) ²¹. Время сосуществования обеих форм ножей по имеющимся аналогиям укладывается в рамки XVI—XV вв. до н. э.

Итак, на территории лесостепного Притоболья в раннеалакульское время наметились две тенденции культурного развития: первая — ведущая — представлена в основном посудой баночных форм и с уступчатым

шлечиком, возникшей на местной основе; вторая — близкая первой, но с заметным воздействием культуры населения более западных районов (находки, кроме указанных форм, также остросеребряных сосудов, сходных с новокумакскими и абашевскими). Вторая тенденция появляется несколько позже первой. Сочетание местных и пришлых традиций в изготовлении посуды определяет специфику культуры раннеалакульского населения Притоболья — северной окраины алакульского ареала.

- ¹ Федорова-Давыдова Э. А. К вопросу о периодизации памятников эпохи бронзы в Южном Приуралье.— АЭБ, 1964, II, с. 90—92; Косарев М. Ф. О культурах андроновского времени в Западной Сибири.— СА, 1965, 2, с. 244—246; Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 132, 144—146; Потемкина Т. М. К вопросу о соотношении федоровских и алакульских комплексов.— В кн.: Из истории Сибири. Томск, 1973, VII, с. 63, 64; Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области.— ВАУ, 1973, 12, с. 42.
- ² Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы..., с. 40, 41; Зданович Г. Б., Зданович С. Я. Могильник эпохи бронзы у с. Петровка.— СА, 1980, 3.
- ³ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977, с. 34, 51.
- ⁴ Зданович Г. Б., Зданович С. Я. Могильник эпохи бронзы..., с. 192.
- ⁵ Потемкина Т. М. Отчеты об археологических исследованиях Курганского пед. ин-та в 1972, 1973, 1974 гг. Архив ИА, р-1, № 4698, 4999, 6072.
- ⁶ Osteологический материал определен В. П. Данильченко.
- ⁷ Качалова Н. К. К вопросу о памятниках полтавкинского типа.— АСГЭ, 1962, 5, с. 38, рис. 2, 5, 6.
- ⁸ Потемкина Т. М. Культура населения Среднего Притоболья в эпоху бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 10, 11, 13.
- ⁹ Потемкина Т. М. Камышное II — многослойное поселение эпохи бронзы на р. Тобол.— КСИА, 1976, 147, с. 101, 104, 105, рис. 2, 5, 6, 10, 11, 16, 17, 20, 26.
- ¹⁰ Потемкина Т. М. Раскопки у с. Раскатиha на р. Тобол.— В кн.: Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск, 1969, IV, с. 8, 9, рис. 4; 5, 1—3.
- ¹¹ Потемкина Т. М. Отчеты о работах Тобольского отряда ИА в 1978, 1979 гг. Архив ИА.
- ¹² Сальников К. В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 33, 34, 262, рис. 36.
- ¹³ Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев..., с. 25, рис. 6.
- ¹⁴ Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы..., с. 26, рис. 2.
- ¹⁵ Сальников К. В. Очерки..., с. 33, 34, рис. 13, 9; Потемкина Т. М. Раскопки у с. Раскатиha..., с. 9, рис. 4, 2.
- ¹⁶ Анализ изделий, найденных на поселениях Камышное I и II, произведен в лаборатории спектрального анализа ИА, образцы № 17904—17906, 17917—17922; в могильниках Камышное I, Раскатиha, Царев Курган — в лаборатории технических средств ЛОИА, регистрационный № 4—73, образцы № 293—296, 301, 302, 306, 308, 309—311.
- ¹⁷ Черных Е. Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970, с. 15, 111.
- ¹⁸ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы.— МИА, 1955, 46, с. 54—56; Смирнов К. Ф., Кузьмина Е. Е. Происхождение индоиранцев..., с. 35—37.
- ¹⁹ Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье..., с. 54.
- ²⁰ Васильев И. Б. Новые памятники срубной культуры на востоке Куйбышевской обл.— В кн.: Вопросы отечественной и всеобщей истории. Куйбышев, 1975, с. 24, 37, рис. 6, 1, 2.
- ²¹ Потемкина Т. М. К вопросу о соотношении..., с. 61, рис. 4, 2.

М. А. ДЭВЛЕТ

БЕГУЩИЕ ЗВЕРИ НА СКАЛАХ ГОРЫ СУХАНИХА НА СРЕДНЕМ ЕНИСЕЕ

Гора Суханиха находится на правом берегу Енисея, выше устья его притока, Тубы. Петроглифы на этой горе были открыты известным сибирским археологом А. В. Адриановым в 1904 г., когда он приступил к изучению писаниц Минусинского уезда. Уже в первый год работ А. В. Адрианов открыл, описал, скопировал многочисленные наскальные изображения по берегам Енисея и его притоков. Он частично обследовал и зафиксировал петроглифы горы Суханиха¹. В дальнейшем ему не удалось продолжить здесь работы.

В 1978 г. сотрудники Отряда по изучению петроглифов Саяно-Тувинской экспедиции Института археологии АН СССР В. П. Даркевич, М. А. Дэвлет и И. Ф. Попова совершили поездку по району, обследованному А. В. Адриановым в начале 1904 г. В ней принял также участие археолог Минусинского музея Н. В. Леонтьев, знаток енисейских писаниц, продолжающий систематические работы А. В. Адрианова по выявлению и изучению наскальных изображений этого региона.

Среди плоскостей с петроглифами на Суханихе выделяется большое скальное панно в первом логе. Детальное его описание А. В. Адрианов приводит в отчете за 1904 г.²: «Поднявшись саженей 50 вверх по логу, — писал он, — мы увидели длинную сравнительно ровную стену красного песчаника, как раз против развилины лога и на высоте 20—25 саж. над его дном по крутому откосу. Стена эта почти сплошь покрыта фигурами, занимающими пространство на 12 м в длину и на 105 см в высоту; всех фигур здесь 122. К сожалению, часть фигур, вследствие выветривания породы, раскрошилась и погибла в частях или целиком, но от участия в разрушении человеком эта писаница была достаточно защищена самым местом своего нахождения. Нужно заметить, что от писаницы из вершины утесистого лога открывается чудный вид на рассыпавшийся многими протоками Енисей, на острова на нем, на широкие степи по ту сторону Енисея за Куней и по долине Уйбата»³. Теперь на месте проток Енисея находится дно водохранилища Красноярской ГЭС.

На монументальном скальном панно изображены звери, стремительно мчащиеся, быстро пагающие или застывшие неподвижно. Среди них — лоси, быки, лошади, олень, волк. Подавляющее число фигур животных обращено вправо. Небольшое количество изображений имеет левую ориентировку. Эти рисунки сосредоточены главным образом в правой части писаницы. Древние художники высекали на скале также антропоморфные изображения, птиц с распростертыми крыльями, коновязь и др. Петроглифы различаются сюжетами, стилем, техникой исполнения, они занимают разные по качеству участки скальной плоскости.

На основании стилистического анализа наскальные изображения можно расчленить по крайней мере на три разновременные группы, вернее даже на четыре, поскольку часть маловыразительных грубо исполненных фигур животных в правой части писаницы, возможно, относится к средневековью или даже к этнографической современности.

Динамичные фигуры бегущих животных, у которых одна передняя нога выброшена вперед, а другая согнута в колене и подогнута под брюхо, датируются тагтыкской культурой (первая половина I тысячелетия)⁴. Синхронна им, по всей вероятности, также часть стилизованных схематических изображений птиц с распростертыми крыльями (рис. 1).

Наиболее реалистичные рисунки птиц, возможно, созданы в предшествующую, тагарскую, эпоху (рис. 2), как и две антропоморфные фигуры в своеобразных головных уборах (рис. 1). Любопытно, что на Кунинской писанице (гора Куня находится на противоположном берегу Енисея, непосредственно напротив Суханихи) рядом с рисунком орла, сопоставимым с реалистическими изображениями птиц большого панно Суханихи, помещена аналогичная фигура человека в высоком головном уборе, загнутом на конце⁵. Подобные антропоморфные изображения на Кунинской писанице датируются второй половиной тагарской эпохи, скорее ее концом, поскольку у пояса человека показан меч. По-видимому, в то же время были выбиты стилистически однородные антропоморфные фигуры писаницы на Суханихе. В тагарскую эпоху, вероятнее в начале ее, были созданы в правой части писаницы профильные фигуры лошадей в позе внезапной остановки.

Изображения стремительно мчащихся животных с пересекающимися передней и задней ногами составляют древнейший пласт наскальных рисунков.

Взаимное расположение петроглифов на панно позволяет сделать вывод о хронологической последовательности заполнения плоскости рисун-

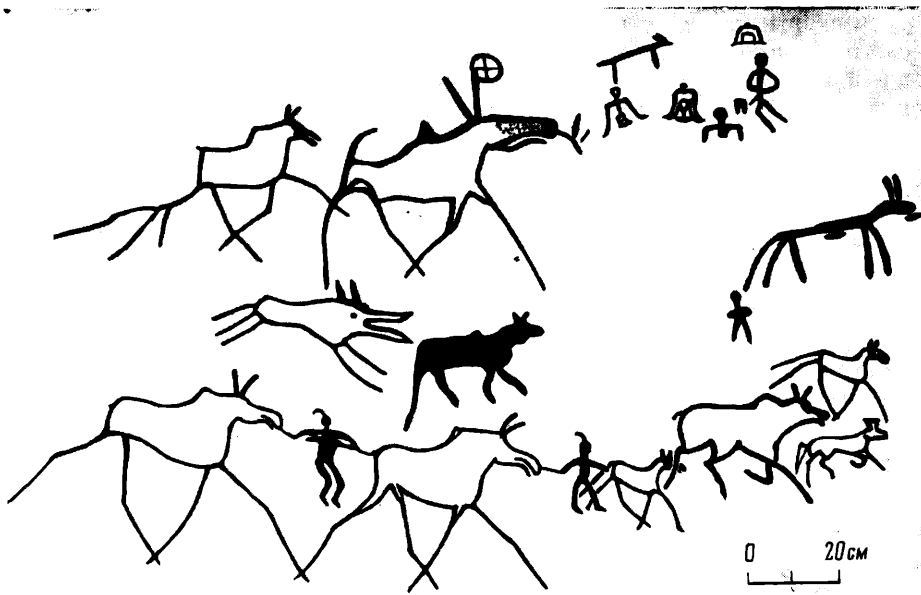

Рис. 1. Гора Суханиха.
Фрагмент левой части пи-
саницы. Прорисовка автора

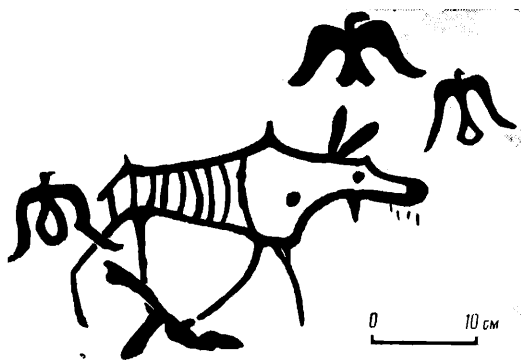

Рис. 2. Гора Суханиха.
Изображение лося и птиц.
Прорисовка автора

ками. Первоначально древние художники выбили изображения на наиболее ровных и гладких участках скалы в левой ее части. В дальнейшем заполнение плоскости шло в правую сторону, при этом петроглифы стали наносить за исключением удобных участков на более шероховатую, исцещренную трещинами поверхность скалы, а также на свободное пространство между уже имеющимися фигурами, по возможности не нарушая их, избегая переплетения рисунков. Новые изображения как бы вписываются в разновременную композицию, дополняя и обогащая ее. Это хорошо видно на рис. 1, на котором представлена прорисовка фрагмента левой части писаницы⁶. Между фигурами двух лосей и лошади в нижнем ярусе панно вписаны два антропоморфных изображения. Морды лосей и руки человека, находящегося между ними, соединены короткими линиями. По-видимому, человек держит одного лося за губу при помощи веревки, второго — за хвост. Другой человек держит второго лося за губу, а лошадь — за хвост. Фигуры людей были вписаны в композицию, как я полагаю, спустя по крайней мере полторы тысячи лет.

В дальнейшем писаница в правой части нижнего яруса была дополнена изображениями стремительно мчащихся животных, у которых одна передняя нога подогнута под брюхо. Впереди бежит лошадь с султанчиком на голове, за ней — бык, задняя нога которого выбита поверх морды лошади с перекрещивающимися передней и задней ногами. Этим стратиграфическим наблюдением подтверждается вывод о хронологической последовательности создания петроглифов.

Фигуры зверей, у которых ноги пересекаются в беге или же соприкасаются копытами, сосредоточенные в левой части скального панно, а также в нижнем ярусе его центральной части, представляют для нас специальный интерес в связи с вопросом о древнейшем пласте енисейских петроглифов.

Центральной фигурой группы животных с пересекающимися ногами является хозяин тайги — лось. Контурные фигуры лосей, представленные в нижнем левом углу рис. 1, вероятно, наиболее древние: они занимают лучший участок скалы и, надо полагать, были выбиты первыми. Это, пожалуй, наиболее реалистичные и в то же время подчеркнуто стилизованные изображения. Животные представлены с коротким мощным туловищем, горбом над лопаткой, сухим крупом, длинными стройными ногами, широко раскинутыми в беге. Соотношение высоты животного и длины его тела нарушено: высота и длина равны, что особенно подчеркивает легкость и динамизм фигур. Лоси бегут так стремительно, что передняя нога заходит за заднюю, пересекаясь с ней. На голове обозначены высокие уши, однако нет характерных для лосей-самцов рогов в виде лопаток с отростками по краям. На писанице изображены лосихи. Верхняя губа, утолщенная на конце, нависает над нижней, которая показана плавным изгибом. В этой связи уместно вспомнить слова И. Т. Савенкова о том, что наскальные изображения «отличаются удивительным знанием характернейших отличительнейших внешних признаков и образа жизни диких животных. Сохатый — любимый зверь этих лесных обитателей; его нависшая верхняя губа передавалась с особенным старанием, что, вероятно, подогревалось у охотника и вкусовыми представлениями»⁷. Две фигуры лосей в верхнем ярусе частично уже утратили первобытный реализм, хотя еще полны динамики. А. В. Адрианов отмечал, что «передний лось изображен как бы с высунутым языком — до того его загнали»⁸.

Изображения выполнены в разной технике: контурные, нанесенные глубокими шлифованными линиями; в точечной технике — контурные и силуэтные; в комбинированной технике — сочетание контурной и силуэтной выбивки. Они, по всей вероятности, нанесены на скальную плоскость не одновременно. Древнейшие, надо полагать, те, контур которых обозначен глубокими шлифованными линиями.

На вопросе о хронологической последовательности создания рисунков этой писаницы останавливался еще А. В. Адрианов. Он писал, что изображение животных желобчатым контуром, где тонко схвачены поза и характер животного, древнее фигур, выполненных грубой пунктирной оббивкой ударами камня⁹. И. Т. Савенков отмечал, что самые древние изображения выполнены глубокой, широкой, сплошной чертой, иногда с выемкой внутренней поверхности фигуры¹⁰.

Если фигуры лосей в нижней левой части плоскости обозначены желобчатой шлифованной линией, то находящиеся выше нанесены такой же линией в сочетании с точечной выбивкой. Характерно, что морды животных забиты внутри контура точечными ударами. Вправо от этих фигур встречаются как контурные, так и силуэтные изображения животных, но общая тенденция такова, что по мере удаления рисунков от левого края писаницы динамизм фигур ослабевает. Ноги животных не пересекаются, а лишь соединяются кончиками копыт, а то и вовсе не соприкасаются друг с другом (рис. 2; 3). Создается впечатление, что они бегут слева направо, постепенно замедляя шаг, и наконец останавливаются как вкопанные. Однако это не преднамеренный авторский замысел (его и не могло быть, поскольку многие поколения людей принимали участие в создании этой писаницы), а результат эволюции стиля на протяжении веков. На смену первобытному реализму древних охотников пришел схематический, с чертами вырождения стиль их потомков.

Изображения животных с перекрещивающимися в беге ногами находят аналогии в искусстве окуневской культуры раннего бронзового века на Енисее. Н. Л. Подольский обратил внимание на сходство силуэтов лосей, выполненных в традиции, названной им ангарской, изображений

Рис. 3. Гора Суханиха. Изображение лосей в центральной части писаницы

фантастического зверя и одного из быков с плит окуневского могильника Черновая VIII¹¹. Эту линию сопоставлений можно продолжить.

Наряду с рисунками зверя-божества, сопровождающего изображения окуневских личин (рис. 4, 6, 7)¹², обращает на себя внимание фигура самки лося на антропоморфной стеле у улуса Сартыгой (рис. 4, 5)¹³. Н. В. Леонтьев писал, что это изображение создано либо одновременно с личиной, либо позже нее, поскольку по расположению рисунков можно сделать вывод, что стела первоначально предназначалась лишь для антропоморфной личины¹⁴. Интересно еще одно изображение лося, представленное фрагментом. Рисунок головы зверя обнаружен на обломке плиты в окуневском могильнике Черновая VIII¹⁵. Фигуру лося на стеле у улуса Сартыгой Н. В. Леонтьев сопоставляет с изображением этих животных на Томской писанице¹⁶.

Стилистическое соответствие изображений животных большого панно Суханихи (рис. 4, 1—4) и писаниц р. Томь (рис. 4, 8—10) очевидно. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что у некоторых минусинских и у томских фигур туловище выбито по контуру, а голова передана силуэтом. Характерна параллельная штриховка на туловище лосей Томской писаницы. Такой прием встречается также на одном из поздних изображений лося на Суханихе (рис. 2). На рис. 4, 9 представлена фигура лося, которая на Томской писанице выбита поверх изображения лодки¹⁷. Это стратиграфическое наблюдение существенно для хронологии рисунков животных как на Томской писанице, так и на большом панно Суханихи. Лодки — сюжет довольно поздний, появившийся, как полагает А. П. Окладников, лишь в конце неолита и ставший характерным для эпохи бронзы¹⁸. Естественно предположить, что фигура лося, перекрывающая изображение лодки, должна относиться к посленеолитическому времени.

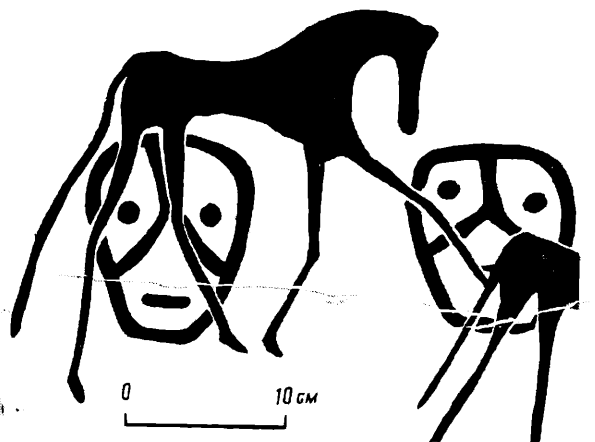

Рис. 4. Изображение бегущих зверей

1—4 — гора Суханиха; 5—7 — средний Енисей (5 — по Н. В. Леонтьеву; 6, 7 — по Э. Б. Вадецкой); 8—10 — Томские писаницы (по А. П. Окладникову и А. И. Мартынову)

Рис. 5. «Пьяный камень» близ с. Бельтыры. Фрагмент. Прорисовка автора

С изображениями бегущих зверей на большом панно Суханихи можно сопоставить фигуры трех лошадей на писанице «Пьяный камень» близ с. Бельтыры¹⁹. Изображение лошади в одном случае целиком выбито по контуру (рис. 5), в двух других контурной линией обозначено только туловище, голова показана силуэтно. Фигуры лошадей выбиты поверх личин окуневского типа, имеющих близкие аналогии среди личинок-масок Саянского каньона Енисей²⁰. Любопытно, что и в данном случае изображения животных и личин взаимосвязаны, находятся в сочетании друг с другом, причем личины перекрыты фигурами животных.

На писанице у с. Бельгтыры имеется изображение животного с распластанным в прыжке туловищем, подобное тем, какие встречаются среди окуневских рисунков и петроглифов Томской писаницы²¹. Изображение волка, распластанного в быстром беге, с раскрытой пастью есть и на рассматриваемом панно Суханихи. Оно может быть датировано окуневскими аналогиями, в частности изображением собаки на плите могильника Черновая VIII.

И. Т. Савенков обратил внимание на сходство костяных фигурок животных из Базайхского погребения и наскальных изображений. Он писал: «На основании общего очертания некоторых диких животных, по очертанию головы, по раскрытому рту, по многим особенностям рисунка, мы позволяем себе высказать, гадательно конечно, предположение, что добытые нами... при раскопках Базайской стоянки Бор близ деревни Базайхи костяные фигурки животных едва ли не современны древнейшим Тубинским и некоторым Копенским и Трифоновским начертаниям»²². (Петроглифы Суханихи в то время еще не были открыты.)

Костяные скульптурки лося из Базайхского погребения исследователи сопоставляют с изображениями лося на скалах Енисея и датируют каменным веком²³. Н. В. Леонтьев ссылается на мнение Г. А. Максименкова, полагавшего, что скульптурки лося из Базайхи относятся к энеолиту²⁴. Такой же точки зрения придерживается и С. В. Студзницкая²⁵. Существенно важно, что базайхские скульптурные фигурки лося в любом случае — следовать ли датировкам А. П. Окладникова или Г. А. Максименкова — древнее окуневских²⁶.

Можно предположить, что выполненные по контуру глубокими линиями наиболее древние изображения бегущих лося на панно Суханихи были созданы в доокуневское время, возможно в неолите. Основную же часть изображений животных с пересекающимися в беге ногами следует отнести к окуневской эпохе. Отдельные выродившиеся изображения уже не бегущих, а как бы шагающих животных могли быть выбиты позднее, в период поздней бронзы. Рассматриваемая писаница на Суханихе, очевидно, была местом поклонения в разные исторические эпохи. Поколения сменялись, и представители разных культур и этносов оставили здесь свои рисунки. В этой связи интересно вспомнить, что местное аборигенное население еще в прошлом веке чтит писаные камни²⁷. Вероятно, линии культурной преемственности в каких-то формах, в частности в традициях изображения рисунков на скалах, не прерываясь, сохранялись на среднем Енисее в течение не только веков, но и тысячелетий.

¹ *Адрианов А. В.* Писаницы Енисейской губернии. Архив ЛОИА, ф. 2, оп. 2, д. 12, л. 41.

² Эстампажи хранятся в МАЭ. Шифр А. В. Адрианова — XX, 2—97.

³ *Адрианов А. В.* Писаницы Енисейской губернии..., л. 29.

⁴ Такой прием изображения ног животных характерен для искусства гунносарматской эпохи. См.: *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема. М., 1976, с. 40.

⁵ *Вялкина К. В.* Наскальные изображения Минусинской котловины. — В кн.: Сборник МАЭ, 1961, 20, с. 225, 227; *Дэвлет М. А.* Из истории освоения металлургии железа на среднем Енисее. — СА, 1968, 1, с. 38, рис. 6.

⁶ В среднем ярусе при прорисовке графитной протирки, сделанной в 1978 г., выпущено сомнительное, неясное скопление точечных выбоин, которое А. В. Адрианов считал фигурой лошади.

⁷ *Савенков И. Т.* К разведочным материалам по археологии среднего течения Енисея. — Изв. ВСОРГО, 1886, т. 17, 3-4, с. 54.

⁸ *Адрианов А. В.* Писаницы Енисейской губернии, л. 29.

⁹ Там же, л. 30.

¹⁰ *Савенков И. Т.* К разведочным материалам..., с. 53.

¹¹ *Подольский Н. Л.* О принципах датировки наскальных изображений. — СА, 1973, 3, рис. 8. Как отмечает Н. В. Леонтьев, введенное Н. Л. Подольским понятие «ангарская традиция» применимо в лучшем случае только к реалистическим изображениям лося Ангары, Енисея, Томи (*Леонтьев Н. В.* Антропоморфные изображения окуневской культуры. — В кн.: Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск, 1978, с. 102).

¹² *Вадецкая Э. Б.* Изображение зверя-божества из Хакасии. — В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, рис. 1; 2.

¹³ *Леонтьев Н. В.* Антропоморфные изображения окуневской культуры, рис. 11, 1.

¹⁴ Там же, с. 100.

- ¹⁵ *Леонтьев Н. В.* Изображения животных и птиц на плитах могильника Черновая VIII.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, рис. 3; 4.
- ¹⁶ *Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища Томских писаниц. М., 1972.
- ¹⁷ Там же, с. 73.
- ¹⁸ Там же, с. 186, 187, 229.
- ¹⁹ *Липский А. Н.* К вопросу о семантике солнцеобразных личин Енисея.— В кн.: Сибирь и ее соседи в древности. Новосибирск, 1970, рис. 6; *Леонтьев Н. В.* Изображения животных и птиц..., рис. 3.
- ²⁰ Проводя такое сопоставление, необходимо обратить внимание на наличие среди бельтырских петроглифов личины с отростком на макушке — «антенной», а также личины с двумя рогами и попарно свисающими по бокам головы отростками. Примечательно наличие личин парциального типа, столь характерных для петроглифов Мугур-Саргола. См.: *Дэвлет М. А.* Петроглифы Улуг-Хема.
- ²¹ *Леонтьев Н. В.* Антропоморфные изображения окуневской культуры, с. 102.
- ²² *Савенков И. Т.* К разведочным материалам..., с. 54, 55.
- ²³ *Окладников А. П.* Петроглифы Ангары. М.; Л., 1966, с. 119, 120; *Окладников А. П., Мартынов А. И.* Сокровища Томских писаниц, с. 180, 181.
- ²⁴ *Леонтьев Н. В.* Антропоморфные изображения окуневской культуры, с. 102, 103; *Максименков Г. А.* О культурах эпохи бронзы южной части Сибири.— В кн.: Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970, с. 78.
- ²⁵ *Студзицкая С. В.* К вопросу о появлении шаманства у племен среднего Енисея по археологическим данным.— В кн.: Ежегодник ГИМ, 1963—1964. М., 1966, с. 59.
- ²⁶ *Леонтьев Н. В.* Антропоморфные изображения окуневской культуры, с. 103.
- ²⁷ *Попов Н. И.* Общий взгляд на писаницы Минусинского края.— Изв. ВСОРГО, 1876, т. 7, 1, с. 31.

ПУБЛИКАЦИИ

А. С. СМIRHOV

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ
ЗАПАДА БРЯНСКОЙ ОБЛАСТИ

Неолитические памятники Подесенья известны с начала нашего столетия и неоднократно исследовались. Стоянки западной части Брянской обл. до сих пор целенаправленно не изучались. В работах К. М. Поликарповича¹ и И. И. Артеменко² упоминается несколько пунктов на р. Ипуть со следами неолитических стоянок, но материалы не опубликованы.

В 1978 г. Деснинская экспедиция Института археологии АН СССР обследовала реки Ипуть и Беседа в пределах Брянской обл. Получен керамический и кремневый материал со стоянок эпохи неолита (рис. 1; 2). Топография стоянок довольно однообразна. Они расположены обычно на левом берегу рек, на возвышенностях в пойме или на краю сниженных участков боровой террасы. Превышение над уровнем воды редко бывает больше 3 м. Лишь немногочисленные месторождения на левобережье Беседы находятся на возвышенной первой надпойменной террасе. На большинстве обследованных стоянок неолитические материалы залегали совместно с остатками поселений эпохи бронзы, а в ряде случаев — и железного века.

Неолитические памятники встречены на всем протяжении брянского течения Ипути, но на севере области они довольно редки. Их количество увеличивается по мере приближения к ее южным границам.

Самая южная стоянка находится на возвышенности в пойме левого берега Ипути, в 250 м к северо-западу от пос. Орлы. На памятнике встречена керамика с гребенчатым орнаментом, а также фрагменты сосудов черного цвета, украшенные оттисками палочки с веревочкой, напоминающими гребенчатый штамп. В тесте — обильная примесь кварца. Обнаружены кремневые отщепы и орудия, в том числе концевой скребок на отщепе со скошенным рабочим краем (рис. 2, 1).

Несколько выше по течению Ипути, у д. Добродеевка, на останках в пойме обнаружено три поселения. На стоянке Добродеевка I у восточной окраины деревни при шурфовке получены фрагменты керамики, украшенные в основном лапчатым штампом, гребенкой и мелкими наколами. На поселениях Добродеевка II и III, расположенных на соседней к западу возвышенности, встречена керамика эпохи бронзы и многочисленные аморфные неорнаментированные обломки неолитических сосудов. На всех стоянках обнаружены отходы кремневой индустрии.

У г. Новозыбков, между деревнями Селицкое и Новое Место, в урочище Пеньки, на обширном песчаном возвышенном мысе первой надпойменной террасы левого берега Ипути обнаружено поселение, которое было обитаемо в различные эпохи. Поверхность мыса активно развевается и на большой площади повреждена двумя глубокими карьерами. Культурный слой практически не сохранился. На обнаженном песке собраны многочисленные кремневые отщепы, орудия, фрагменты керамики. Эти материалы позволяют говорить, что поселение существовало в эпохи

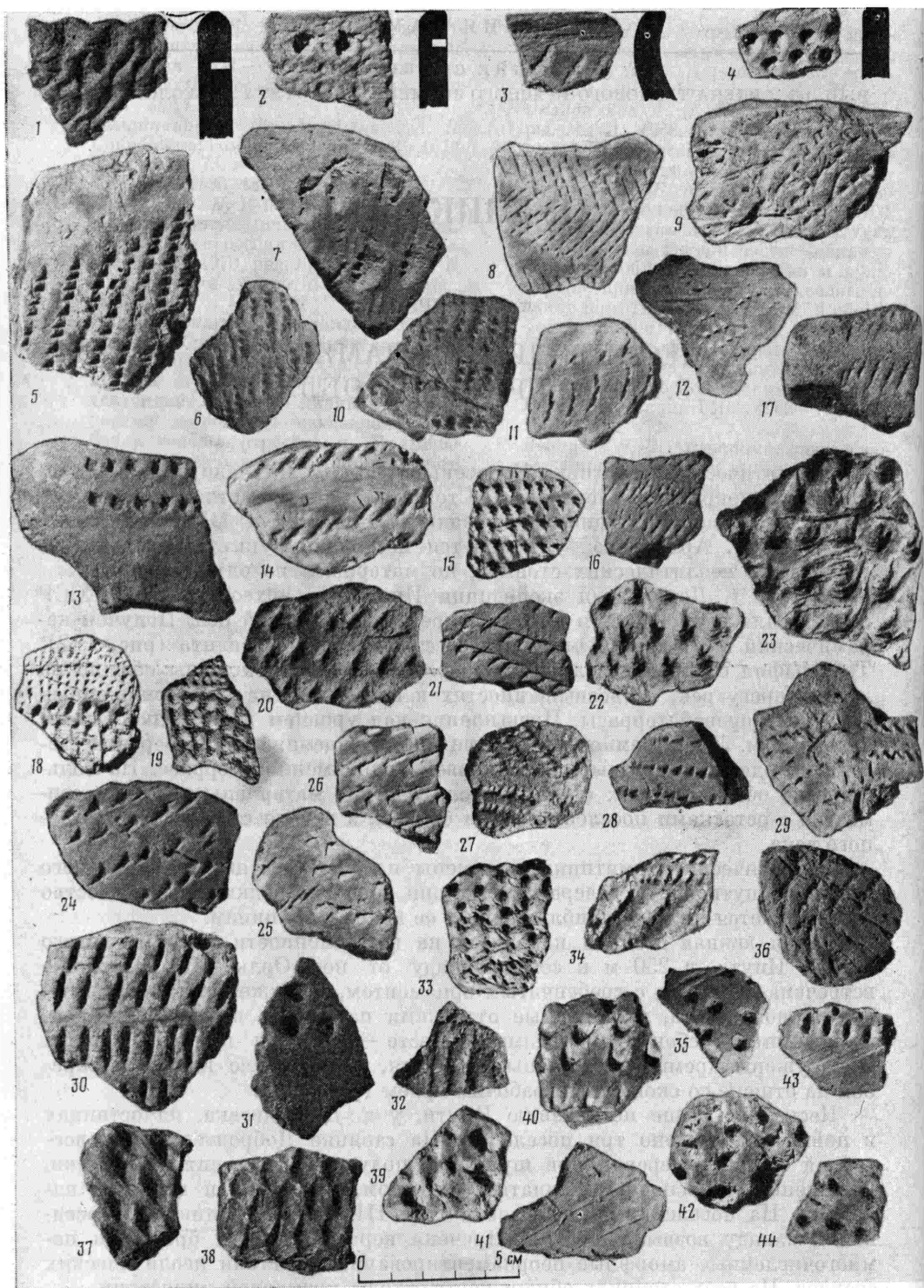

Рис. 1. Керамика неолитических стоянок по рекам Ипуть и Беседь

1, 5, 13, 23, 29, 31, 37, 38 — Ущерье I; 2 — Ягодное; 3, 4, 9, 12, 16, 24—26, 28, 41, 43 — Старе Бобовичи IV; 6, 10, 14, 17, 21, 22, 30, 35 — Новая Андреевка I; 7, 11 — Новая Андреевка II; 8 — Новое Место; 15, 18, 19, 33, 42 — Ущерье (развеечная дюна); 20, 39 — Новая Андреевка III; 27, 32, 34 — Борозенщина I; 36 — Борозенщина III; 40 — Халевичи; 44 — Любовша III

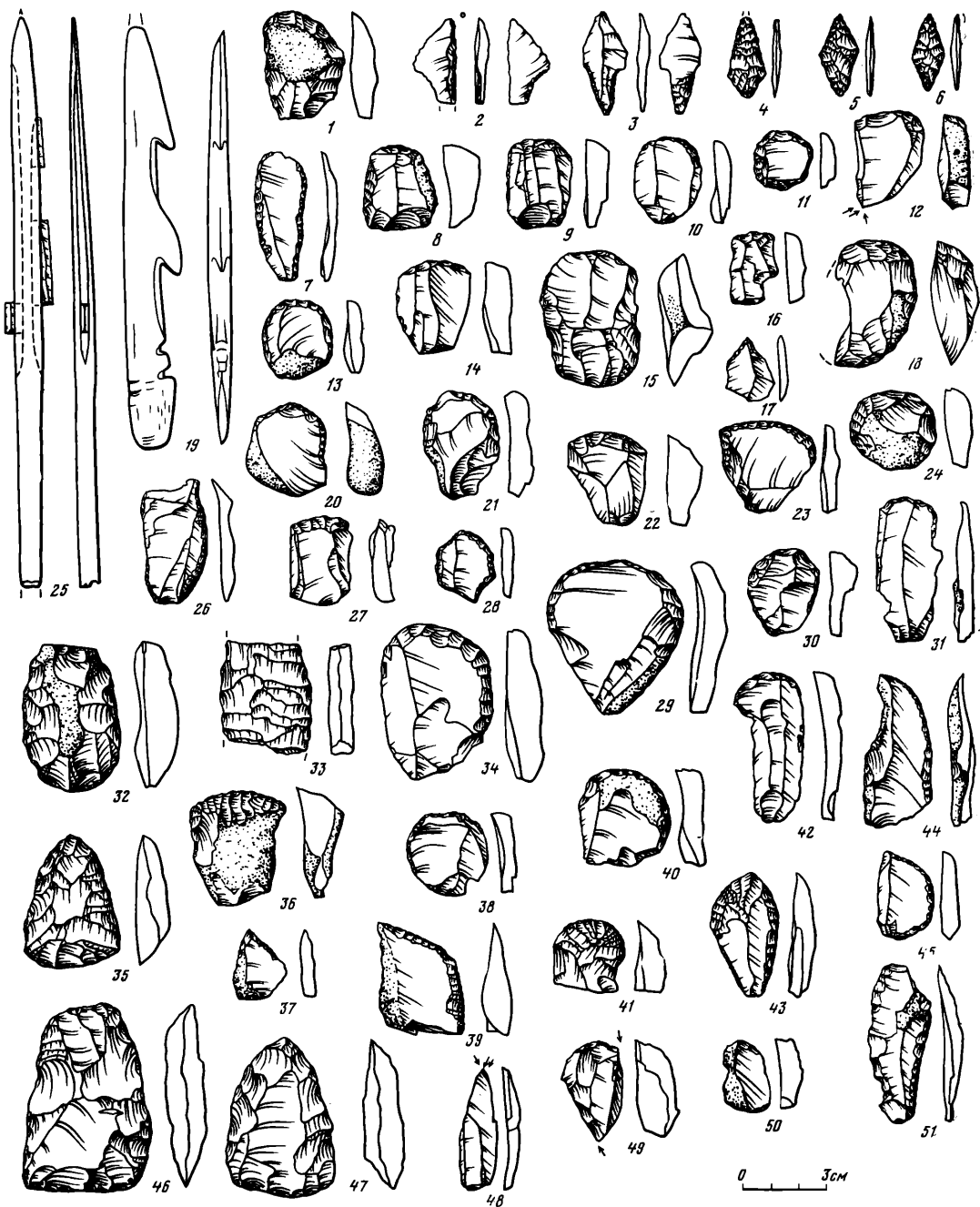

Рис. 2. Орудия неолитических стоянок по рекам Ипуть и Беседь

1 — Орлы; 2, 3, 7—13, 16, 18 — Новое Место; 4, 5, 47 — Любовша III; 6, 49 — Муравьянка; 14, 15, 17, 20 — Старые Бобовичи IV; 19, 25 — случайные находки; 21—24, 26, 27, 30—32, 35, 44 — Борозенщина; 28, 33 — Ягодное; 29, 34, 40, 42, 43, 45 — Халевичи; 36, 38, 39, 41, 46, 48, 50, 51 — Ущерье I; 37 — Новая Андреевка

мезолита, неолита и бронзы. Наиболее ранние материалы представлены паконечниками постсвидерского типа (рис. 2, 3) и асимметричным черешковым (рис. 2, 2)³. К неолитическому времени относятся фрагменты сосудов, украшенные отпечатками мелкозубой гребенки (рис. 1, 8). Основная масса собранной керамики не орнаментирована и принадлежит сосудам эпохи бронзы.

Напротив с. Старые Бобовичи, на всхолмлениях в пойме левого берега Ипути расположено несколько неолитических поселений. Наиболее многочисленный материал получен со стоянки Старые Бобовичи IV, находящейся у русла реки, напротив северной оконечности села. В размывах культурного слоя собрана керамика, украшенная обычно отпечатками гребенчатого штампа (рис. 1, 9, 12, 16). Много фрагментов, орнаментированных в отступающей технике (рис. 1, 24–26, 28), реже — различного рода насечками, редкими ямками (рис. 1, 4), лапчатым штампом. Имеется неорнаментированная керамика. В тесте — обильная примесь песка. Поверхность сосудов часто заглажена. Среди кремневых изделий — грубое тесловидное орудие, концевые скребки (рис. 2, 14, 20), несколько проверток (рис. 2, 17).

У д. Борозенщина есть ряд поселений эпохи неолита и бронзы. Они находятся в 1,5 км к югу от деревни, за обширным участком мелиорированных земель, на дюнах в пойме правого берега Ипути. Обнаружено пять стоянок. Четыре располагаются последовательно вдоль берега, пятая — несколько в глубине. На большинстве из них дерн не сохранился, культурный слой уничтожен, а находки залегают на поверхности переваемого песка. Керамика стоянки Борозенщина I выделяется из общей массы. Она черного цвета, грубая, с обильной примесью дресвы. Орнамент геометрический, выполненный отпечатками палочки с веревочкой, напоминающими гребенчатые оттиски (рис. 1, 27, 32, 34). На других стоянках керамика светло-коричневого оттенка, тесто более однородное, с примесью песка. Орнаментирована она чаще всего гребенчатым штампом (рис. 1, 36), а также лапчатыми отпечатками. Реже встречаются различного вида ямки, насечки и наколы. Среди кремневых орудий преобладают скребки, обычно концевые, выполненные, как правило, на отщепе (рис. 2, 21, 22, 23, 27, 30, 31). Один скребок округлый (рис. 2, 24). Встречено несколько ножей, обработанных приостряющей ретущью по рабочему краю (рис. 2, 26, 44). Среди иных орудий следует назвать небольшой топорик с округлым лезвием и прямым обушком, оформленный грубыми сколами (рис. 2, 32), тесловидное орудие с суженной обушковой частью (рис. 2, 35).

На другом берегу Ипути, напротив описанных стоянок, несколько ниже д. Ягодное, на мысе первой надпойменной террасы обнаружено поселение, на котором наряду с керамикой эпохи бронзы и раннего железного века найдены неолитические фрагменты, украшенные мелкими ямками-наколами, неглубокими аморфными ямчатыми вдавлениями (рис. 1, 2), небольшой скребок на пластине (рис. 2, 28) и обломок двусторонне обработанного наконечника дротика (рис. 2, 33).

У северной окраины с. Халевичи, на дюнах в пойме левого берега Ипути обнаружены остатки активно развееваемого поселения, на котором встречены материалы эпохи неолита и бронзы. Неолитическая керамика украшена, как правило, отпечатками мелкозубой гребенки, реже — различного вида насечками и наколами (рис. 1, 40), а также лапчатым штампом, гладкими отпечатками, гусеничным орнаментом. В тесте — обильные добавки песка и дресвы. Среди кремневых орудий на первом месте стоят концевые скребки с округлым рабочим краем (рис. 2, 29, 34, 40, 42), более редки — боковые (рис. 2, 43, 45). Встречены пластины и их сечения.

На возвышенностях в пойме левого берега Ипути, напротив западной окраины с. Ущерпье некогда существовала неолитическая стоянка, культурный слой которой к настоящему времени полностью развеян. На обнаженном песке собрана керамика, орнаментированная отпечатками гребенки, реже — ямчатыми вдавлениями (рис. 1, 33, 42), наколами, лапчатым штампом (рис. 1, 15, 18, 19).

Недалеко от этого места, непосредственно у русла Ипути, в 200 м выше впадения р. Вепринка обнаружено поселение Ущерпье I. Оно вытянуто вдоль реки примерно на 100 м и занимает небольшую пологую возвышенность. Мощность культурного слоя довольно значительна —

до 0,8 м. В нем наряду с керамикой и изделиями, датируемыми бронзовым и ранним железным веком, найдены обломки неолитических сосудов, кремневые отщепы и орудия. Неолитическая керамика украшена отпечатками гребенчатого штампа, реже — ямками-наколами (рис. 1, 5, 13) или отступающей палочкой (рис. 1, 29). Имеются черепки, покрытые отпечатками лапчатого штампа (рис. 1, 23) и ямками (рис. 1, 1, 31); в том числе ромбическими (рис. 1, 37). Орудия в большинстве представлены концевыми скребками (рис. 2, 36, 38, 41, 50), ножами (рис. 2, 39, 51), срединным резцом на пластине (рис. 2, 48) и топовидным орудием с прямым лезвием и слегка суженным обушком, оформленным с двух сторон грубыми сколами (рис. 2, 46).

Юго-западнее пос. Новая Андреевка находятся три стоянки, занимающие последовательно небольшие сниженные мысы левобережной боровой террасы Ипути. Они хорошо задернованы, не развеваются и не размываются, хотя две из них повреждены траншеями. Кроме неолитических материалов, на памятнике обнаружена керамика эпохи бронзы. На стоянке Новая Андреевка I ее довольно мало, на стоянке Новая Андреевка II она представлена более широко, а на стоянке Новая Андреевка III преобладает. На всех трех памятниках неолитическая керамика украшена гребенчатыми оттисками различного вида, распространены наколы, насечки, отпечатки лапчатого штампа (рис. 1, 22), встречаются ямочные вдавления (рис. 1, 20, 35, 39) и гладкие отпечатки (рис. 1, 30). Довольно много неорнаментированной керамики. Из кремневых орудий найдена небольшая развертка на отщепе (рис. 2, 37).

На возвышенности в пойме левого берега Унечи (левый приток Ипути) в 200 м выше ее устья и в 300 м ниже д. Муравьишка обнаружена стоянка, где наряду с керамикой эпохи бронзы найдены фрагменты неолитических сосудов с гребенчатым орнаментом, а также небольшой кремневый двусторонне обработанный наконечник стрелы ромбовидной формы (рис. 2, 6) и резец (рис. 2, 49).

Неолитические памятники брянского течения Беседи немногочисленны. Находки на них представлены редкими аморфными фрагментами керамики и одиночными орудиями, залегающими вместе с материалами эпохи бронзы и железного века.

Подобные материалы встречены на стоянке у д. Любовша. Стоянка Любовша III расположена в 0,7 км к юго-западу от деревни, на высоком левом берегу Беседи. Керамика орнаментирована наколами и ямочными вдавлениями (рис. 1, 44). Среди кремневых орудий — два ромбовидных наконечника стрел, обработанных плоской ретушью по всей поверхности (рис. 2, 4, 5), и небольшой топорик с приостренной обушковой частью (рис. 2, 47).

Стоянка Кашковка V располагается в 0,7 км к северо-западу от одноименной деревни, на краю высокой левобережной боровой террасы Беседи. На распахиваемой поверхности памятника собраны редкие мелкие фрагменты неолитической керамики, куски и отщепы кремня.

Костяных и роговых изделий на обследованных памятниках не встречено, но в коллекции Брянского областного краеведческого музея хранятся два орудия, обнаруженных на западе области (Красногорский р-н). Одно из них представляет собой острие типа «птичьих стрел» длиной около 22 см (конец черешковой части обломан), уплощено овальное в сечении, с пазами по двум сторонам, в которых частично сохранились кремневые пластинчатые вкладыши, укрепленные при помощи черного смолистого вещества (рис. 2, 25). Подобные острия были распространены в эпоху мезолита. Они встречены на мезолитических памятниках Украинны⁴ и Прибалтики⁵.

В музее хранится односторонний костяной крупнозубый гарпун длиной около 16 см с уплощенным и расширенным насадом, на котором нанесено два глубоких надреза (рис. 2, 19). Это орудие может быть датировано эпохой неолита. Близкие формы гарпунов известны на стоянке Долгое в верховьях Дона⁶.

При неизбежной фрагментарности разведочных материалов мы все же можем составить определенное мнение о характере неолитических памятников Ипути и Беседи. Керамика здесь, как правило, грубая, изготовленная из сильно отощенного теста, в которое добавлены песок, кварц, дресва, нередко плохо дробленая. В орнаменте первое место занимают оттиски гребенчатого штампа, обычно мелкозубого. Распространен лапчатый штамп. Встречаются фрагменты, орнаментированные в накольчато-отступающей технике. Фрагменты с округло- и ромбоямочным орнаментом единичны. Кремневые орудия выполнены обычно на отщепах. Наиболее распространены скребки, особенно концевые. Среди характерных кремневых орудий следует назвать ромбовидные наконечники стрел.

Эти общие черты позволяют отнести неолитические памятники Ипути и Беседи к одной культуре, отличной от культуры стоянок брянского Подесенья, где керамика изготовлялась из менее отощенной глины. В тесте многочисленны следы органических включений. Песок добавлялся в меньших количествах, часто он присутствует лишь как естественная примесь. Дресва и кварц встречаются реже и, как правило, мелко истолчены.

Отличается и характер орнаментации сосудов. На Десне господствует ямочный орнамент в кругло- и ромбоямочных вариантах. Лапчатый штамп использовался довольно часто, но фрагменты с подобными оттисками на стоянках встречаются лишь в сочетании с черепками, украшенными ямками двух первых разновидностей. Гребенчатые отпечатки употреблялись как дополнительный элемент орнамента. Керамика, украшенная собственно «гребенкой», встречается на Десне нечасто. Менее распространены на востоке области и орнаменты, выполненные в накольчато-отступающей технике.

Отличия в кремневом инвентаре памятников этих двух групп проявляются в формах наконечников стрел. На Десне они обычно листовидной, треугольно-черешковой формы. Небольшие ромбические наконечники не получили здесь широкого распространения.

Обследованные стоянки ближе к восточнобелорусским неолитическим памятникам, в особенности к расположенным на Соже⁷. Их сближает употребление кварца и дресвы в качестве отощителей, превалирующее значение гребенчатой орнаментации, распространение накольчато-отступающей техники. Из ямочных орнаментов обычны оттиски лапчатого штампа. Круглые и ромбические ямки встречаются редко. Среди кремневого инвентаря этих памятников — наконечники стрел ромбовидной формы.

В свете всего сказанного представляется правомерным отнести неолитические стоянки западной части Брянской обл., располагающиеся по Ипути и Беседи, к верхнеднепровской неолитической культуре⁸.

Таким образом, можно говорить о существовании на территории Брянской обл. двух разнокультурных групп памятников, граница между которыми проходит по деснинско-сожскому водоразделу. На востоке области располагались стоянки лесного деснинского неолита, родственные культурам Волго-Окского междуречья. Памятники бассейна Ипути и Беседи входят в район распространения верхнеднепровской неолитической культуры, тяготеющей к гребенчато-ямочной культурной общности. Мы можем уточнить границу не только между двумя неолитическими культурами, но и между обширными культурными регионами.

¹ Паликарпович К. М. Дослідды культур каменнаго і бронзавага пэрыяду ў усходняй Беларусі.— Працы кафедры археалогіі, 1928, I, с. 270, 271.

² Артеменко И. И. Памятники неолита и бронзового века Верхнего Поднепровья.— КСИИМК, 1960, 78, рис. 8.

³ Наконечник хранится в фондах Брянского областного краеведческого музея.

⁴ Телегин Д. Я. Мезолит левобережной Украины и его место в сложении днепро-донецкой неолитической культуры.— МИА, 1966, 126, с. 101, рис. 1, 16; Сибильов М. В. Старовинності Ізюмщини. Ізюм, 1930, IV, с. 16.

⁵ Лозе И. А. Некоторые мезолитические находки на территории Латвии.— МИА, 1966, 126, с. 108, рис. 2, 4, 13.

⁶ Левенко В. П. Долговская стоянка и

ее значение для периодизации неолита на верхнем Дону.— МИА, 1965, 131, с. 237, рис. 14, 7, 9.

⁷ *Ісаенка В. Ф.* Некаторыя вынікі даследаванняў неалітычных пасяленняў ў басейне р. Сажы.— Весті Акадэміі навук Беларускай ССР, серыя грамадскіх навук, 1965, 2; *Артеменко И. И., Тюрин И. М.* Неолитическое поселе-

ние в урочище Стрелица Гомельской обл.— КСИА, 1966, 106; *Тюрин И. М.* Неолитические памятники Посожья.— КСИА, 1967, 111.

⁸ *Тюрин И. М.* Некоторые данные о неолитических племенах Верхнего Поднепровья.— МИА, 1973, 172, с. 184—186.

М. Г. ЖИЛИН, Д. А. КРАЙНОВ

СТОЯНКА БЕРЕНДЕЕВО Іа

Берендеевское болото близ ст. Берендеevo Переславского р-на Ярославской обл. приобрело большую известность благодаря легендам и сказкам, связанным с ним. В ходе разработок Берендеевского торфяника местными рабочими и школьниками было обнаружено около 25 стоянок, относящихся к мезолиту, неолиту и более позднему времени¹. Небольшие раскопки в 1960-х годах были произведены только на стоянке Берендеevo I². В 1964 г. стоянку осматривали Д. А. Крайнов и Л. В. Кольцов³. В это же время была осмотрена и стоянка Берендеevo Іа, на которой в слое торфа была обнаружена ямочно-гребенчатая керамика. В 1979 г. исследование стоянок Берендеevo I, Іа и ІІІ продолжила Верхневолжская экспедиция. В данной статье мы коснемся только результатов раскопок стоянки Берендеevo Іа.

Стоянка Берендеevo Іа находится в 2,3 км к югу от ст. Берендеevo, в 2 км к востоку — юго-востоку от Волчьей Горы⁴ и в 4,5 км от пос. Центральный, в северо-западной части торфяника.

Торфоразработки на месте стоянки давно закончены. Через стоянку проходят канавы, зачистки стенок которых позволили определить примерную площадь памятника — 80 × 70 м. Здесь было заложено два раскопа общей площадью в 112 кв. м (рис. 1).

Раскоп I в центральной части памятника площадью 72 кв. м был разбит на 18 квадратов — 2 × 2 м каждый. Верхние слои торфа здесь уже были сняты на 2,5 м. В оставшейся толще торфа слои залегают следующим образом: 1) дерн — мощность 0,04 м; 2) темно-бурый торф с растительными остатками — 0,18—0,20 м; 3) прослойка сапропеля: в верхней части светлая, внизу — темная — 0,04—0,05 м; 4) черный разложившийся торф с большим количеством веток, шишек и щепы и включениями линз сапропеля — 0,36—0,60 м; 5) серый плотный сапропель с железистыми подтеками — 0,60—1,10 м, ниже — озерное дно.

Культурные остатки появились на глубине 0,23 м, в слое черного торфа, и встречались до сапропеля. Большая часть их обнаружена на глубине 0,30—0,70 м. По площади раскопа находки распределялись неравномерно: на глубине 0,30—0,50 м их больше в юго-западной части раскопа, на глубине 0,50—0,70 м — в центральной и северо-восточной частях. Культурные остатки раскопа I состоят из обломков верхневолжской и ямочно-гребенчатой керамики, кремневых орудий и отщепов, костяных изделий, деревянных обломков, разных поделок, костей животных, птиц и рыб. В северо-восточной и частично в центральной частях раскопа на глубине 0,25 м обнаружена деревянная «конструкция». Она представляет собой настил, ориентированный с юго-востока на северо-запад. Настил состоит из довольно тесно пригнанных друг к другу плах-бревен, положенных корой вниз. Четыре плахи настила сделаны из березы, а пятый — из сосны. Сверху на настиле через 1—2 м лежали четыре короткие поперечные плашки, направленные с запада на восток. Судя по вмятинам на бревнах, они связывали настил. В основании «конструкции» лежит толстый слой березовой коры, свободное пространство между плахами за-

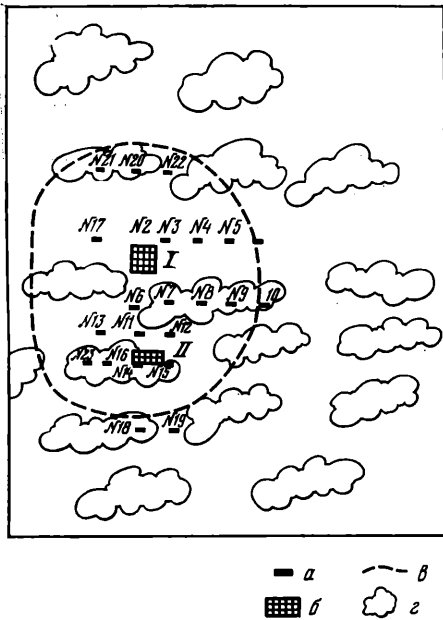

Рис. 1. План стоянки Берендеево IIa
 а — зачистки; б — раскопы; в — примерная граница стоянки; г — кустарник

слоев стоянки и относятся к тому же времени, что и настил.

Всего в раскопе обнаружено 10 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, все — с примесью дресвы (рис. 2, 16, 20, 27). Четыре фрагмента относятся к одному сосуду с прямым венчиком, скошенным внутрь. Толщина стенок сосуда 10 см. Он орнаментирован рядами конических ямок в шахматном порядке и поясами косых оттисков короткого гребенчатого штампа (рис. 2, 20). Интересно округлое днище сосуда: орнамент в виде пятиконечной звезды выполнен на нем ямками разного размера и оттисками короткого гребенчатого штампа (рис. 2, 27). В центре звезды помещен соляренный знак, выполненный более крупными ямками. Один из фрагментов напоминает гибридную редкоямочную керамику (рис. 2, 16). Представляет также интерес и фрагмент гребенчато-ямочной керамики (рис. 2, 22). Вероятно, с ямочно-гребенчатой керамикой связан и наконечник стрелы с двусторонней обработкой, также найденный в канаве (рис. 3, 4). В юго-западной части раскопа I на глубине 0,60—0,70 м встречены один фрагмент ямочно-гребенчатой керамики и обломок черешкового наконечника стрелы с шипами у черешка и двусторонней обработкой (рис. 3, 20). Возможно, здесь была яма, опущенная из верхних слоев стоянки, но в торфе ее проследить не удалось.

Остальной материал из раскопа I однороден, представлен верхневолжской керамикой, кремневыми, костяными, деревянными изделиями и костями животных, птиц, рыб. Эти материалы располагались только в слое черного торфа. Верхневолжская керамика изготовлена из глины с примесью толченой дресвы, шамота и птичьего помета. Венчики прямые, срез их или слегка округлый, или, реже, заостренный, скошенный внутрь. Днища округлые, толщина стенок от 4 до 9 мм. Преобладают фрагменты толщиной 6—7 мм. Внешняя поверхность заглажена, имеет коричневатый оттенок. На внутренней стороне незначительной части обломков имеются расчесы, а у остальных — гладкая поверхность. Всего найдено 635 фрагментов. Орнамент их в основном гребенчатый, но встречается и смешанный гребенчато-накольчатый и тычковый. По орнаменту всю керамику можно распределить следующим образом: 272 фрагмента — только с гребенчатым орнаментом (рис. 2, 14, 21, 23), шесть — с гребенчато-

ложено более мелкими плашками и ветками. Рядом с настилом стоял кол. Северо-восточный конец настила, очевидно, перекрывал канавку, которая прослеживалась в виде пятнистой полосы торфа и сапропеля шириной около 1 м и длиной около 3 м, вытянутой с юго-востока на северо-запад и уходящей в северную стенку раскопа. Возможно, этот настил был сделан для прохода к озеру, берег которого в древности располагался в нескольких десятках метров от стоянки. Настил, залегающий выше верхневолжского культурного слоя стоянки, очевидно, связан с верхним слоем, разрушенным при торфоразработках⁵. Непосредственно под настилом был найден кремневый отщеп, указывающий на присутствие здесь слоя более позднего, чем верхневолжский. Примечательно, что в канавке найдены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, которые не встречались ни в других частях раскопа I (за исключением одного фрагмента в юго-западном углу), ни в раскопе II и зачистках. Видимо, эти фрагменты попали сюда из верхних

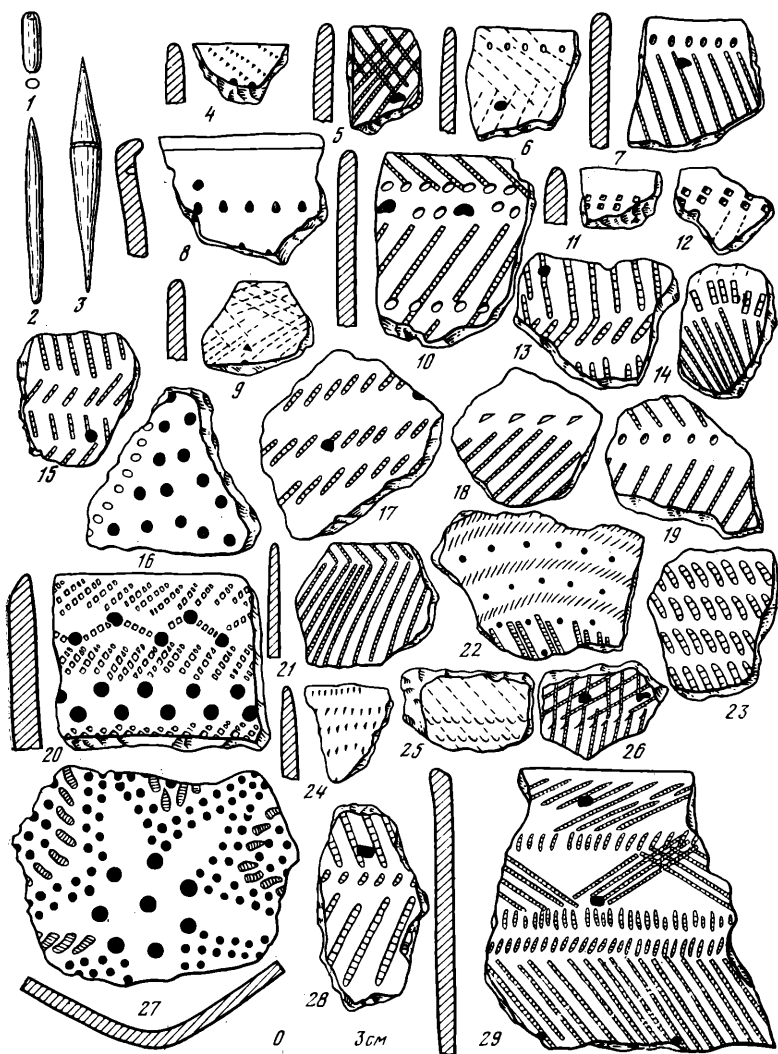

Рис. 2. Костяные изделия и керамика из раскопа I стоянки Берендеево Па (1—29)

накольчатым (рис. 2, 12), 62 — с гребенчато-тычковым (рис. 2, 18), 24 — с гребенчато-ямчатым (рис. 2, 19, 22), 37 — орнаментированы различными ямками и ямчатыми вдавлениями, нанесенными поверх оттисков гребенки (рис. 2, 5—7, 9, 13, 15, 17, 28, 29), на 16 — сочетаются гребенчатые, тычковые и ямчатые оттиски (рис. 2, 10, 26), 15 — с тычковым ямчатым узором (рис. 2, 8), 8 — с накольчатым орнаментом, нанесенным треугольными и прямоугольными вдавлениями (рис. 2, 4, 11, 24), значительная часть — с неясным орнаментом.

Основную массу обломков составляют керамика с гребенчатым орнаментом — 40,9% от всей, найденной в раскопе, а если не учитывать фрагменты с неясным орнаментом, то ее доля возрастет до 62%, причем керамика без гребенчатых отпечатков составляет только 5,2%, а на долю керамики с комбинированным орнаментом приходится 32,8%.

Гребенчатые (зубчатые) узоры различны и по технике нанесения (штамп крупнозубчатый, среднезубчатый, мелкозубчатый, пунктирный и пр.), и по композиции рисунка. В тесте керамики с гребенчатыми узорами преобладает примесь дресвы, а керамики с тычковым и накольчатым орнаментом — птичьего помета, но в тесте той и другой встречаются и другие примеси, упомянутые выше. Надо отметить, что и та, и другая керамика встречается и в верхних, и в нижних горизонтах.

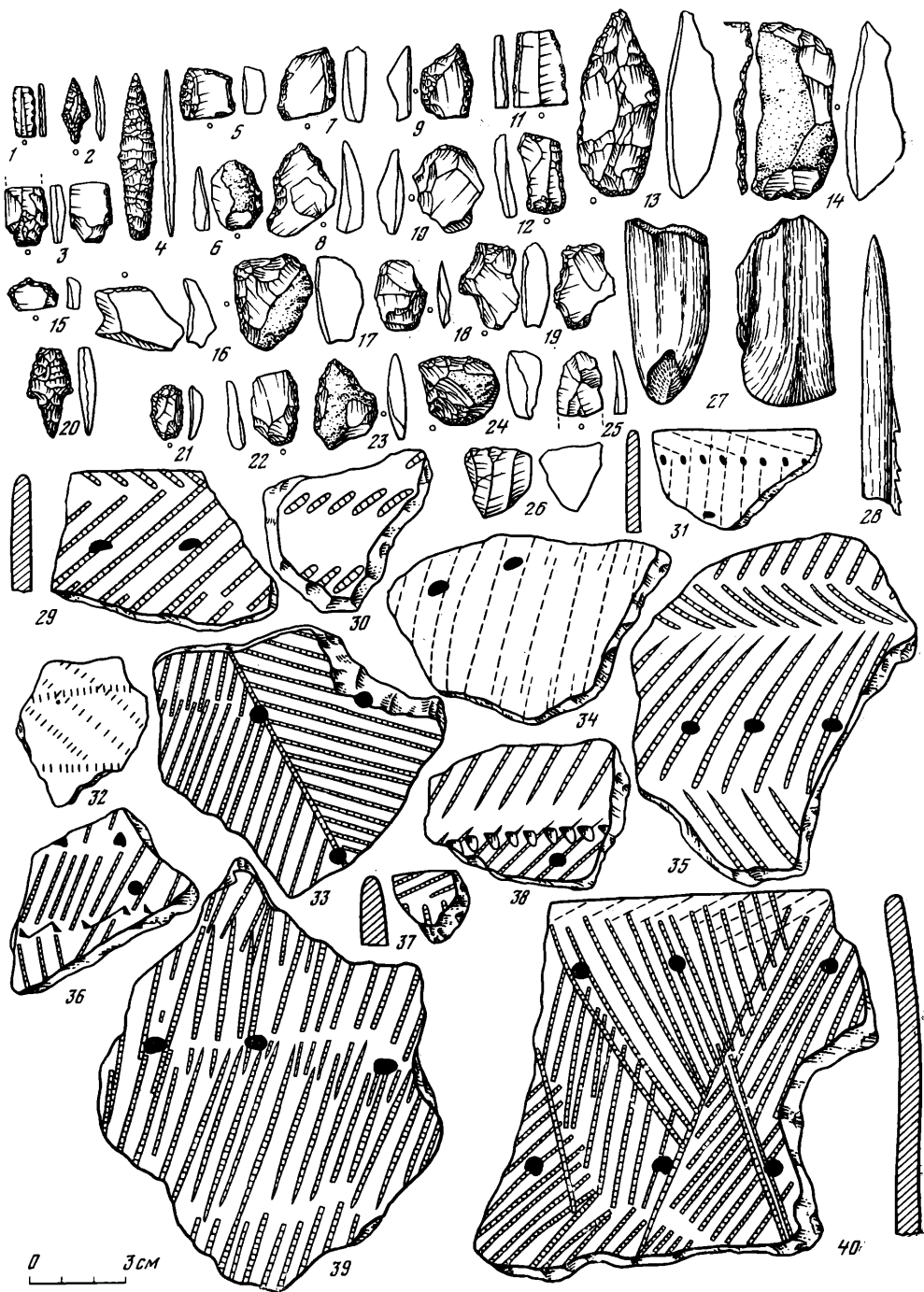

Рис. 3. Кремневые, костяные изделия и керамика из раскопа II стоянки Берендеево Па (1—40)

Кремневый инвентарь составляют 586 предметов. Среди них отметим два аморфных, близких к коническим нуклеуса, два нуклевидных куска, три пластинки без обработки и 69 изделий со следами вторичной обработки. Скребок найдено 25. Все они сделаны на отщепе. Один из них концевой с прямым рабочим краем, слегка скошенным влево (рис. 3, 16), два скребка прямоугольных (рис. 3, 5, 17), один боковой (рис. 3, 6), четыре — со сходящимися рабочими краями (рис. 3, 8, 13), причем один обработан ретушью на брюшке (рис. 3, 8). Остальные скребки аморфные,

обработаны крутой краевой ретушью со спинки (рис. 3, 7, 15), реже — с брюшка, или чередующейся ретушью (рис. 3, 19). На одном из отщепов сделан микроскребок (рис. 3, 10). Резцов нет, но на углу одного отщепа имеются следы сработанности, характерные для резцов по кости.

Наряду с пластинками обнаружены два низких вкладыша из сечений пластинок, углы их затуплены, края сработаны (рис. 3, 1). Третий вкладыш — высокий, сделан из сечения отщепа с ударными бугорками, углы его подправлены пологой ретушью, края сработаны (рис. 3, 18).

Особо отметим находку двух наконечников стрел. Один — треугольно-черешковый на отщепе, обработан с двух сторон по периметру пологой ретушью (рис. 3, 2). Другой — на пластинке, кончик его пера обломан, черешок обработан пологой ретушью с двух сторон, а боковые края — мелкой полукрутой противоположающей ретушью (рис. 3, 3). Найдены две заготовки наконечников стрел из отщепов, частично обработанные пологой ретушью с двух сторон. Четыре обломка крупных двусторонне обработанных орудий, возможно, остались от заготовок копий, дротиков или рубящих орудий. Встречено шесть ножей, включая и их обломки. Пять из этих ножей сделаны на пластинах, у двух — края приострены полукрутой ретушью на спинке (рис. 3, 12), у трех — обработаны частичной ретушью (рис. 3, 11). Частичной ретушью оформлен и край обломка ножа на отщепе.

Найдены два скобеля на отщепах с мелкими широкими выемками: один обработан полукрутой ретушью с брюшка, а другой — без обработки, но с четкими следами работы. Имеются и два комбинированных орудия: скобель-сверло на гальке (рис. 3, 14) и скребок-сверло на отщепе (рис. 3, 9). Кроме того, встречены обломок сверла с полукрутой ретушью на спинке и прокола на отщепе с приостренным мельчайшей ретушью кончиком. Среди неопределенных орудий — 13 отщепов с частичной ретушью.

Из каменных орудий назовем отбойник из кварцитовой гальки, два обломка шлифовальных плиток, две оббитые кварцитовые плитки и кусок сланца со следами пикетажа.

Остальную часть кремневого инвентаря составляют разных размеров отщепы, сколы и чешуйки. Основная масса их найдена в квадратах 7а и 12а в юго-западной части раскопа. Здесь прослежены скопления кремней, нуклевидных обломков, заготовок и обломков орудий, свидетельствующих о наличии мастерской.

Костяной инвентарь немногочислен. Он представлен биконическим и игловидным наконечниками стрел (рис. 2, 2, 3), стерженьком-застежкой (рис. 2, 1) и костями со следами обработки. Найдено 15 обломков разных деревянных поделок и кусков дерева со следами обработки.

Кухонные остатки представлены 437 обломками костей животных, птиц и рыб. Большая часть их неопределима, среди остальных выделены кости лося, бобра и какого-то хищника. Многочисленность костей рыб (щука, карась и др.) заставляет предполагать, что обитатели стоянки преимущественно занимались рыболовством.

Для выяснения границ стоянки в 30 м от раскопа I был заложен раскоп II (рис. 1). Общая площадь его 40 кв. м. Торф был снят здесь на глубину не менее 2,5 м. Он пройден до глубины 80 см, до слоя сапропеля и ила.

Стратиграфия раскопа II аналогична стратиграфии раскопа I, но здесь мощность оставшегося слоя торфа меньше: 1) дерн — мощность 0,05 м; 2) темно-бурый торф — от 0,08 до 0,38 м; 3) прослойка сапропеля — 0,12—0,20 м; 4) черный разложившийся торф с ветками, шишками и щепой, с включениями линз сапропеля — 0,21—0,40 м; 5) серый сапропель с железистыми подтеками 0,40—0,80 м, ниже — озерное дно.

Первые находки встретились на глубине 0,18 м, основная их часть отмечалась на глубине 0,20—0,40 м. Насыщенность слоя находками слабая, на площади раскопа они распределялись довольно равномерно. Интересно отметить, что, как и в раскопе I, находки связаны со слоем

черного разложившегося торфа; в тех случаях, когда этот слой выходил в виде пятен на фоне сапропеля, находки залегали именно в этих пятнах.

Материал из раскопа II однороден, представлен обломками верхневолжской керамики, кремневыми, костяными и деревянными изделиями и костями животных. Керамика аналогична посуде из раскопа I, всего найдено 123 фрагмента. Из них 60 — только с гребенчатым орнаментом (рис. 3, 30, 37), шесть — с гребенчато-тычковым (рис. 3, 31), 30 — с ямками, нанесенными поверх оттисков гребенки (рис. 3, 29, 33—35, 39, 40), на трех фрагментах сочетаются гребенчатые, тычковые и ямчатые оттиски (рис. 3, 36, 38), один фрагмент — с накольчатым орнаментом (рис. 3, 32), пять — без орнамента, на остальных орнамент неясен. Костяные изделия представлены обломками гарпуна (рис. 3, 28), топорика (рис. 3, 27) и костями со следами обработки. Обнаружены деревянное изделие, обструганное с обоих концов, и обломок деревянной поделки. Кремневых изделий 21. Среди них назовем конический нуклеус (рис. 3, 26), пластину со следами обработки (рис. 3, 25), четыре скребка: концевой (рис. 3, 24), боковой, со сходящимися краями (рис. 3, 23) и аморфный. Кроме того, найдены скол со шлифованного орудия, использованный в качестве скребка (рис. 3, 22), отбойник из кварцевой гальки и отщепы кремня без следов обработки. В квадратах 1—4, 6 и 7 на глубине 20—30 см прослеживались скопления углей, но явных кострищ не замечено. Исследование раскопа II закончено на глубине 80 см. Количество находок меньше. Очевидно, это окраина стоянки.

Рядом с раскопом была сделана зачистка картовой канавы. В ней в слое черного торфа (слой 4 в раскопе II) обнаружено два фрагмента гребенчатой керамики, внешняя поверхность которых густо окрашена красной краской. Возможно, это обломки какого-то ритуального сосуда. Точно такая же керамика встречена Д. А. Крайновым на стоянках Ивановское III и Кухмарь I.

В целом для инвентаря стоянки Берендеево IIa характерны следующие черты: примесь дресвы и шамота в тесте керамики; преобладание гребенчатого орнамента при наличии накольчатого, тычкового и комбинированного и отсутствии прочерченного; преобладание скребков среди кремневых орудий, а среди скребков — аморфных изделий; малочисленность резцов.

Двусторонне обработанные наконечники стрел и их заготовки, низкие вкладыши из пластинок, высокий вкладыш из отщепа, аморфные нуклеусы, малое количество пластинок и орудий на пластинках, резкое преобладание орудий на отщепах и вообще бедность кремневого инвентаря, вероятно, свидетельствуют о поздней фации верхневолжской культуры. Очевидно, следует считать, что гребенчатая керамика с геометрическими узорами относится к заключительному этапу верхневолжской культуры, а верхневолжская керамика с тычковым и прочерченным орнаментом — к более ранним этапам ее развития. Примесь дресвы, преобладающая в верхневолжской керамике стоянки Берендеево IIa, также свидетельствует о более позднем этапе верхневолжской культуры.

Находки на стоянке нескольких обломков ямочно-гребенчатой керамики, по-видимому, связаны с верхним слоем, разрушенным торфоразработками. В 1964 г. Д. А. Крайнов нашел здесь значительное количество ямочно-гребенчатой керамики в слое рыжеватого торфа. На основании находок нескольких таких черепков в нижнем верхневолжском слое вряд ли можно делать вывод о генетической связи населения, оставившего верхневолжскую и ямочно-гребенчатую керамику⁶. Этот вопрос ставился Д. А. Крайновым⁷, но пока его решение оставлено открытым. В данном случае ямочно-гребенчатая керамика попала в верхневолжский слой из верхнего слоя.

Заложенные нами раскопы, возможно, не затронули центр стоянки, но все же это и не периферия ее, судя по количеству находок. Очевидно, это была небольшая временная рыболовецкая стоянка.

В 1979 г. Верхневолжской экспедицией были частично обследованы и другие стоянки Берендеевского торфяника (Берендеево I и III). Исследования их и случайные находки с других стоянок позволяют судить о густой заселенности суходолов Берендеевского торфяника с мезолита и особенно в неолите.

¹ Большинство стоянок было открыто школьником А. М. Бакаевым, который и сейчас продолжает собирать коллекции на разрушенных стоянках.

² *Никитин А. Л., Хотинский Н. А.* Свайное поселение на болоте Берендеево Ярославской обл.— В кн.: Значение палинологического анализа для стратиграфии и палеогеографии. М., 1966; *Хотинский Н. А.* Неолитическая стоянка на Берендеевском болоте.— Торфяная промышленность, 1967, 1; *Он же.* Голоден Северной Евразии. М., 1977, с. 53—68.

³ Отчет Верхневолжской экспедиции за 1964 г. Архив ИА, № 2918.

⁴ Волчья Гора — высокий полуостров в болоте. Здесь обнаружены каменные топоры фатьяновской культуры и славянское селище. По преданию, у подножия горы когда-то стояла «каменная баба». Легенды о ней записаны преподавателем берендеевской средней школы А. П. Фиошиной.

⁵ Этот слой с находками ямочно-гребенчатой керамики был зафиксирован в 1964 г. Д. А. Крайновым при разведочных работах на Берендеевском торфянике.

⁶ *Крайнов Д. А., Хотинский Н. А.* Верхневолжская раннеолитическая культура.— СА, 1977, 3, с. 42—62.

⁷ Там же.

В. П. ТРЕТЬЯКОВ

РАННЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ СТОЯНКИ В МЕЖДУРЕЧЬЕ СУРЫ И МОКШИ

В 1978—1979 гг. Сурский неолитический отряд провел исследование нескольких неолитических стоянок в бассейнах Суры и Мокши. Данная статья посвящена двум поселениям, исследование которых закончено.

Одно из них располагается на правом берегу Мокши в Наровчатском р-не Пензенской обл. близ д. Потошеево¹. Мокша в этом районе, достигая в ширину 8—9 м, течет по обширной пойме со множеством стариц, окаймленной коренными берегами до 6—7 м высотой, частью застроенными или же покрытыми лесом и кустарником. Поселение расположено на дюне вытянутой грушеобразной формы длиной 350—400 м при наибольшей ширине 100 м. Дюна разрушена многочисленными карьерами. Сохранилось лишь несколько небольших останцов. На одном из них, площадью 60—70 кв. м, примыкающем к дороге, в осыпи песка была собрана коллекция неолитической керамики с накольчатыми узорами и без орнамента. В этом месте была сделана зачистка шириной от 1,20 до 1,65 м и длиной 3 м.

Культурный слой с керамикой (рис. 1), аналогичной той, что была добыта при сборах, а также с кремневыми поделками и отходами их производства залегал в гумусированном песке мощностью 0,3—0,4 м. Он был перекрыт почвенным горизонтом (мощность 0,1 м), сверху которого лежал слой наноса (выброс из карьера), мощность которого колебалась от 0,1 до 1 м. Культурный слой подстилался песком.

Во время разведочных работ 1978 г. на памятнике найдено 100 фрагментов керамики. Среди орудий труда — два кремневых скребка, один из которых концевой (рис. 2, 13), другой — аморфной формы, а также кремневые отщепы без обработки.

О размерах поселения судить трудно. Останец с культурным слоем имеет площадь 60—70 кв. м. Он расположен на самом краю дюны. С трех сторон этот останец окружен карьерными разработками шириной 10—12 м. На противоположных краях разработок следов культурного слоя нет. Приблизительные размеры останца и площади разработок в этой

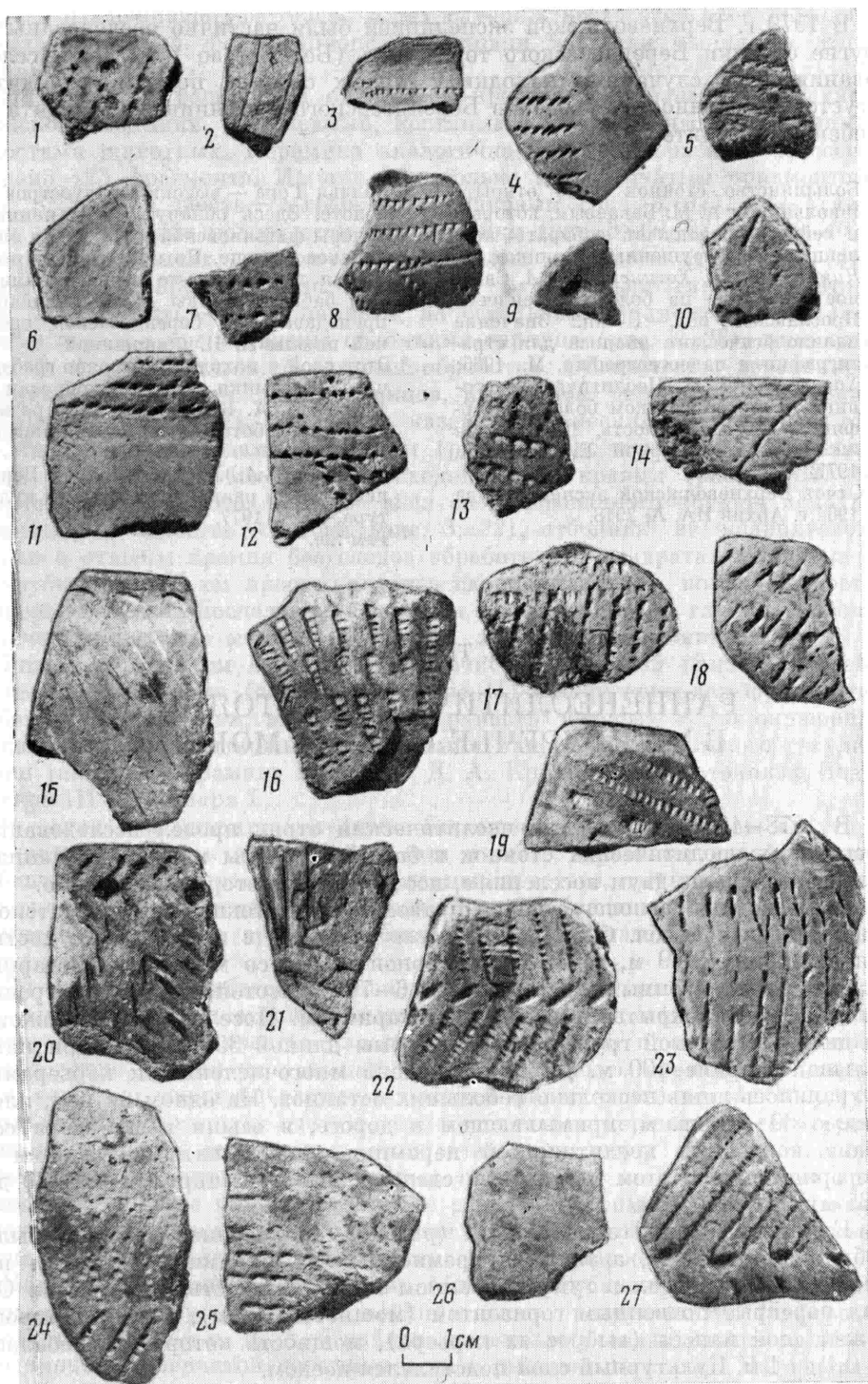

Рис. 1. Керамика со стоянок Потодеево (1—14) и Подлесное III (15—27)

части дюны составляют 400—450 кв. м. Площадь же найденной стоянки должна быть меньше, так как культурный слой выклинивался где-то в пределах карьера.

В 1979 г. была сделана зачистка длиной 8 м, шириной в среднем 0,6 м в противоположной части останца. К ней примыкал раскоп площадью 48 кв. м. Таким образом, общая раскопанная за два года часть

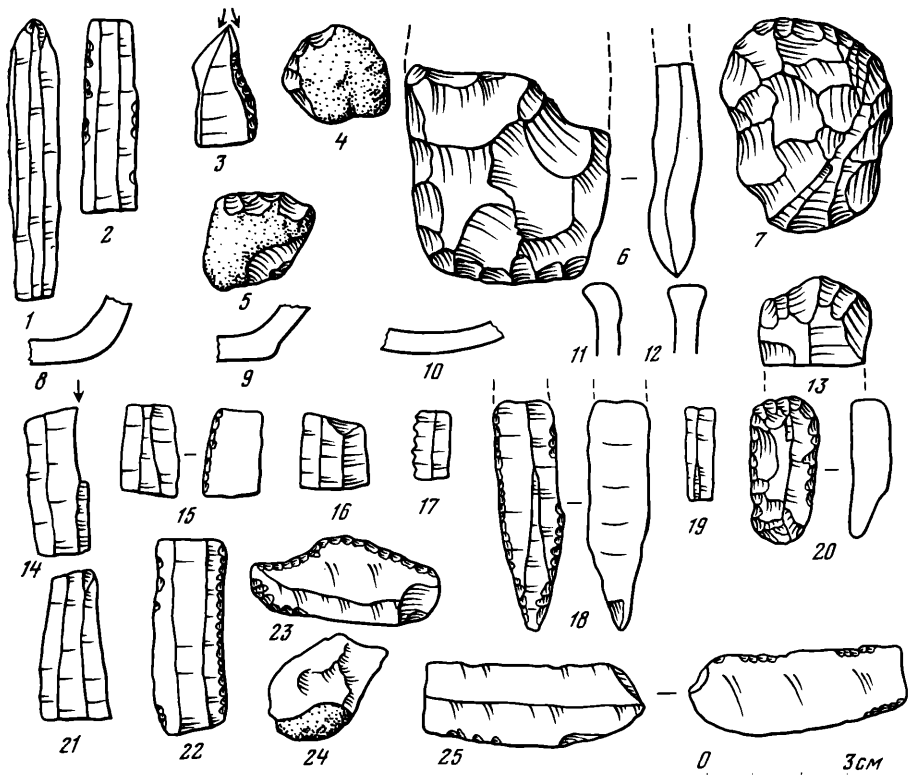

Рис. 2. Орудия труда и профили сосудов со стоянок Потодеево (1—13) и Подлесное III (14—25)

памятника составила 57 кв. м. Стратиграфия следующая: слой дерна — 0—0,15 м, слабогумусированный песок (культурный слой) — 0,15—0,45 м, ниже — светлый материковый песок. Остатки каких-либо сооружений, хозяйственных ям не обнаружены. Культурный слой был разобран двумя горизонтами с последующими зачистками. Находки везде однотипные, поэтому мы даем их суммарное описание.

На поселении Потодеево найдено 207 фрагментов керамики с примесью в тесте песка, реже — раковины. Толщина стенок 0,5 см. Из семи найденных венчиков шесть отогнуты наружу (рис. 2, 11), один — прямой с утолщением в верхней части (рис. 2, 12). Кроме того, найдены фрагмент округлого днища (рис. 2, 10), два плоских днища (рис. 2, 9) и одно уплощенное (рис. 2, 8).

Большинство фрагментов керамики (150) не орнаментировано, 37 — украшены накольчатым орнаментом, восемь — нарезками, четыре — оттисками гребенки, четыре — каплевидными вдавлениями, два — ямочными вдавлениями неправильной формы, два венчика — горизонтальными рядами мелких четких ямок.

За два года работ на этом памятнике собрано 307 фрагментов керамики. Из них без орнамента 205 (66,7%), с накольчатым орнаментом — 72 (23,7%), с нарезками — 18 (6%), с оттисками гребенки — четыре (1,2%), с каплевидными вдавлениями — четыре (1,2%), с ямочными вдавлениями — два (0,6%), с рядами четких ямок под венчиком — два (0,6%) (рис. 1, 1—14).

Коллекция находок со стоянки Потодеево представляет значительный интерес. Примечательна малочисленность в керамическом комплексе фрагментов, украшенных оттисками гребенчатого штампа — их всего четыре. На подавляющем большинстве неолитических памятников лесостепной полосы европейской части СССР, как бы малы они ни были, накольчатая керамика сочетается с гребенчатой². Лишь в Поднепровье

известен Ясыгорский могильник, при исследовании которого была найдена только накольчато-прочерченная керамика³. Кроме того, в лесостепной зоне посуда, близкая керамике Потодеевской стоянки, т. е. с накольчато-прочерченной орнаментацией, найдена на стоянке Савицкое на верхнем Дону⁴. Поселение Потодеево — третий памятник лесостепи с подобными узорами на посуде. Севернее, на границе леса и лесостепи, в Среднем Поволжье, раскопаны еще две небольшие стоянки, характеризующиеся лишь накольчато-прочерченным орнаментом на керамике, — Тетюшская IV и Агабазарская IV⁵.

В 1979 г. на стоянке Потодеево найдены 11 отщепов кремня, шесть ножевидных пластин, причем одна из них имеет частичную ретушь по обоим краям (рис. 2, 1, 2), обломок двусторонне обработанного долота (рис. 2, 6), два небольших скребка, один из которых был миниатюрным и имел округлые очертания (рис. 2, 4, 5), комбинированное орудие — резец-скребок (рис. 2, 3), обломок трубчатой кости, два куса кремня без обработки и массивный скребок овальной формы (рис. 2, 7).

Вместе с находками 1978 г. коллекция кремня с этой стоянки включает 11 отщепов, восемь ножевидных пластин, обломок долота, резец-скребок, два куса кремня, обломок кости и пять скребков.

Сравнительно большое число ножевидных пластин (учитывая, что общее количество кремней в коллекции невелико — 29 экз.), находки резца, миниатюрного округлого и концевого скребков свидетельствуют о раннеолитическом возрасте стоянки Потодеево. Подобные типы изделий обычны для упоминавшихся выше раннеолитических древностей Среднего Поволжья и приустьевой части Камы, а также для памятников этого периода на верхней Волге⁶.

Доводом в пользу раннеолитического возраста поселения у д. Потодеево может служить и то обстоятельство, что при его раскопках найдено сравнительно мало фрагментов посуды (307 экз. при раскопанной площади 57 кв. м и мощности культурного слоя 30 см). Интересно, что на всех раннеолитических памятниках Верхнего и Среднего Поволжья, Верхнего Поднепровья и левобережной Украины количество фрагментов посуды не превышает пяти-шести на 1 кв. м. Таковы Агабазарская IV и Тетюшская IV стоянки, поселения Языково⁷, Давыдково⁸, Черная Грязь I⁹, Сущево¹⁰ в Волго-Окском междуречье, стоянки Залесье и Шептовичи в юго-восточной Белоруссии¹¹, Козловка, Бондариха и другие на Украине¹² и т. д. Речь идет не о выборочно взятых, а о всех раннеолитических памятниках на указанной территории.

Вторым неолитическим памятником, исследованным в междуречье Суры и Мокши в 1979 г., является стоянка Подлесное III, расположенная на правом берегу Суры в Пензенском р-не Пензенской обл. близ пос. Коммунар (бывшая д. Подлесное).

Долина Суры (ширина Суры достигает 15—16 м) представляет собой пойму до 3—4 км в поперечнике. Левый коренной берег высокий (5—6 м), непосредственно примыкает к руслу реки. При его осмотре какие-либо археологические памятники не обнаружены. Справа от течения Суры лежит упомянутая пойма, частично заросшая кустарником, изрезанная старицами. Правый коренной берег зарос лесом. В пойме встречаются дюнные всхолмления. Одни из них развеемы, другие частично или полностью сохранились. Высота дюн достигает 6—7 м, их площадь колеблется от нескольких десятков до нескольких сот квадратных метров.

Поселение Подлесное III располагалось на дюне овальной формы, высота которой достигала 3 м над уровнем поймы. Площадь дюны 400—450 кв. м. На одном из выдувов, на площади, не превышающей 90—100 кв. м, были найдены древности неолитического времени. Вся коллекция получена путем сборов, культурный слой обнаружить не удалось.

Материалы со стоянки Подлесное III представлены обломками сосудов и кремневыми изделиями. Всего собрано 100 фрагментов неолитической керамики. Толщина стенок 0,5—0,6 см. В качестве примесей использовались песок и шамот. Найдено пять венчиков: четыре прямых,

пятый несколько изгибается внутрь. Кроме того, найден обломок уплощенного днища. В этой коллекции 27 фрагментов керамики не орнаментировано (рис. 2, 26), 49 — украшено гребенчатым штампом: из них один — зигзагообразными линиями из длинных и коротких оттисков (рис. 1, 22), 38 — наклонными или горизонтальными отпечатками (рис. 1, 15, 16, 19, 23, 27), восемь — «елочкой» (рис. 2, 24), два — сочетаниями горизонтальных и вертикальных полос (рис. 1, 17). Ряды нарезок нанесены на 15 фрагментах (рис. 1, 18, 20), «елочка» из нарезок — на трех (рис. 1, 21). На двух черепках отмечены ряды наколов (рис. 1, 25), на четырех венчиках — горизонтальные ряды миниатюрных ямок (рис. 1, 20).

Вместе с этой керамикой собрана коллекция кремней, среди которых 17 отщепов без обработки (рис. 1, 24), семь ножевидных пластин размерами от 3 до 5 см (рис. 1, 21, 22), три ножевидные пластины размерами 2 см (рис. 1, 19), угловой резец (рис. 1, 14), четыре вкладыша, один из них имеет ретушь (рис. 1, 15, 16), миниатюрная пила из кремневой пластинки (рис. 1, 17), обломок наконечника стрелы из пластины с односторонней обработкой (рис. 1, 18) и два скребка — один из них имеет овальные очертания и высокий профиль (рис. 1, 20), другой случайной формы (рис. 1, 23). Кроме того, здесь найден обломок крупной, частично отретушированной пластины (рис. 1, 25).

По-видимому, керамика и орудия труда составляют единый комплекс. В пользу этого свидетельствует их совместное залегание на весьма незначительной площади. Кроме того, исследования Верхневолжской экспедиции под руководством Д. А. Крайнова дают возможность утверждать, что подобные комплексы кремневых изделий (ножевидные пластины, их сечения, резцы, наконечники стрел из ножевидных пластин и т. п.) могут считаться одновременными раннеолитической керамике¹³.

Керамика стоянки Подлесное III наиболее близка неолитической керамике Нижнего Прикамья и Среднего Поволжья, где А. Х. Халиков¹⁴ и Р. С. Габышев¹⁵ выявили ряд поселений раннего неолита (стоянка Кабы-Копрынская и др.) с фрагментами сосудов аналогичной технологии изготовления, формы и орнаментации (примесь песка и шамота в тесте, прямые и загнутые внутрь сосудов венчики, плоские днища, гребенчатые и нарезные мотивы — всевозможные зигзаги, «елочка», ряды оттисков, пояски, ряды миниатюрных оттисков над венчиком и т. п.). Керамике этих стоянок соответствуют наборы орудий труда, включающие изделия, аналогичные коллекции Подлесного III.

Отличие Подлесного III от средневолжских стоянок с гребенчатой керамикой составляют особенности в орнаментации сосудов. Во-первых, в Подлесном III не найдены фрагменты с геометрическими узорами, присущими средневолжской посуде; во-вторых, в Подлесном III встречены серии фрагментов, украшенных нарезками, и неорнаментированные обломки сосудов, чего нет на поселениях типа Кабы-Копрынской стоянки (здесь из 132 фрагментов 130 украшено оттисками гребенчатого штампа и два — наколами). В данном случае следует, по-видимому, говорить о вариантах стоянок с гребенчатой керамикой.

С другой стороны, керамика Подлесного III напоминает посуду со стоянок типа Козловки и Бондарихи в лесостепной зоне европейской части СССР. Д. Я. Телегин относит их к первому этапу днепро-донецкой культуры¹⁶. Упомянутые комплексы роднят технология изготовления сосудов (примесь песка, шамота), их форма (венчики, днища). Общими являются основные элементы орнамента (гребенка, нарезки) и узоры («елочка», ряды оттисков гребенки или нарезок, ряды глубоких ямок под венчиком и т. п.). Сближает эти керамические серии и большой процент неорнаментированных фрагментов.

Представляется, что поселение Подлесное III, так же как и стоянка у д. Подтоеево, имеет раннеолитический возраст. В пользу этого свидетельствуют не только аналогии найденным здесь обломкам керамики лишь на раннеолитических памятниках Среднего Поволжья и лесостепной полосы европейской части СССР, но и состав орудий труда Под-

лесного III, изготовленных в основном из ножевидных пластин (вкладыши, пила, резец, наконечник стрелы). Именно такие, как отмечалось выше, орудия труда характерны для раннеолитических памятников Поволжья и лесостепной зоны.

В пользу контактов, а следовательно, и относительной одновременности памятников типа Потодево (т. е. стоянок с накольчато-прочерченной керамикой) и Подлесного III (с керамикой, украшенной гребенчато-прочерченными узорами), свидетельствует и то обстоятельство, что в керамических комплексах памятников типа Потодево, как правило, встречаются отдельные фрагменты с гребенчатыми композициями, а среди фрагментов с гребенчатыми мотивами со стоянок типа Подлесного III встречены отдельные черепки с наколами. Так, на Кабы-Копрынской стоянке в основном с гребенчатой керамикой 1,5% всех фрагментов украшены наколами, на Агабазарской IV стоянке с накольчатой керамикой 4% украшены штампом, на стоянке Подлесное III наколами украшены 2% фрагментов. Такую же картину мы можем наблюдать, знакомясь с коллекциями стоянок на оз. Имерском на территории современной Мордовской АССР и т. д.¹⁷

В качестве предположения можно высказать мысль о возможности существования в эпоху раннего неолита в лесостепи и на средней Волге двух одновременных групп памятников — с гребенчато-прочерченной и накольчато-прочерченной керамикой. Не исключено, что итогом контактов населявших их общин было появление памятников, обитатели которых изготавливали посуду с гребенчато-накольчато-прочерченной орнаментацией. Они известны в настоящее время на левобережье Украины, на среднем и верхнем Дону и средней Волге (памятники типа Никольского могильника, Бузьков, Рыбного Озера I и II, Университетской III и Щербетьской II стоянок).

¹ Третьяков В. П. Исследования в верховьях Мокши и Суры. — АО 1978 г. М., 1979, с. 97, 98; *Он же.* О древностях каменного века на Суре и Мокше. — АО 1979 г. М., 1980.

² Телегин Д. Я. Дніпро-донецька культура. Київ, 1968, с. 61; *Синюк А. Т.* Памятники неолита и энеолита на среднем Дону. Автореф. канд. дис. М., 1971; *Левенок В. П.* Неолит верхнего Дона и его место среди неолитических культур лесостепной зоны европейской части СССР. Автореф. канд. дис. Л., 1969.

³ Бодянский А. В. Лысогорский неолитический могильник. — КСИА АН УССР, 1961, 11.

⁴ Левенок В. П. Неолит верхнего Дона...

⁵ Габяшев Р. С. Памятники неолита с накольчато-прочерченной керамикой приустьевой части Камы. — В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976, с. 35—46; *Он же.* Неолит Нижнего Прикамья. Автореф. канд. дис. Казань, 1979.

⁶ Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М. Древнейшая раннеолитическая культура Верхнего Поволжья. — Вестник АН СССР, 1973, 5, с. 80—84; Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская раннеолитическая культура. — СА, 1977, 3, с. 42—68.

⁷ Урбан Ю. Н. К вопросу о раннеолитических комплексах в Калининском Поволжье. — В кн.: Восточная Европа в эпоху камня и бронзы. М., 1976, с. 64—70.

⁸ Сидоров В. В. Давыдовская стоянка на р. Яхроме. — СА, 1973, 2, с. 146—157.

⁹ Крайнов Д. А. Новая мезолитическая стоянка Черная Грязь I. — КСИА, 1972, 131, с. 91—98.

¹⁰ Раушенбах В. М. Древнейшая стоянка льяловской культуры. — СА, 1964, 2, с. 188—191.

¹¹ Тюрина И. М. Неолитические памятники Посожья. — КСИА, 1967, 111, с. 108—115.

¹² Телегин Д. Я. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха. — Археологія. 1954, 9, с. 158—167.

¹³ Крайнов Д. А., Хотинский Н. А., Урбан Ю. Н., Молодцова Е. М. Древнейшая раннеолитическая культура..., с. 80—84; Крайнов Д. А., Хотинский Н. А. Верхневолжская раннеолитическая культура, с. 42—68.

¹⁴ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 49 и сл.; Третьяков В. П. Раннеолитические памятники Среднего Поволжья. — КСИА, 1972, 131, с. 46—52.

¹⁵ Габяшев Р. С. Каменный инвентарь неолитических памятников Нижнего Прикамья. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976, с. 15, 16; *Он же.* Неолит Нижнего Прикамья.

¹⁶ Телегин Д. Я. Неолітична стоянка в урочищі Бондариха, с. 158—167; *Он же.* Неолітичні поселення лісостепового лівобережжя і Полісся України. — Археологія, 1957, 11, с. 70—73; *Он же.* Дніпро-донецька культура, с. 36—55.

¹⁷ Шитов В. Н. Эпоха камня и раннего металла в Примокшанье. — В кн.: Материалы по археологии Мордовии. Саранск, 1976, с. 31, 32.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ САХТЫШ II

Стоянка Сахтыш II входит в комплекс многослойных поселений, исследованных Верхневолжской экспедицией Института археологии АН СССР на берегах древнего озера Сахтыш (Тейковский р-н Ивановской обл.¹ Находится она в 2 км к юго-востоку от с. Сахтыш².

Стоянка расположена на несколько возвышенной луговине, на правом берегу речки Койка, окаймлявшей ее с севера и востока. На стоянке вскрыта площадь свыше 400 кв. м (общая ее площадь около 3500 кв. м). Выделено три основных слоя (слой с ямочно-гребенчатой керамикой, волосовский и слой с находками эпохи бронзы и раннего железного века). Найдены многочисленные вещественные остатки, жилища и 11 погребений волосовской культуры.

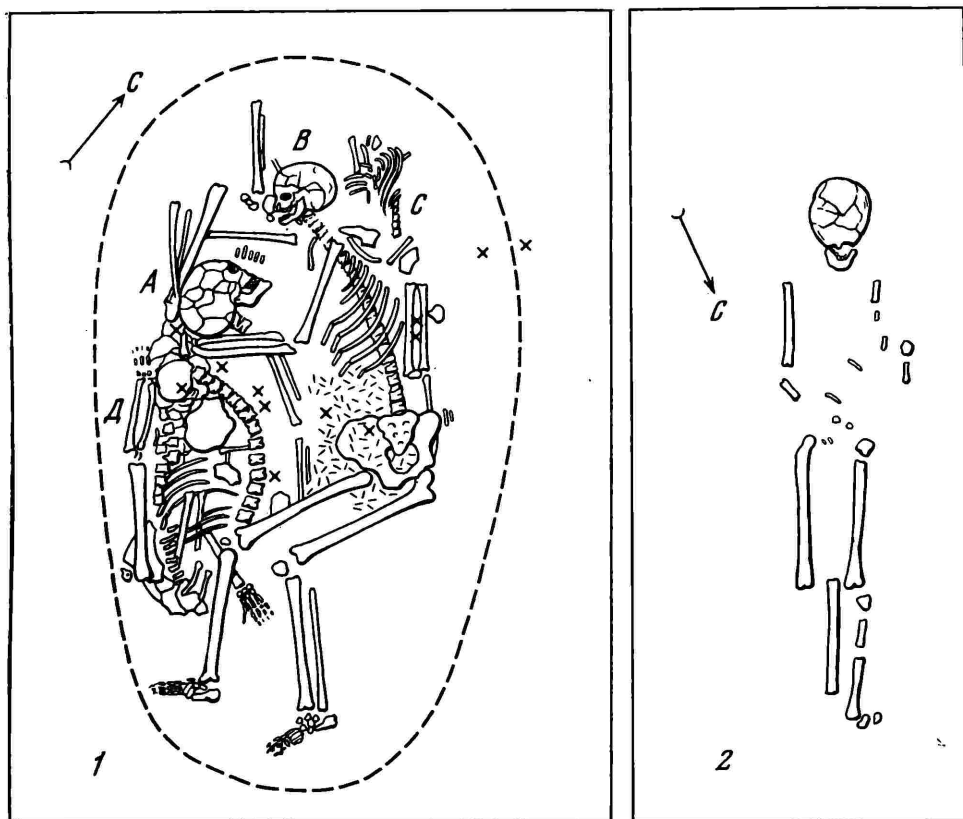
Исследование стоянки было возобновлено в 1978—1979 гг. в связи с открытием на стоянках Сахтыш I и VIII слоев верхневолжской культуры. Была вскрыта площадь около 200 кв. м, прилегающая к раскопам прежних лет. В культурном слое мощностью от 50 до 110 см наряду с известными ранее культурными остатками обнаружены в сероватом и желтоватом суглинке материалы верхневолжской культуры. Открыты прямоугольные жилища льяловской и волосовской культур, найдено большое количество разновременных вещественных остатков, описание которых не входит в задачу данной статьи.

Обнаружены погребения и ритуальный комплекс. Новые погребения — 12 и 13 — открыты в 1978 г. рядом с волосовским жилищем. Наиболее интересно коллективное погребение 12, располагавшееся в культурном слое на глубине от 40 до 60 см. Могильное пятно была замечено только на глубине 40 см. Оно было темно-красного оттенка от красной краски и углей в заполнении. Форма пятна овальная, размеры 170—180 × 100—120 см. Ориентировано оно с юго-востока на северо-запад. Над могилой (выше глубины 40 см) наблюдались три крупных скопления углей, связанных, вероятно, с обрядом погребения.

На дне могильной ямы обнаружены останки четырех умерших (рис. 1, костяки А, В, С, D). Костяк А лежал в беспорядке у западного края могилы. Череп, лицом на север, теменем на запад, обнаружен в северо-западном конце могилы. Основная часть скелета была положена в обратном направлении — к югу — юго-востоку. Очевидно, голова (или череп) была «отрублена» и перенесена на другое место. За черепом помещались кости одной ноги. Левая рука лежала вдоль западного края могильной ямы в анатомическом порядке вместе с лопаткой, правая — под ногами костяка В. Позвоночник и тазовые кости сохраняли анатомический порядок. Покойник был при погребении расчленен, а может быть, зарублен ранее.

У позвоночника и под ним обнаружено восемь янтарных подвесок каплевидной и цилиндрической формы; под костяком — скопление 213 пронизок из птичьих трубчатых костей.

Костяк В, женский, сохранился лучше. Он лежал в восточном краю могильной ямы в слегка скорченном положении на правом боку, черепом на северо-запад и лицом на запад. Череп несколько запрокинут назад. Правая рука вытянута вдоль позвоночника и завалилась за спину, левая — полусогнута, кисть ее лежит под черепом костяка А, плотно прижатая к нему. Под ступнями ног много углей. За спиной погребенного и на руке найдено по две янтарные подвески, а в разных местах костяка — обломки янтарных подвесок и пуговиц. Янтарь желтого цвета, плохой сохранности. Около руки встречена подвеска из зуба животного, в области таза и за ним лежали в кучке 215 пронизок из круглых птичьих костей и зубов животных, а между бедренными костями — небольшое костяное шильце.

0 50 см

× а ☼ б

Рис. 1. Погребения на стоянке Сахтыш II

1 — погребение 12; 2 — погребение 13; А, В, С, D — костяки в погребении 12; а — янтарные украшения; б — костяные пронизки

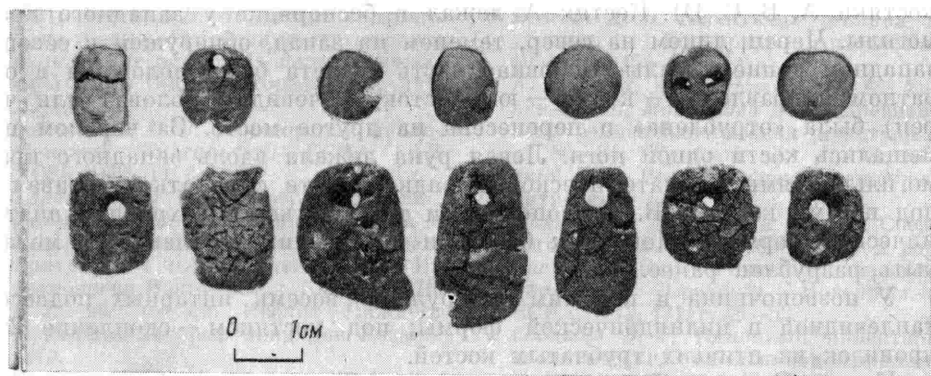

Рис. 2. Янтарные украшения из погребения 12 стоянки Сахтыш II

Костяк С — детский, располагался за черепом костяка В, в направлении юго-восток — северо-запад. От него сохранились ребра, части позвоночника и ног. О положении погребенного ребенка судить трудно. Под костяком найдено восемь овальных и прямоугольных янтарных подвесок.

Костяк D обнаружен под костяком А, а отдельные кости — около него. Костяк лежал в направлении юго-восток — северо-запад, но определить его ориентировку и точное положение не удалось, так как от погребенного подростка сохранились только сильно искривленный позвоночник и

отдельные кости. Черепа не было. В 1979 г. при раскопках соседнего участка был найден череп, возможно, из погребения 12. Под костями обнаружено несколько обломков янтарных подвесок и костяных пронизок.

Таким образом, в могиле 12 обнаружено коллективное погребение. Все четверо погребенных лежали на слое красной краски (особенно много ее было в области ног). В юго-восточной части могилы было много углей, особенно около костяка В.

По определению антропологов Р. Я. Денисовой и Г. В. Лебединской, костяк А принадлежал мужчине лет 23—25, череп которого определен как мезокранный, близкий к брахикефальному. Этот череп близок черепу мужчины из погребения 1 Тимофеевского могильника фатьяновской культуры. Костяк В принадлежал женщине 20—23 лет. Череп ее, по предварительному определению, приближается к долихокранному фатьяновскому типу. Скорченное положение и большое количество пронизок и подвесок из птичьих костей и зубов животных заставляют задуматься об этнической принадлежности погребенной. Определить пол и возраст подростка (С, D) не представляется возможным.

Часть перечисленных находок трудно отнести к тому или иному костяку. Всего найдено около 440 пронизок и подделок из зубов животных, одно щильце и около 25 янтарных подвесок. Форма янтарных подвесок четырехугольная, прямоугольная, овальная, округлая, миндалевидная, треугольная и пр. (рис. 2), большая часть из них плоская. Все они имеют одно округлое отверстие (только у двух пуговиц — два). Цвет янтаря желтовато-розовый. По цвету янтаря и по форме подвески отличаются от янтарных украшений, найденных в волосовском могильнике стоянки Сахтыш VIII³. Но погребения на стоянке Сахтыш VIII, вероятно, относятся к более позднему времени, чем на стоянке Сахтыш II.

Дно ямы погребения 12 находилось над скоплением ямочно-гребенчатой керамики, которая наблюдалась всюду по раскопу на глубине от 40 до 60 см.

Не исключено, что это коллективное погребение принадлежит одной семье и здесь похоронены муж, жена и ребенок (А, В, С). Почти с полной уверенностью можно сказать, что все они погребены одновременно. Правда, костяк А лежал на костяке D и мог быть помещен сюда позднее. Однако этому противоречит положение руки погребенной женщины, кисть которой была плотно прижата к черепу костяка А. Очевидно, погребенные какое-то время находились в пустой могиле («склепе»), над которой было перекрытие или особое сооружение («домик»), о чем свидетельствуют развал костяка В после окончательного разложения и тлен от столбов и кольев вокруг могилы. Одновременность захоронения наводит на мысль об эпидемии или убийстве.

Расчлененность костяка А и отсутствие черепов у костяков D и С могут служить доказательством убийства (нападение врагов); тем более что на той же стоянке в предыдущие годы было обнаружено коллективное погребение (4)⁴ — четыре костяка, положенных в могилу в беспорядке. Три скелета из них не имели черепов и некоторых костей конечностей. На черепе женского костяка сохранились следы удара каменным топором. Череп имеет европеоидный облик. В этом коллективном погребении также было найдено одно костяное щильце в сжатой кисти женского скелета. Около коллективного погребения обнаружено скопление костей нескольких медведей (остатки черепов и тазовые кости) и рядом с ним колотушка из рога лося. Эта находка свидетельствует о культе медведя, существовавшем у волосовских и фатьяновских племен Волго-Окского междуречья.

Однако отсутствие черепов и других костей в коллективных погребениях, а также расчлененность костяка А из погребения 12 могут иметь и другое толкование: обряд расчленения погребенных встречен и в других памятниках волосовской культуры⁵.

Красная краска под костяками в погребении 12 и другие данные свидетельствуют о волосовском времени погребения. Однако скорченность

костяка, особая форма и цвет янтарных украшений, пронизки из птичьих костей и подвески из зубов животных указывают на близость с фатьяновским обрядом погребения. К тому же, и череп костяка В антропологически близок фатьяновским. Скорченность не свойственна волосовским погребениям, но скорченные костяки встречаются в волосовских или волосоидных памятниках лесной полосы Восточной Европы⁶ и Прибалтики⁷. Очевидно, появление этого обряда связано с фатьяновскими племенами, так как на неолитических памятниках лесной полосы он неизвестен.

Принадлежность погребения 12 к волосовской культуре подтверждается открытием рядом с ним, в 2 м, типичного волосовского погребения 13. Оно обнаружено на глубине 50 см. Скелет подростка лежал в вытянутой позе на спине, черепом на юг — юго-запад и лицом на север — северо-восток. Правая рука вытянута вдоль скелета, а левая подогнута, и кисть лежит на лобке. Длина скелета около 130 см. Голени были перебиты, возможно, преднамеренно, что прослежено и в волосовских погребениях стоянки Сахтыш I⁸.

В засыпке могилы наблюдалась красная краска. Особенно много ее было около ступней ног и между ними. Около черепа с запада прослежен тлен от столба.

Датировка погребений 12 и 13 может быть установлена только косвенно: по скорченному погребению, наличию фатьяноидного (костяк В из погребения 12) и мезокранного (костяк А из того же погребения) черепов, а также по янтарным украшениям. Это первая четверть II тысячелетия до н. э. Только в это время в поздневолосовских слоях стоянок Волго-Окского междуречья появляются фатьяновские вещи. О контактах волосовцев и фатьяновцев свидетельствуют многие данные, приведенные в литературе⁹.

Значительный интерес представляет открытие ритуального комплекса ранневолосовского времени.

В раскопе I 1979 г. в квадратах 27—30¹⁰ на глубине 40—50 см было обнаружено кострищное пятно длиной около 4 м и шириной 1,60 м, ориентированное по линии юго-восток — северо-запад. Края его на глубине 50 см были окаймлены углистой прослойкой толщиной 10—15 см (рис. 3). Вверху пятно было заполнено углями, золой и прослойками прокаленного песка. В пятне и рядом с ним встречалась ранневолосовская керамика с раковинной примесью. Вокруг кострища прослеживались темные округлые пятна от столбов. Создается впечатление, что кострище было расположено в центре «жилища».

На глубине 60 см оно уменьшилось в размере и приняло овальные очертания. На глубине 135 см от современной поверхности его размеры были 250×70 см. При дальнейшем исследовании выяснилось, что под кострищем в материке шла яма до глубины 195 см. Над ней, ниже кострища, было деревянное перекрытие, что подтверждает так называемая воронка от рухнувшего в яму перекрытия. «Воронка» прослеживалась на глубине от 65 до 115 см (от современной поверхности). Она была заполнена темно-рыжеватой, очень вязкой землей с включением ожелезненного ила, углями и большим количеством (около 1500) кремневых отщепов, чешуек и орудий. Под «воронкой» шла тонкая (6 см) желтоватая прослойка песка, а ниже — черный пятнистый слой с кусочками дерева, которые встречались и под конусом «воронки». Под этим темным слоем на глубине 115 см в яме было обнаружено деревянное сооружение типа «гробовища» (рис. 4). Длина его 2 м, ширина сохранившейся части 0,5 м. Сделано оно из узких деревянных горбылеобразных дощечек шириной 3,5—4,5 см, связанных между собой вертикальными палочками изнутри. Ориентировано сооружение с юго-востока на северо-запад и расположено параллельно стенкам ямы. Края сооружения отстоят от стенок ямы на 10—15 см. Снаружи боков ямы и в концах ее прослежены остатки столбов диаметром от 15 до 20 см, связанных, очевидно, с деревянным «гробовищем». От центрального столба, расположенного у западной стороны стенки, темные полосы шли к «гробовищу», что подтверждает наше

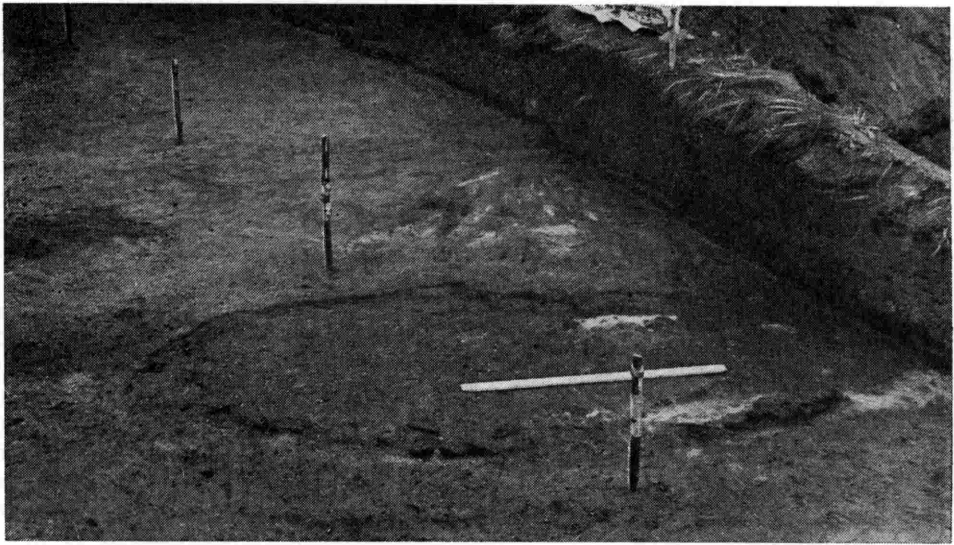

Рис. 3. Кострищное пятно над ямой на стоянке Сахтыш II

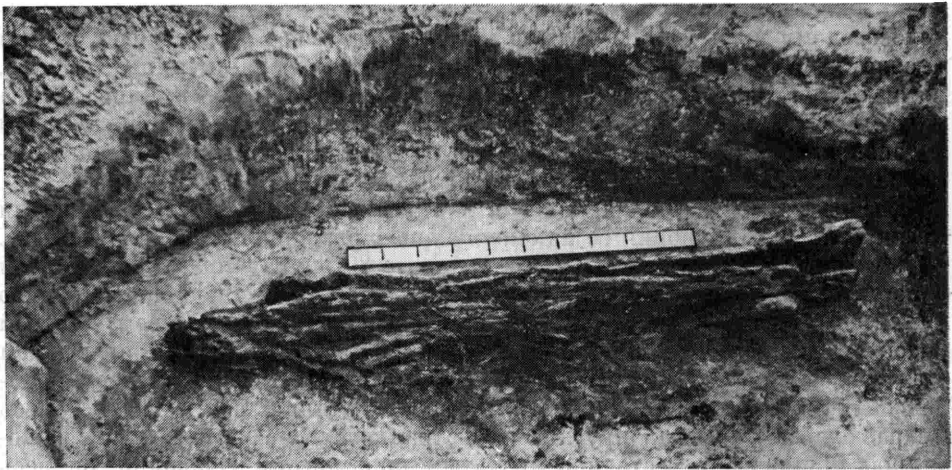

Рис. 4. Деревянное сооружение в яме под кострищем на стоянке Сахтыш II

предположение. Все столбы достигали дна ямы. У середины южной стенки ямы на глубине 172 см прослежен «столбик» из 12 прямоугольных «палочек», стоявших вертикально. Диаметр столбика 20 см, высота 22 см. Рядом с ним прослежен треугольный в разрезе колышек. Под «гробовищем» шел слой углей, а ниже, на глубине 140 см, был наплыв песка и глины мощностью около 12 см. На глубине 180 см в юго-восточном конце ямы обнаружены довольно широкие доски, лежавшие под углом друг к другу: очевидно, деревянное сооружение продолжалось до дна, но не все сохранилось. Углистое окаймление ямы, замеченное вверху, достигало дна ямы. Погребения в яме не оказалось. Среди находок — фаланга пальца человека и небольшой кусочек черепа.

В яме встречено большое количество разнообразных находок. В заполнении «воронки», как упоминалось, обнаружено около 1500 кремневых отщепов, попавших в яму сверху. Найдены обломки разнообразной керамики: верхневолжской — 19, ямочно-гребенчатой — 78, протоволосовской — 12, ранневолоосовской с раковинной примесью — 19. Эта керамика в смешанном виде встречалась с самого верха ямы и до дна. Отсутствие в яме керамики поздневолоосовской, бронзового и железного веков и на-

Рис. 5. Часть «клада» в пятне красной краски на стоянке Сахтыш II

ходки ранневолосовской (до самого дна) позволяют отнести яму к ранневолосовскому времени. Встречены разные кремневые и костяные орудия и обломки изделий. Много костей животных — бобра, куницы, лисицы, лося, оленя, кабана и медведя (больше всего костей куницы, бобра и лося). С самого верха и до дна встречались кусочки и вкрапления красной краски. Найдены, кроме того, глиняная цилиндрическая пронизка, белемнит и раковина речной беззубки.

Все перечисленные находки могли попасть в яму после разрушения перекрытия и заполнения ее из окружающих разрушаемых слоев стоянки.

У северо-западного края ямы, в квадрате 30, на глубине от 40 до 50 см обнаружено овальное пятно размерами 130 × 100 см, ориентированное по линии юго-восток — северо-запад и заполненное толстым слоем красной краски. На глубине 40 см оно было окрашено слабее, а с глубины 45 см стало более ярким. Краска шла до глубины 50 см сплошным слоем. Наибольшая ее толщина наблюдалась в северо-западной части пятна. Здесь же располагался развал круглодонного ранневолосовского сосуда с раковинной примесью в тесте и с зубчатым орнаментом. Очевидно, он весь был наполнен красной краской. Под сосудом лежали два обломка кремневых пластинок и челюсть бобра. На дне сосуда в слое красной краски обнаружена лопатка оленя, а выше — в развале сосуда — найден предмет из полой кости, обработанной в виде фаллоса, внутри которого, как в футляре, находилась плотно пригнанная часть *os penis* медведя, обработанная соответствующим образом. Этот комплексный фаллический предмет до сих пор не встречался в волосовских памятниках. Рядом с ритуальным сосудом в пятне с красной краской и углями обнаружен клад из каменных, кремневых и костяных изделий (рис. 5). Всего в кладе было больше 60 предметов. Среди них — девять кремневых орудий (листовидный дротик, нож, скребки и скребковидное орудие); семь обломков копий и наконечников стрел; обломок нуклевидного орудия; два обломка кремневых орудий; два обломка пластинок; сверло на отщепе; два скола с полированных каменных орудий; каменный топор; каменная гладилка; 35 кремневых отщепов; игловидный наконечник; костяные застежки; подвеска и обломок долота. Подобные ритуальные клады известны в волосовских памятниках¹¹.

Рядом с кладом, в том же пятне, обнаружены часть скелета бобра (позвонки, ребра) в анатомическом порядке и несколько костей куницы (фаланги), а ниже, на глубине 70 см — скопление крупных костей лося. Здесь же найдены раздробленные кости животных.

У юго-западного края ямы, в квадрате 29, на глубине 30—45 см обнаружено два развала ранневолосовских сосудов, и к югу от них — пятно красной краски. В квадратах 32 и 33, за могильной ямой, располагалось «кострище» из разложившихся крупных костей животных. Весь перечисленный комплекс находок оказался в центре «жилища» прямоугольной формы, прослеженного в раскопе 1978—1979 гг. Не исключено, что это «жилище» было «святилищем» и относится к волосовскому культурному слою стоянки Сахтыш II. Это «святилище» связано, очевидно, с культом медведя, который был широко распространен у волосовских племен. Культ этого животного прослеживается на всех поселениях волосовского типа Волго-Окского междуречья. На стоянках Сахтыш I, II и VIII найдены черепа медведей около погребений¹². На тех же стоянках часты и находки клыков медведя со сверлинами или нарезками для подвешивания, служивших амулетами. На стоянках Сахтыш I, II и VIII найдены кремневые антропоморфные скульптуры¹³, отнесенные С. Н. Замятниным к изображениям человека¹⁴. Мне представляется, что часть этих скульптур скорее напоминает изображение медведя, стоящего на задних лапах. Упомянутая выше находка комплексного фаллического предмета связывает человека и медведя. Это подтверждается и находкой на стоянке Сахтыш II кремневой антропоморфной скульптуры, трактуемой мной как изображение медведя. Очевидно, медведь у волосовцев считался тотемом — предком и покровителем рода. Об этом же говорят и находки черепов медведей в волосовских жилищах и ритуальных изделий из костей медведя (наконечники стрел из медвежьего *os penis*, кинжалы, долота и т. д.).

Сочетание в «святилище» фаллического комплексного предмета и красной краски — символа крови и жизни, и находка рядом, в «жертвеннике» около «могильной» ямы, частей скелетов основных промысловых животных — оленя, лося, бобра и куницы — отражают, вероятно, сложный обряд, связанный с размножением животных, необходимых для жизни охотников. В том же «жертвеннике» оказался клад кремневых и костяных орудий охоты и обработки туш и шкур. Животных, кости которых находились в скоплении рядом с комплексом, следует, очевидно, считать жертвенными.

Загадкой остаются кострище над «могильной» ямой, сама глубокая яма и деревянное сооружение в ней. Вряд ли в яме был похоронен человек, так как в ней были найдены только небольшой кусок человеческого черепа и фаланга руки человека. Даже при разорении могилы костей осталось бы больше. Кроме того, ни в одном волосовском памятнике не прослеживались погребения в таких глубоких ямах: большая часть погребений обнаружена на глубине 20—40 см, редко — 40—60 см от современной поверхности. Очевидно, яма связана с медвежьим культом. В ней могла быть похоронена шкура медведя. Такие примеры известны в этнографии сибирских народов. На стоянке Сахтыш VIII обнаружено кремневое изображение шкуры медведя¹⁵. Кости животных, кремневые, костяные и другие предметы, по-видимому, попали в яму после ее разрушения. Встает и вопрос о связи «кострища» с ямой. «Кострище» располагалось непосредственно над ямой, и по краям его окаймляла углистая прослойка, которая прослеживалась по стенкам ямы до ее дна. Эти остатки, а также столбы по краям ямы, прослеженные на глубине от 50—60 до 195 см, деревянная «конструкция» в яме и перекрытие ее свидетельствуют о сложном деревянном сооружении. «Кострище» над ямой, очевидно, также связано со всем комплексом «святилища».

В 1980 г. были выяснены новые детали этого ритуального памятника. Вокруг ямы в материке прослежены остатки столбов диаметром 6—30 см, вкопанных на значительную глубину в грунт. Над ямой на глубине 90 см лежали два продольных бревна диаметром 30—40 см, затесанных на конусах на конус. Над ними лежал более легкий настил. Очевидно, над ямой был какой-то навес. Рядом со святилищем найдена антропоморфная кремневая фигурка.

- ¹ *Крайнов Д. А.* Отчеты Верхневолжской экспедиции ИА за 1962—1966 гг. и за 1970—1979 гг. Архив ИА, № 2522, 2704, 2918, 3125, 3385, 4551, 4589, 4801, 5033, 5819, 5992, 6618, 6903.
- ² Стоянка открыта в 1962 г. Д. А. Крайновым, исследовалась в 1962—1965 гг. Верхневолжской экспедицией. См.: *Крайнов Д. А.* Отчет о работах Верхневолжской экспедиции за 1962 г. Архив ИА; *Гадзяцкая О. С.* Отчеты о раскопках стоянки Сахтыш II за 1963—1965 гг. В общем отчете Верхневолжской экспедиции. Архив ИА; *Она же.* Костяные изделия стоянки Сахтыш II.—КСИА, 1966, 106; *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья.—КСИА, 1965, 100.
- ³ *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII.—В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973, с. 50—54.
- ⁴ *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья, с. 37, 38.
- ⁵ *Цветкова И. К.* Раскопки на Черной Горе.—АО 1968 г. М., 1969, с. 47. И. К. Цветкова обнаружила коллективное волосовское погребение из 14 беспорядочно брошенных в яму костяков, черепа которых лежали отдельно. Под ними прослежены пятна красной краски. Среди костей обнаружены кости лап и челюстей медведя.
- Лозе И. А.* Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига, 1979, с. 46. На поселении Абора I обнаружено коллективное погребение времени волосовской культуры, отнесенное к позднему неолиту.
- ⁶ *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья, с. 37; *Цветкова И. К.* Раскопки на Черной Горе; *Она же.* Украшения и скульптура из неолитического поселения Черная Гора.—В кн.: Экспедиции ГИМ. М., 1969, с. 25—38.
- ⁷ *Лозе И. А.* Поздний неолит..., с. 43—54; *Янгис Л. Ю.* Поселения эпохи неолита и раннего металла в приустье р. Эмайыги. Таллин, 1959.
- ⁸ *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья, с. 38.
- ⁹ *Крайнов Д. А.* Древнейшая история Верхнего Поволжья. Фатьяновская культура II тысячелетия до н. э. М., 1972, с. 267—272.
- ¹⁰ *Крайнов Д. А.* Результаты работ Верхневолжской экспедиции.—АО 1978 г. М., 1980; *Он же.* Отчет Верхневолжской экспедиции за 1979 г. Раскопки стоянки Сахтыш II. Архив ИА.
- ¹¹ *Цветкова И. К.* Волосовский клад.—Труды ГИМ, 1957, 23; *Она же.* Ритуальныеклады стоянки Володары.—В кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975.
- ¹² *Гадзяцкая О. С., Крайнов Д. А.* Новые исследования неолитических памятников Верхнего Поволжья, с. 38; *Крайнов Д. А.* Стоянка и могильник Сахтыш VIII, с. 51.
- ¹³ *Крайнов Д. А.* Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья.—В кн.: Древняя Русь и славяне. М., 1978, с. 101.
- ¹⁴ *Замятин С. Н.* Миниатюрные кремневые скульптуры в неолите Северо-Восточной Европы.—СА, 1948, X, с. 103, рис. 2, 7, 16, 14, 21, 24, 25.
- ¹⁵ *Крайнов Д. А.* Кремневые и костяные скульптуры из стоянок Верхнего Поволжья, с. 101.

Г. Н. МАТЮШИН, Р. С. ГАБЯШЕВ, В. С. ГОРБУНОВ,
М. Ф. ОБЫДЕНОВ

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО НЕОЛИТУ И ЭНЕОЛИТУ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА

Поиски истоков сложения ямной историко-культурной области, особенно в волжско-уральском регионе, и выявление генезиса ее экономики давно занимают внимание многих исследователей. Однако существенный сдвиг в решении этих проблем стал намечаться лишь после появления обобщающих работ, в частности Н. Я. Мерперта¹ и В. П. Шилова². Большое значение имела обоснованная Н. Я. Мерпертом гипотеза, что носители ямной культуры не были охотниками-рыболовами, а имели развитое скотоводческое хозяйство. Появилась возможность приступить к изучению вопроса о местных истоках этой общности и о сложении скотоводства в регионе ямной историко-культурной области в предшествующее древнеямному время.

Особое значение приобрели комплексы с воротничковой керамикой, которыми, по справедливому мнению многих исследователей, были пред-

ставлены культуры, послужившие основой для сложения этой общности³.

Большой интерес вызывают памятники неолита и энеолита волжско-уральского региона, ибо здесь «культура древнеямных племен представлена в наиболее чистом своем виде»⁴. По мнению Н. Я. Мерперта, «именно волжско-уральский вариант мог стать одним из древнейших очагов подвижного степного скотоводства»⁵.

Впервые комплекс с воротничковой керамикой в Предуралье был выявлен нами в 1962 г. при раскопках Давлекановского многослойного поселения⁶. Стратиграфически этот комплекс (агидельский тип) занимал промежуточный слой между неолитическим и абашевско-срубным, отделяясь от последнего прослойкой, свидетельствующей о значительном временном разрыве.

Позднее памятники с аналогичной воротничковой керамикой были выявлены в Поволжье⁷ и в Северном Прикаспии⁸. Однако ни в Поволжье, ни в Прикаспии не удалось найти памятников, на которых можно было бы стратиграфически проследить соотношение местных неолитических культур и комплексов с воротничковой керамикой (агидельско-съезжинского типа). В связи с этим приобретает важное значение исследование многослойного поселения Муллино, где такое соотношение прослеживается еще более четко, чем в Давлеканове.

Поселение это находится в 1,5–2 км к юго-западу от пос. Муллино — пригорода г. Октябрьский Башкирской АССР, на останце первой надпоймы, незначительно возвышающейся над уровнем высокой поймы. Высота террасы от уровня старицы 3–4 м. Памятник открыт А. П. Шокуровым⁹ и исследовался нами в 1976 и 1979 гг.

В 1976, 1979 гг. вскрыто всего 448 кв. м (раскоп 1 — 136 кв. м; раскопы 2 и 3 — 312 кв. м). Раскопки 1979 г. велись под руководством Р. С. Габяшева, В. С. Горбунова, М. Ф. Обьденова и Г. Н. Матюшина. Кроме того, в раскопках 1979 г. принимали участие И. Б. Васильев, В. А. Иванов, Ю. А. Морозов, Ю. Ф. Рыжов и Т. И. Щербакова.

Стратиграфия памятника очень четкая и в общем сходная со стратиграфией Давлекановского поселения. Сверху до глубины 0,3–0,4 м — черный гумус с единичными фрагментами керамики эпохи железа в верхних горизонтах (до 0,2–0,3 м) и небольшим количеством (местами) керамики левшинско-хвалынского типа — в нижнем (0,2–0,4 м). Ниже гумуса, на глубине от 0,3 до 0,6 м (раскопы 1 и 2) или 0,4–0,9 м (раскоп 3), идет слой алеврита с золой и материалами агидельского типа. Ниже белого алеврита — буроватый гумусированный слой с находками неолитического облика. Мощность неолитического слоя доходит до 1–1,2 м. Под неолитическим слоем — плотный суглинок с большим количеством раковин и красная глина с единичными находками мезолитического и палеолитического облика (рис. 1).

Таким образом, повсеместно четко выражены на памятнике только два культурных слоя — агидельский и неолитический. Оба достаточно мощны и насыщены разнообразными культурными остатками. Слои отделены друг от друга четкой стерильной прослойкой и выделяются по цвету. Белый агидельский слой особенно четко отличается по цвету от лежащего выше черного гумуса (хвалынский-левшинский слой) и лежащего ниже более темного, бурого суглинка (неолитический слой). Мезолитическая стоянка, видимо, была небольшой, так как в раскопах 2 и 3 мезолитический слой прослеживается уже плохо, тогда как агидельское поселение, видимо, значительно превосходило по площади мезолитическое и неолитическое поселения. Судя по шурфам и траншеям, она доходила до 2000–2500 кв. м.

В культурном слое неолитического времени обнаружены погребения. Одно из них (погребение 2) представлено фрагментами черепа человека, нижней челюстью и некоторыми другими костями. Погребение парное — похоронены взрослый и ребенок. Анатомически правильно лежал лишь позвоночник взрослого человека. Погребенные ориентированы головами примерно на восток или северо-восток, костяки лежали как будто бы

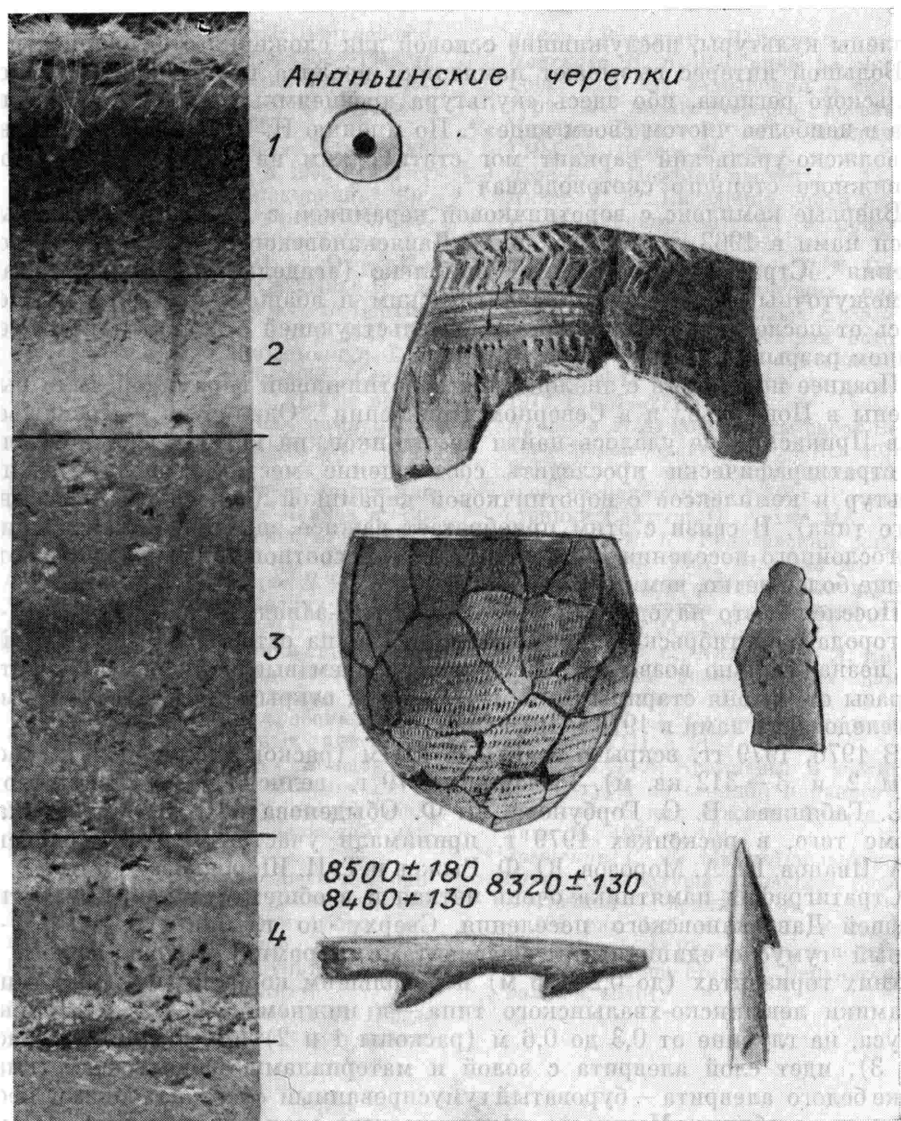

Рис. 1. Муллино. Стратиграфия раскопа 1

1 — гарпско-хвалынский слой; 2 — энеолитический (агидельско-свезжинский) слой;
3 — неолитический слой; 4 — мезолитический слой

в расчлененном виде. В 10–12 м от парного погребения на глубине 1 м — погребение бобра с сосудом неолитического облика (погребение 1). Кости бобра лежали в строгом анатомическом порядке. Отсутствуют лишь кости передней правой и задней левой лап.

Культурные остатки представлены изделиями из кремня и других пород камня, керамикой, фаунистическими остатками и многочисленными изделиями из кости, перламутра и т. п.

В 1979 г. найдено 7682 изделия из различных пород камня и керамики, в том числе изделий из кремня и керамики — 7475. В 1979 г. найден 4121 фрагмент керамики, включая развалы целых сосудов, а изделий из кремня — 3354.

Керамика неолитического слоя (Муллино II, 1675 фрагментов, выделяется около 70–80 сосудов) большей частью представлена развалами сосудов яйцевидной формы с приостренным дном и слегка загнутым внутрь венчиком, орнаментированных гребенчатым штампом. Внутри п

снаружи сосуды тщательно заполированы. Следы заглаживания незаметны. Стенки сосудов часто расслаиваются продольными поясами, создавая впечатление, что они склеены из двух полос, наложенных друг на друга: одна — внутри, другая — снаружи. Орнамент в основном состоит из вертикальных оттисков длинной гребенки, поверх которых изредка нанесены парные пояски зигзагов. Обжиг неровный, заметны черные пятна. Цвет — снаружи красно-коричневый (охра), внутри — черный. Встречаются более раздутые в центре митровидные и более толстостенные (до 12—13 мм) сосуды. У венчика таких сосудов есть утолщение до 14 мм и скос изнутри. Донышко приострено. В тесте — шамот. По краю венчика изнутри часто нанесен орнамент в виде зигзага (рис. 2, 12—14).

Керамика агидельского слоя (Муллино III) может быть разделена на несколько групп. Первая и наиболее заметная из них — воротничковая керамика. По развалам сосудов и по венчикам выделяется примерно около 60—70 сосудов этой группы. По форме сосуды довольно близки к неолитическим — обычно они яйцевидные и круглодонные, но у них уже отсутствует остродонность, а венчик отогнут наружу. В отличие от неолитических, сосуды меньше по размеру и более вытянуты по пропорциям. Появляются здесь и сосуды с уплощенным дном. В керамическом тесте более разнообразные, чем в неолитической керамике, примеси: раковина, дресва, шамот и т. п. Наиболее характерная черта — наплыв с наружной стороны венчика — воротничок, который особенно четко отличает керамику этой группы от какой-либо другой и придает своеобразие всему керамическому комплексу агидельского слоя. Воротничок и его нижний уступчик на большинстве сосудов выражены очень четко. Иногда под ним нанесены ряды ямок. Край венчика при этом или слегка приострен, или имеет прямоугольную форму.

Воротничок, как правило, орнаментирован тем же штампом, что и тулово сосуда, но схема орнаментального рисунка на венчике всегда отличается от композиции орнамента на тулове. Например, если оттиски гребенки на тулове идут наклонно, то на воротничке они либо вертикальны, либо образуют треугольные зигзаги. В других случаях оттиски гребенки на тулове сосуда располагаются строго горизонтально, тогда как оттиски той же гребенки на воротничке — наклонны или образуют зигзаг (рис. 2, 3—11). При всех вариациях орнаментальной композиции заметно стремление обособить воротничок не только формой его лепки, но и своеобразием рисунка. В отдельных случаях стенки сосуда орнаментированы горизонтальными оттисками гребенки, а воротничок оставлен без орнамента, но окаймлен рядом ямок. Один из сосудов с воротничком не орнаментирован совсем, но воротничок заполирован и имеет более темный цвет.

Подавляющее число сосудов с воротничком орнаментировано оттисками гребенчатого (зубчатого) штампа. Лишь единичные фрагменты украшены накольчатым орнаментом. Орнаментальные композиции по тулову сосудов еще мало отличаются от неолитических: это оттиски гребенчатого штампа, либо горизонтальные, сплошь покрывающие сосуды, либо наклонные.

Некоторое количество керамики энеолитического облика найдено и в нижних горизонтах черного гумуса, перекрывающего агидельский культурный слой. Большая ее часть принадлежит к развалу прямостенного сосуда с разреженным орнаментом. Тесто рыхлое, сравнительно легкое, заметна пористость — следы выгоревшей органики. В тесте много песка. Венчик прямой с прямоугольным окончанием. Орнамент — зигзагообразно расположенные оттиски длинного гребенчатого штампа.

Другой сосуд, найденный в верхнем слое, также имеет прямой венчик с небольшим утолщением с наружной стороны. Орнамент — насечки гребенчатого штампа, поставленного углом. Наиболее близкие аналогии сосудам этого типа можно найти в материалах Левшинской стоянки и памятников гаринского этапа борской и хвалынской культур (рис. 2, 1, 2).

В агидельском слое широко представлены всевозможные поделки из

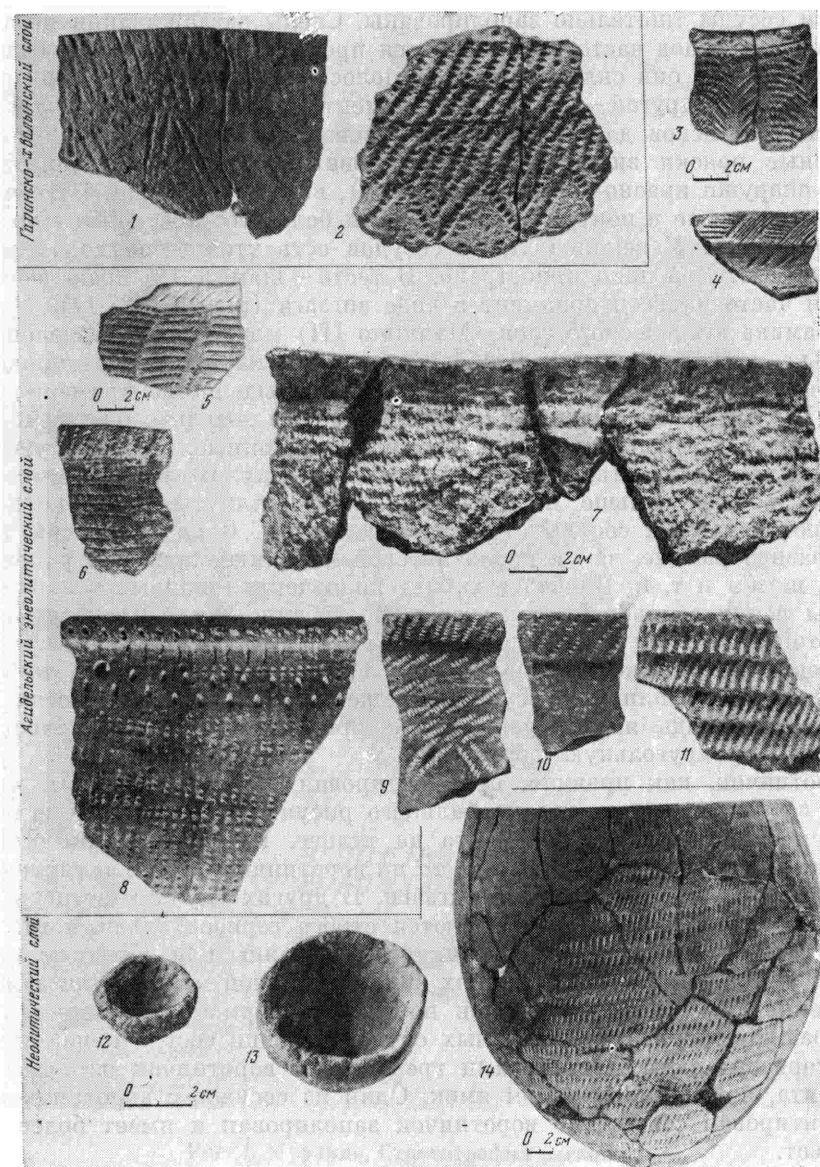

Рис. 2. Керамика поселения Муллино

1, 2 — гаринско-хвалынский слой; 3—11 — агидельский слой; 12—14 — неолитический слой

кости, перламутра и кремня. Изделий из кремня в 1979 г. найдено 3456. Анализ распределения кремневого инвентаря по отдельным слоям и горизонтам свидетельствует о том, что в энеолите относительная доля и общее количество кремневого инвентаря меньше, чем в неолите. Изменяется и состав кремневого инвентаря. В неолитическом слое он более разнообразен, а в энеолитическом — становится беднее.

В целом состав кремневого инвентаря на памятнике имеет довольно ранний облик. Ножевидные пластины вместе с продольными сколами и нуклеусами составляют более 40% кремневого инвентаря. В 1979 г. найдено 730 ножевидных пластин подгруппы А и 418 подгруппы Б, более 200 нуклеусов и их заготовок и т. п. Отщепов без обработки — 1468. Изделий из пластин — более 50. Большая часть пластинчатых изделий располагается в нижних (мезолитическом и неолитическом) слоях, тогда как

в агидельском слое их количество значительно падает. Здесь преобладают изделия из отщепов и орудия с двусторонней обработкой.

Наиболее интересны среди изделий из пластин наконечники стрел на ножевидных пластинах. Таких наконечников всего три. Один из них найден в выбросе из грабительского раскопа и, возможно, связан с другим слоем. Форма его типично постсвидерская. Ретушь — со стороны как брюшка, так и спинки. Близко по форме к этому наконечнику изделие с обломанными концами. Третий наконечник на пластине особенно интересен, так как имеет форму, характерную для наконечников кельтеминарского типа. Краевая ретушь нанесена также с двух сторон, но больше с брюшка, где она охватывает $\frac{3}{4}$ периметра орудия. С одного бока сделана той же ретушью небольшая выемка, превращающая наконечник в асимметричный, сходный с подобными наконечниками Кельтеминара. Подобные наконечники единицами и раньше встречались на Урале¹⁰. Находка подобного наконечника в агидельском слое в какой-то мере свидетельствует об энеолитическом возрасте комплекса Муллино III.

Характерны для агидельского слоя и крупные широкие пластины с ретушью и без ретуши. На таких пластинах изготовлены ножи, острия, провертки и другие изделия. Появление таких широких пластин в инвентаре памятника также служит показателем его энеолитического возраста. Подобные широкие пластины обычны для раннеземледельческих и скотоводческих памятников типа Хаджилара и Чатал-Гуюка на Среднем Востоке, Триполья и Джейтуна на территории СССР. В целом же пластин в агидельском слое относительно немного, изделия из них довольно аморфны: острия разного рода, пластины с ретушью, скребки, изредка — резцы.

Большую долю кремневого инвентаря составляют изделия с двусторонней обработкой из отщепов и кусков кремня. Любопытны наконечники стрел, по форме напоминающие суртандинские. Одно из изделий с двусторонней обработкой имеет изогнутую форму. По-видимому, оно служило вкладышем костяного орудия. На отщепах и продольных сколах изготовлены скребки и т. п. Серия ножей на отщепах и кремневых плитках особенно интересна, так как среди них встречаются типично суртандинские формы.

Показательна серия крупных орудий на плитках известняка, гранита и других кристаллических пород камня. Три крупные мотыги найдены в скоплении. Во всех слоях памятника встречены крупные грузила, но большая часть их оказалась в неолитическом слое. Найдены 11 зернотерок из обломков, пестовидные орудия и другие изделия из различных пород камня.

Довольно многочисленны на памятнике, как и в Давлеканово, фаунистические остатки и изделия из кости. В агидельском слое определимых костей и изделий из них 2298, в неолитическом слое их несколько меньше — 1891, но зато там гораздо больше изделий из кости. Так, в Муллине III изделий из кости — 72, а в Муллине II — 185.

Ассортимент костяных изделий в неолитическом слое также более богат. В агидельском слое очень редки гарпуны, типичные для нижних слоев памятника, крупные костяные ножи, накладки для лука и другие орудия, но зато в агидельском слое найдены костяные пластинки с нарезкой, типичные для самарской культуры и памятников мариупольского типа. Обычные в неолитическом слое крупные костяные кинжалы в энеолитическом слое не встречаются. Разнообразные более мелкие ножи, острия, шилья и другие поделки, штампы из костей найдены и в неолитическом, и в энеолитическом слоях. В неолитическом слое костяные штампы более тонкие, тогда как в агидельском они имеют более крупные зубцы. Неолитические костяные штампы представляют собой просто кость с зазубринами, а в энеолите это уже хорошо оформленные, законченные орудия. Из кости сделаны также острия, лоцила и другие поделки.

Наиболее интересна серия украшений из кости, раковины и камня. К ним можно отнести всевозможные штампы из перламутра, камня, подвески и бусы. Перламутровые штампы встречаются и в неолитическом

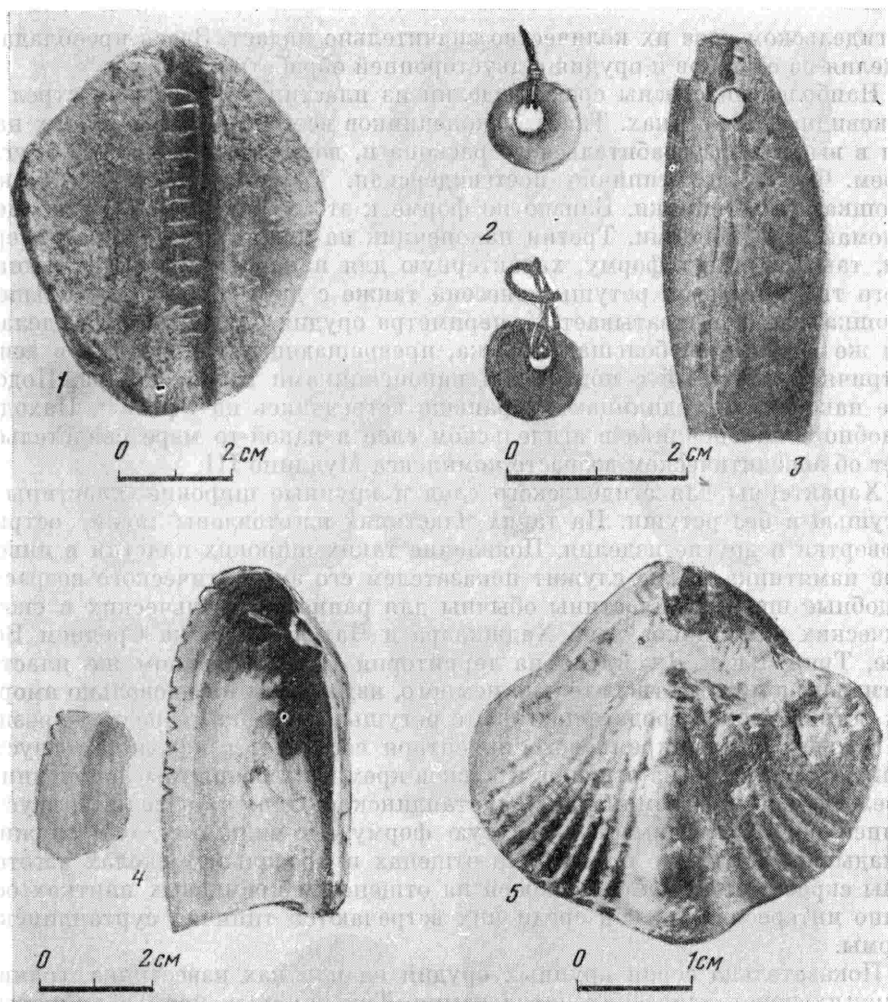

Рис. 3. Находки на поселении Муллино

1 — утюжок; 2 — перламутровые бусины; 3 — подвеска из створки раковины; 4 — штампы из раковин; 5 — фигурка совы

слое. В агидельском слое они становятся меньше, но приобретают отверстие и превращаются, видимо, из орудий утилитарного назначения в украшения. Рабочая часть на агидельских перламутровых штампах выражена нечетко, зато раковины тщательно обработаны со всех сторон и им придана определенная форма. На неолитических же перламутровых штампах обработана только рабочая сторона, а остальная часть оставлена в естественном виде. Любопытен штамп из каменной плитки, тщательно обработанный со всех сторон и отшлифованный.

Крупная костяная подвеска имеет в середине небольшое круглое отверстие, очевидно, для прикрепления ее к одежде. Каменные подвески напоминают аналогичные украшения суртандинской культуры. Несколько подвесок изготовлено из клыков хищника. Многочисленны перламутровые бусы, идентичные по форме подобным изделиям съезжинского могильника и памятников мариупольского круга. Упомянем среди находок кремневую антропоморфную фигурку, а также фигурку, выточенную из песчаника, в которой зоологи видят изображение бобра. Оригинальны совы из раковины брахиоподии (рис. 3). В целом в агидельском слое, в отличие от неолитического, количество украшений возрастает, а количество орудий из кости и в особенности их ассортимент уменьшаются.

Состав фаунистических остатков очень интересен. Количество домашних видов здесь довольно велико, но все же меньше, чем диких. В неолитическом слое кости диких животных составляют 73,53% всех фаунистических остатков. В агидельском слое доля их уменьшается до 65%, вместе с тем повышается доля домашних животных с 26 до 35%. В неолитическом слое 79 костей принадлежали 18 домашним животным и 770 — 50 диким. Кроме того, в неолитическом слое обнаружено значительное количество костей птицы (60 от десяти особей), кости крупных рыб — сома, щуки, а также раковины и, что удивительно, довольно много костей черепахи. В агидельском слое из числа доступных определению костей 170 принадлежали 21 домашнему животному и 552—39 диким.

Домашние животные представлены остатками лошади, крупного и мелкого рогатого скота. Преобладают кости лошади. В неолитическом слое лошадь занимала 17,64% всех особей животных, в то время как крупный и мелкий рогатый скот составлял поровну 4,4% общего количества остатков всех животных. В агидельском слое доля лошади падает до 13,33%, но зато повышается доля крупного (до 15%) и мелкого (до 6,66%) рогатого скота.

Как упоминалось, наиболее выразительны в Муллино два слоя — агидельский с воротничковой керамикой и отделенный от него стерильной прослойкой слой с неолитическими материалами. Другие комплексы в раскопе 1979 г. представлены менее многочисленными материалами. Хотя в верхнем слое чернозема керамики найдено относительно немного, все же обращает на себя внимание ее сходство, с одной стороны, с керамикой памятников типа Сауз III, а с другой — с материалами хвалынского¹¹ и гаринско-борского типов. В пользу синхронности гаринско-борских комплексов с хвалынским говорит и то обстоятельство, что все они содержат керамику суртандинского типа.

Воротничковая керамика, сходная с агидельско-самарской, встречается в неолите Украины¹², в лесостепных районах Дона¹³, в Нижнем Поволжье¹⁴ и т. д. Зона ее распространения — степь и лесостепные районы Восточной Европы. Исследователи относят ее то к неолиту (Д. Я. Телегин, В. И. Еремин), то к раннему энеолиту (И. Б. Васильев, А. Т. Сиянок), но датируют единодушно IV или даже V тысячелетием до н. э.

Керамика агидельского типа из Муллино III вряд ли моложе съезжинской и других аналогичных ей комплексов. Следует подчеркнуть, что практически все типы воротничковой керамики Муллино III находят близкие аналогии в Съезжей и близких памятниках. Однако в Муллине III отсутствует керамика с меандрами и другими крупными фигурами, образованными тонкими резными линиями, которая типична для Съезжей. Заполнение орнаментальных зон в Муллине, как правило, сплошное, тогда как в Съезжей распространены сосуды с широкими неорнаментированными зонами. Характер орнамента и форма сосудов в Муллине III более «неолитоидные», нежели в Съезжей. Все это позволяет предполагать, что памятники типа Муллино III относятся к более раннему времени..

Инвентарь неолитического слоя (Муллино II) довольно типичен для памятников прибельского неолита. Однако до сих пор бытовало мнение, что неолит с гребенчатой керамикой синхронен ямной культуре или в крайнем случае памятникам мариупольско-съезжинского типа. Раскопки в Муллине окончательно убеждают нас в том, что неолит с гребенчатой керамикой прибельского типа предшествует памятникам агидельско-съезжинского типа. Напомним, что в Давлеканове слой с воротничковой керамикой лежал так же над неолитическим слоем.

Находки в Давлеканове и Муллине уже в неолитическом слое костей домашних животных позволяют по-новому подойти к истокам сложения скотоводства в волжско-уральском регионе и объяснить причины, по которым именно он стал одним из древнейших очагов подвижного степного скотоводства.

- ¹ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья М., 1974.
- ² Шилов В. П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- ³ Телегин Д. Я. Днепро-донецкая культура. Київ, 1968; *Он же.* Поселения днепро-донецкой культуры на севере Украины.— Археология, 1971, 2, рис. 4; *Он же.* Середньостогівська культура епохи міді. Київ, 1973; Даниленко В. П. Неолит Украины. Киев, 1969, с. 224, 225; *Он же.* Энеолит Украины. Киев, 1974, с. 30—86.
- ⁴ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы..., с. 148.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Матюшин Г. Н. Неолитическое поселение и погребение у г. Давлеканово на Южном Урале.— СА, 1970, 4, с. 160—168.
- ⁷ Васильев И. Б., Матвеева Г. И. Могильник у с. Свезжее на р. Самаре.— СА, 1979, 4, с. 147—166.
- ⁸ Мелентьев А. Н. Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа).— В кн.: Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1974, с. 13, 14.
- ⁹ Матюшин Г. Н., Шокуров А. П. Работы на р. Ик в Предуралье.— АО 1976 г. М., 1977, с. 164; Шокуров А. П., Киктенко С. И. Стоянка Муллино II.— В кн.: К истории позднего плейстоцена и голоцена Южного Урала и Предуралья. Уфа, 1978, с. 123—135.
- ¹⁰ О наконечниках кельтеминварского типа на Урале, в Приуралье и Западной Сибири см. в кн.: Памятники древнейшей истории Евразии. М., 1975, с. 143—150.
- ¹¹ Васильев И. Б. Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Автореф. канд. дис. М., 1979.
- ¹² Телегин Д. Я. Поселения днепро-донецкой культуры..., рис. 4.
- ¹³ Синюк А. Т. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона.— В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1979, рис. 1—3.
- ¹⁴ Еремич В. И. Неолитическое поселение Каменка I.— В кн.: Историко-краеведческие записки. Волгоград, 1975, III, рис. 1.
- ¹⁵ Мерперт Н. Я. Древнейшие скотоводы..., с. 148.

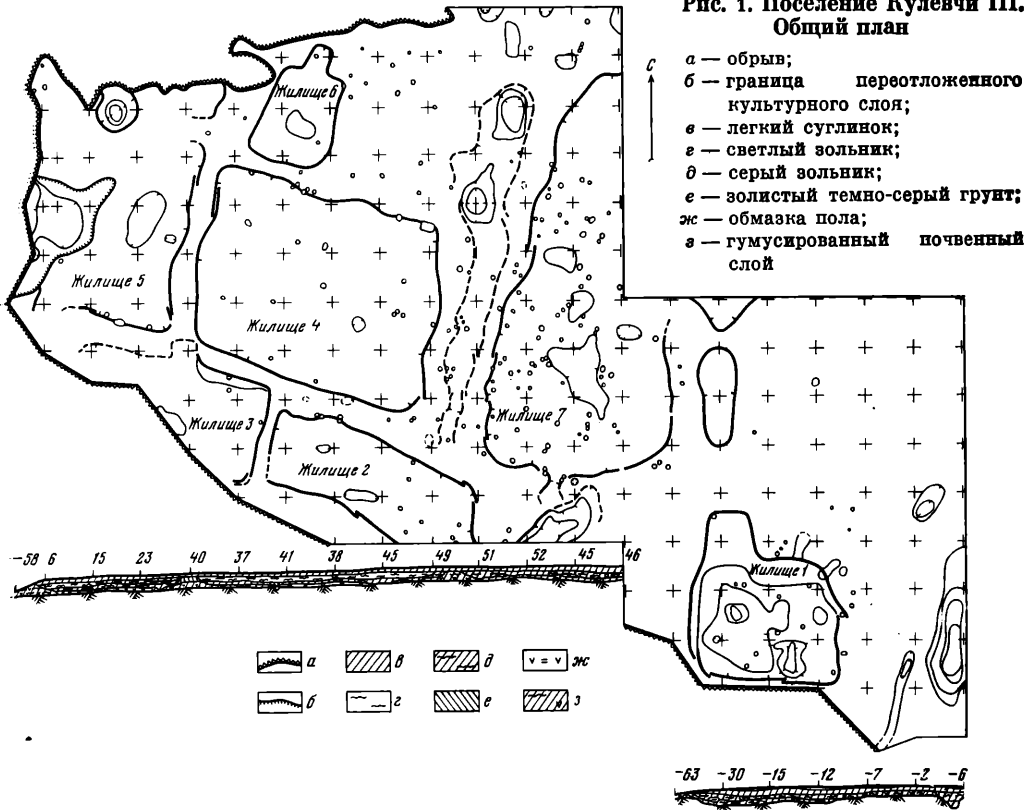
Н. Б. ВИНОГРАДОВ

КУЛЕВЧИ III — ПАМЯТНИК ПЕТРОВСКОГО ТИПА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

Важными итогами исследований, проведенных в последние 10—15 лет, и в определенной степени поворотными моментами в изучении адроновских древностей в Южном Зауралье и Северном Казахстане являются убедительное обоснование культурной самостоятельности алакульских памятников¹, а также открытие многочисленных раннеалакульских (петровских) памятников в Северном Казахстане². Мнение Г. Б. Здановича о широком распространении петровских памятников в других районах сложения алакульской культуры, в частности в Южном Зауралье³, в последние годы полностью подтвердилось. Начатое в 1976 г. Урало-Казахстанской экспедицией сплошное разведочное обследование степей и лесостепей Южного Зауралья выявило значительное количество памятников с петровской керамикой.

С 1978 г. отряд по изучению памятников развитой бронзы Урало-Казахстанской экспедиции ведет исследование петровско-алакульского поселения Кулевчи III⁴. Памятник расположен в зоне холмистых лесостепей, переходящих в степи, в 7 км к востоку от с. Кулевчи Варненского р-на Челябинской обл. Поселение площадью до 5000 кв. м занимает участок террасы левого берега р. Караталы-Аят на высоте до 4 м над урезом воды. Площадка памятника расположена в зоне выноса паводковых вод, в низкой ложбине между выходами коренных сланцевых пород. Это обстоятельство обусловило накопление здесь мощных (более 0,5 м) отложений гумусированной почвы. Основу культурного слоя поселения составляют залегающие под слоями гумуса и легкого суглинка зольники различных оттенков (светлый, серый, розовый, бурый), мощность которых вне жилищ достигает 0,25—0,30 м. Зольное заполнение характерно и для жилищ. Подстилающий материк — светло-желтая глина. В 1978, 1979 гг. тремя смыка-

Рис. 1. Поселение Кулевчи III.
Общий план

ощимися раскопами общей площадью 1732 кв. м изучены остатки семи жилищ (рис. 1).

Жилище 1. Котлован прорезает материк на 0,5–0,6 м, имеет прямоугольную форму (8,65 × 5,8 м), ориентирован по линии запад — восток, с выступом в северо-западном углу. По краям и в центральной части дна — 11 ямок.

Жилище 2. Остатки неглубокого котлована вытянутой прямоугольной формы (14,0 × 4,0–5,5 м) ориентированы с северо-запада на юго-восток. В середине юго-восточной стороны — выход к спуску к реке. На дне котлована и в непосредственной близости от него отмечено 13 ямок. Пол в северо-западной части дна — глиняная обмазка темно-зеленого цвета мощностью до 0,1 м.

Жилище 3. Котлован прямоугольный в плане (11,4 × 6,2 м) с нишей около середины северо-восточной стены. Ориентирован с северо-запада на юго-восток. На дне котлована — уплотненный почвенный слой (до 0,25 м). На площади постройки зафиксированы три ямки. В центральной части дна, в углублении, найдены кости конечностей коровы в сочлененном состоянии.

Жилище 4. Котлован прямоугольной формы (14,0–15,0 × 11,0–12,0 м) ориентирован с северо-запада на юго-восток. Глиняная обмазка пола мощностью до 0,2 м отмечена на основной площади дна. Здесь выявлено более 20 ямок. В заполнении и на дне расчищено 12 скоплений мелких необработанных камней с угольками, костями животных, фрагментами керамики между ними. В юго-восточной части дна — очажное углубление с прокаленными краями, частично заполненное мелкими камнями. К юго-востоку от очага прослежена канавка с прокаленными краями, забитая камнями и угольками. Южнее очага — яма с сосудом петровского типа. В северо-восточном углу постройки находилась прямоугольная яма (0,85 × 0,6 × 0,3 м), ориентированная с северо-запада на юго-восток. В ее северо-

западном и юго-восточном углах — два сосуда петровского типа. В центральной части котлована, в углублении в полу, расчищено скопление костей животных в форме прямоугольника, ориентированного с северо-востока на юго-запад. В трех углах скопления найдено по одной нижней челюсти лошади, в четвертом — череп коровы. Внутреннее пространство занято позвоночными и реберными костями крупных животных, лежавшими в анатомическом порядке. Это скопление интерпретируется как жертвенный комплекс. На различных участках дна постройки встречено также несколько черепов крупных домашних животных, в одном случае — череп и кости конечностей молодого жеребенка.

Жилище 5. Котлован имеет прямоугольную форму (12,0×7,0—8,5 м), ориентирован с северо-востока на юго-запад. Пол представлен частично сохранившейся глиняной обмазкой (0,1—0,2 м), в юго-западной части котлована — остатки обугленных деревянных конструкций, сооруженных из жердей, плах, прутьев. Под юго-западной и юго-восточной стенами обнаружено два детских погребения в прямоугольных ямах (0,7×0,45—0,5×0,2 м), ориентированных с северо-запада на юго-восток. У северо-западных стенок ям находились остатки костяков детей и сосуды петровского типа. На площади котлована отмечены три ямки.

Жилище 6. Его очертания фиксировались по обмозке пола и по отличающемуся от заполнения темно-коричневому грунту. Постройка прямоугольная в плане (3,9—4,8×5,7—6,0 м), ориентирована с северо-востока на юго-запад. С северо-восточной стороны фиксировался выход. В постройке изучена очажная выкладка, сооруженная из мелких необработанных камней, помещенных в углублении. К выкладке примыкала площадка из плоских каменных плит, подогнанных друг к другу.

Жилище 7. Изучено частично. Очертания неглубокого котлована прямоугольной формы (24,5×8,5—10,5 м) ориентированы с северо-востока на юго-запад с выходом в юго-восточной стороне к спуску к реке. В центральной части котлованом прорезан материк. В центральной и северо-восточной частях котлована отмечены значительные следы пожара. Поверхность дна весьма неровная. Здесь зафиксировано 87 ямок.

На поселении Кулевчи III выделено два строительных горизонта — петровский и алакульский. С петровским строительным горизонтом связано пять жилищ двух типов. К первому отнесены постройки 2—5, расположенные в западной части вскрытой площади поселения компактной группой, центром которой было жилище 4, наиболее значительное по площади (173 кв. м). Юго-западнее его, вдоль берега реки находились жилища 2 и 3. С северо-запада к жилищу 4 примыкает жилище 5, в значительной степени разрушенное оврагом, пересекающим территорию поселения с северо-востока на юго-запад. Петровское жилое строение, замыкавшее комплекс жилищ 2—5 с юго-востока, почти полностью разрушено котлованом алакульского жилища 7. При сооружении жилищ описываемого типа был снят мощный слой гумусированной почвы до уровня материковой глины. Котлованы строений отделены друг от друга лишь оставшимися между ними возвышениями гумусированной почвы, в которой они были вырыты. Мощность слоя гумусированной почвы до 0,65 м. Расстояние между котлованами колеблется от 0,7 до 2,25 м. Естественный характер мощного слоя гумусированной почвы подтверждается его плотностью, однородностью и отсутствием в нем находок. В заполнении построек 2, 4, 5 светлый золистый слой обычно предшествует серому по глубине залегания. Ко второму типу петровских жилых строений отнесено наземное жилище 6, исследованное в северо-западной части раскопа. Фрагментарные остатки других наземных построек петровского времени зафиксированы в северо-западной и юго-восточной частях раскопа.

С алакульским временем связываются две полуземлянки (1 и 7), при сооружении котлованов которых материк был прорезан на глубину до 0,6 м. Остатки жилища 1, частично разрушенные береговым обрывом, изучены на юго-восточных участках раскопа. Постройка 7 расположена в центральной части жилой площади. Почти вся вскрытая площадь посе-

ления более или менее активно обживалась в алакульское время, однако очертания построек, за исключением упомянутых, не прослежены. Не исключено, что они частично или полностью совпадали с очертаниями предшествующих петровских жилищ.

Интересной деталью планировки древнего поселения является канавообразное углубление между котлованами жилищ 4 и 7 (вероятнее, петровским жилищем, предшествовавшим полуземлянке 7). Очертания этого углубления, тянущегося с северо-востока на юго-запад через жилую площадку поселения, прослежены на расстоянии 23 м. Как и котлован постройки 4, оно было вырыто в мощном слое гумусированной почвы. Его ширина колеблется от 0,8 до 2,9 м; глубина — до 0,4 м. В северо-восточной части канавы — две довольно глубокие ямы с наносным слоем на дне и многочисленными костями животных в зольном заполнении. Описанный объект интерпретируется как средняя часть «улучки» — прохода между жилищами. Проход примыкает к спуску к реке. Края значительного по размерам древнего водостока, функционировавшего до начала жизни на поселении, в верхней части имели ступенчатый характер. Не исключена возможность их искусственного оформления. Это предположение подтверждается и ориентировкой выходов из построек 2 и 7 в сторону спуска. Проход между жилищами и спуск к реке составляли, вероятно, единую систему, которая, судя по находкам, использовалась как в петровское, так и в алакульское время.

Основное место в коллекции находок на поселении Кулевчи III занимает керамика, разделенная на две группы: алакульскую (рис. 2, 9) и петровскую. В петровской группе предварительно выделены две подгруппы: а) сосуды горшочно-баночной формы с невысокой шейкой, ребром в месте перехода от горловины к тулову, небольшим по сравнению с диаметром дна (рис. 2, 1, 4, 5); б) сосуды фактически баночной формы, у которых шейка слегка намечена широким желобком под венчиком, а невысокое плечико плавно переходит в тулово (рис. 2, 2, 6). Цвет внешней поверхности петровских сосудов колеблется от пепельно-серого до черного. В тесте — песок, изредка — тальк, раковина. У ряда сосудов на внутренней стороне — следы формовки на матерчатом шаблоне. Орнамент выполнен гладким или гребенчатым штампом, реже — оттисками веревочки. Орнамент петровской керамики обычно расположен зонами. Чаще всего орнаментальные пояса имеются на шейке, плечике, в верхней части тулова и в придонной части. Некоторые сосуды орнаментированы лишь по плечу и в верхней части тулова, а иногда только в верхней части тулова. У ряда сосудов орнаментом покрыта вся внешняя поверхность. Имеются единичные экземпляры с орнаментом на дне. Среди элементов орнамента доминируют заштрихованные равнобедренные треугольники, горизонтальные многорядные зигзаги, прочерченные или выполненные штампом линии. В небольшом количестве имеются заштрихованные ромбы, вертикальные зигзаги. В отличие от алакульской керамики, у петровской набор элементов орнамента меньше, а приемы орнаментации устойчивы и довольно однообразны. Особенности формовки верхней части петровских сосудов придают венчику своеобразный утолщенный вид. В коллекции есть также группа сосудов, в форме и орнаментации которых сочетаются петровские и алакульские признаки.

Комплекс изделий из металла представлен более чем 70 предметами (рис. 3). Среди них имеются законченные формы и полуфабрикаты, отходы бронзолитейного производства. В коллекции есть серпы с лезвием, различно изогнутым; двулезвийные ножи без выраженного перехвата; ножи с коротким широким клинком, перехватом и широким черешком; прямые однолезвийные ножи; пилы; тесло, изготовленное на обломке лезвия ножа; нож-пила; широковислообушный топор; стамеска; шилья; украшения и их обломки. Основные типы металлических орудий с поселения Кулевчи III находят аналогии в материалах памятников петровского типа Северного Казахстана и в материалах раннесейминского времени с более западных территорий.

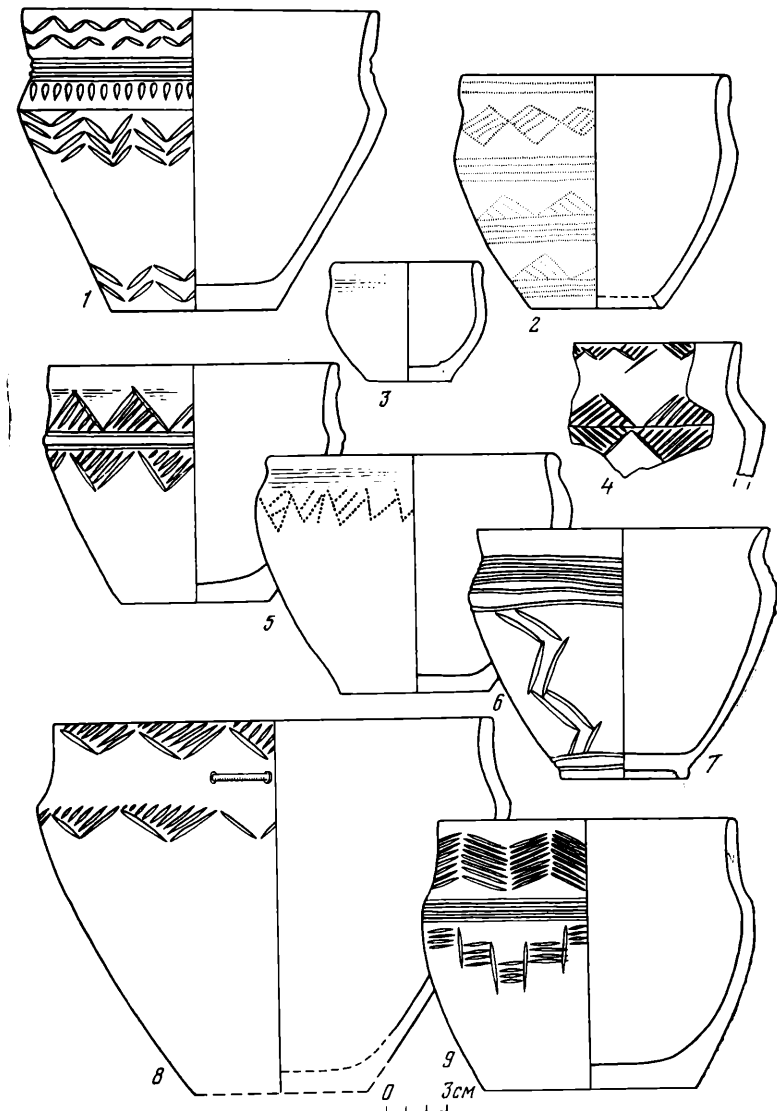

Рис. 2. Керамика поселения Кулевчи III (1—9)

Костяные и роговые предметы представлены тупиками, трепалами, наконечниками стрел, дисками, вырезанными из эпифизов, проколками. Отметим изящный псалий в форме лопасти, с тремя шипами с внутренней стороны, отверстиями для ремней. Среди каменных изделий — большая серия терочных, точильных, шлифовальных камней, песты, наконечники стрел двух типов: треугольные с плоским подтесанным основанием, а также вытянуто треугольные, с намеченными шипами и коротким черешком. Интересны фрагменты специально сформированных керамических дисков с оттиснутыми на одной стороне соляными символами.

Определяя памятник как петровско-алакульский, мы исходили из того, что на всей вскрытой площади поселения четко прослеживается залегание алакульских материалов над петровскими. Петровская керамика доминирует в нижней части заполнения и на дне котлованов построек 2—6. Зафиксирована она в углублениях дна алакульского жилища 7, а также в нижней части культурного слоя на северо-западных участках раскопа, на фрагментарно прослеженных полах наземных петровских строений. В юго-восточной части раскопа (вне очертаний жилища 1) из культурного слоя происходит почти исключительно петровская керамика. Алакульская керамика залегает в верхней части заполнения жилищ 2—6,

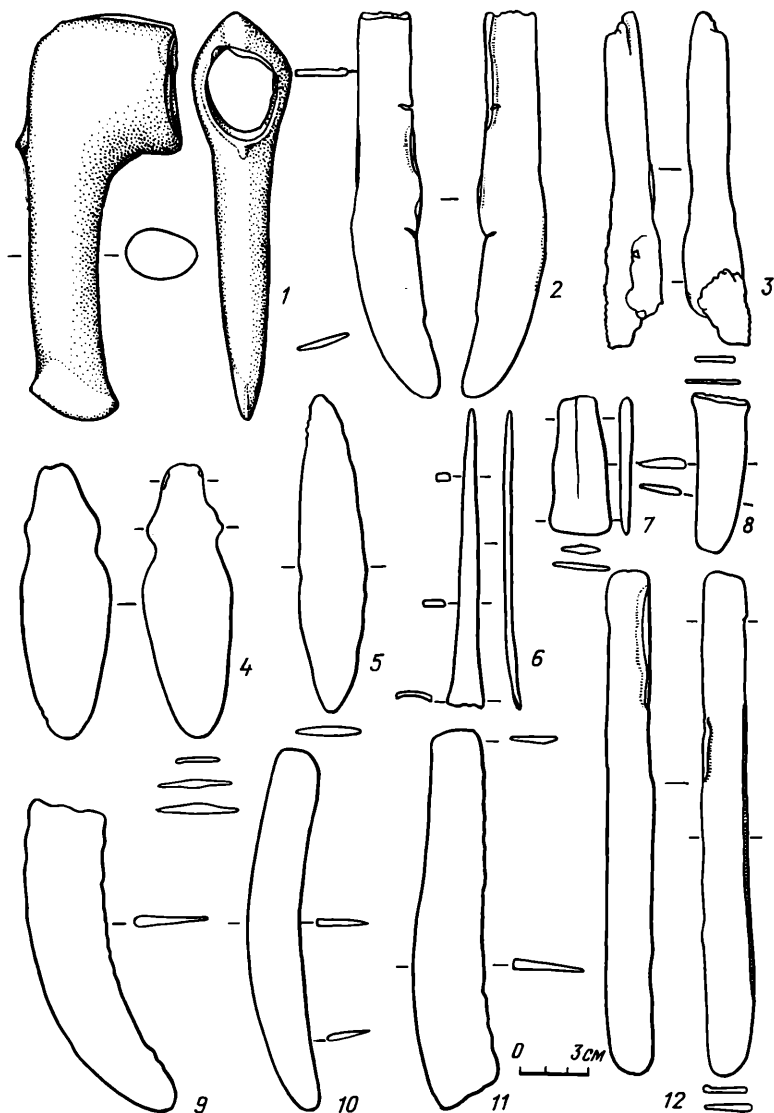

Рис. 3. Изделия из металла поселения Кулевчи III (1—12)

в верхней части культурного слоя на северных участках раскопа. В заполнении и на дне построек 1 и 7 в подавляющем большинстве встречена алакульская керамика. Основное количество металлических предметов связывается с петровским строительным горизонтом и найдено в области наземных петровских строений.

Наблюдения показали, что между алакульским и петровским строительными горизонтами, вероятно, не было хронологического разрыва. Материалы исследования поселения Кулевчи III подтверждают гипотезу о генетической связи петровских и алакульских племен. Кулевчи III — один из первых стационарно исследованных петровских памятников в Южном Зауралье, ярко свидетельствующих о прочном освоении этой территории петровскими племенами.

¹ Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972, с. 5.

² Зданович Г. Б., Хабдулина М. К. Петровские (раннеалакульские) комплексы Северного Казахстана. — В кн.: Проблемы археологии Поволжья и

Приуралья. Куйбышев, 1976, с. 95, 96.

³ Зданович Г. Б. Керамика эпохи бронзы Северо-Казахстанской области. — ВАН, 1973, 12, с. 40.

⁴ Виноградов Н. Б., Зданович Г. Б. Первый памятник петровского типа на Южном Урале. — АО 1978 г. М., 1979, с. 161.

КЕРАМИКА СТОЯНКИ ХАДЫННЫХ I В ЗАПАДНОМ САЯНЕ

Эпоха неолита в Минусинских степях и на сопредельных территориях Саяно-Алтайского нагорья до сих пор слабо изучена. Это обстоятельство затрудняет решение проблемы возникновения здесь энеолитических культур, в частности афанасьевской. Еще С. В. Киселев отмечал, что своеобразие афанасьевской культуры, ее западные и юго-западные связи объяснить невозможно из-за неизученности минусинского неолита¹. Наши знания о неолите этого района остаются и сейчас недостаточно полными, несмотря на интенсивные археологические работы, проводимые в зонах новостроек. Это объясняется почти полным отсутствием в степях неолитических стоянок с сохранившимся культурным слоем.

Более перспективными оказались поиски памятников в горных местностях, в частности в Саянском каньоне Енисея, где было исследовано несколько стратифицированных стоянок с культурными слоями, относящимися к неолиту. Среди них назовем стоянки в Красноярском крае (Сосновка Джойская, Ханыхское займище, Хадынных I), Хакасской а. о. (Усть-Кантегир), Тувинской АССР (Тоора-Даш)².

Неолит выделяется на основании стратиграфических наблюдений (все стоянки многослойные) и типологически — по характеру орнаментации керамики и по ведущим типам каменного инвентаря. Почти на всех стоянках слои, содержащие каменный инвентарь и орнаментированную керамику, перекрываются аллювиально-пролювиальными отложениями с остатками преимущественно скифского времени. Поэтому при вычленении неолитических материалов мы должны учитывать возможность попадания в древние культурные слои артефактов более позднего времени, вплоть до скифских включительно.

Стоянка Хадынных I, расположенная на правом берегу Енисея, в 27 км ниже устья р. Хемчик, относится к числу памятников, имеющих слой с остатками неолитического времени. В результате проведенных в 1973—1975 гг. работ была получена небольшая (около 200 фрагментов), но выразительная коллекция керамики.

Керамика происходит из третьего слоя, перекрытого конусом выноса, выше которого залегают еще два слоя. Один из них относится, вероятно, к концу I тысячелетия до н. э., а другой — к средневековью. Интересующий нас третий слой предохранялся конусом выноса от размыва паводковыми водами. Он имел мощность от 0,15 до 0,25 м. Керамика, как и другие находки, была приурочена к очагам, огражденным камнями.

Наиболее характерна керамика, орнаментированная отрисками трубчатого штампа. Орнамент покрывал всю поверхность обнаруженных фрагментов. Один из сосудов (рис., 11) имел диаметр около 35 см и толщину стенок 7—8 мм. Высота этого сосуда не установлена, так как придонная часть утрачена. У сосуда были орнаментированы поверхность и край венчика. Цвет обломков варьирует в зависимости от условий залегания в почве от почти черного до светло-коричневого. Другой сосуд, орнаментированный таким же образом, имел диаметр венчика 22—23 см при толщине стенок 1,0—1,2 см. Придонная часть этого сосуда также утрачена (рис., 5).

В долине Енисея подобная керамика найдена впервые. Ранее на дюнах р. Ангачи в восточной части Центрально-Тувинской котловины был встречен единственный похожий фрагмент (рис., 13)³. Похожий фрагмент, судя по описанию, был обнаружен Л. Р. Кызласовым в верховьях р. Уюк в заполнении ямы древнехакасского кургана⁴.

Ряд фрагментов из третьего слоя стоянки Хадынных I имел гребенчатый орнамент (рис., 12, 14, 16). Среди них выделяется обломок орнаментированный «шагающей гребенкой» (рис., 8).

Часть керамики описываемого слоя, возможно, относится к более позд-

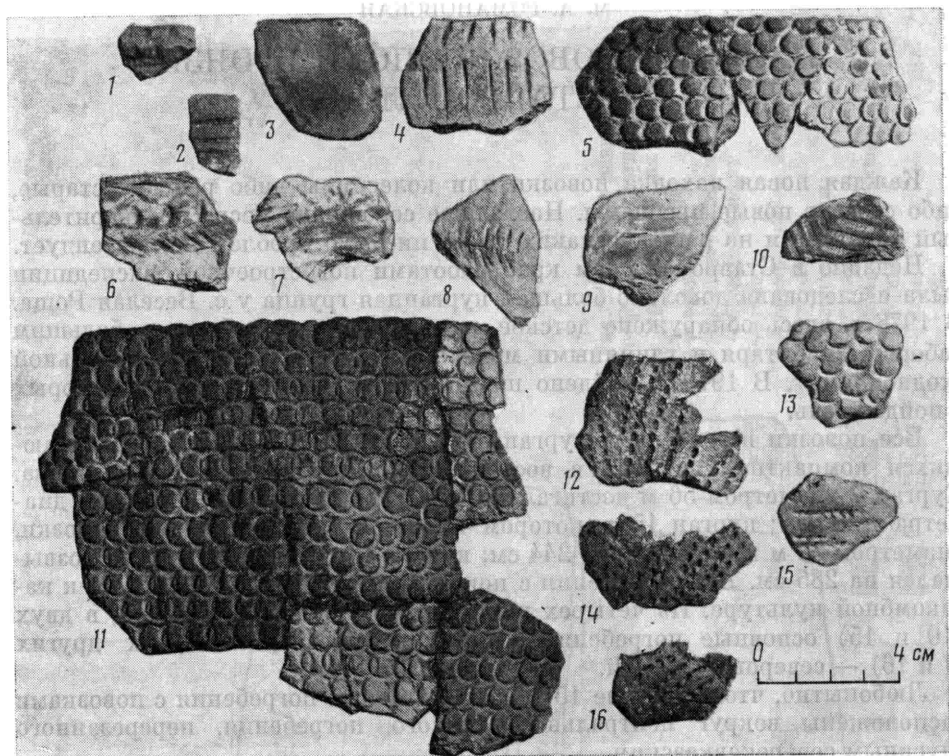

Рис. Керамика стоянки Хадыньных I (1—16)

нему времени, чем керамика с трубчатой и гребенчатой орнаментацией. К ней принадлежат обломки венчиков с налепными валиками (рис., 1, 6) и неорнаментированный фрагмент венчика с тонким, ровно срезаемым краем (рис., 3). Другие фрагменты имеют прочерченный орнамент (рис., 2, 7, 9) или ряды вертикальных насечек (рис., 4). Вся керамика изготовлена из хорошо отмученной глины. Примеси в тесте на глаз не прослеживаются. Остальные керамические обломки из третьего слоя можно сопоставить с керамикой энеолита и периода ранней бронзы.

Орудий из камня на стоянке сравнительно немного. Среди них — наконечники стрел разных форм, скобели на аморфных кусках халцедона, маловыразительные скребки, несколько галечных чопперов.

Фаунистические остатки представлены костями диких и домашних животных⁵.

Хотя материалы третьего культурного слоя стоянки Хадыньных I весьма разнородны, часть керамики может быть отнесена к неолиту. Это, на наш взгляд, керамика, орнаментированная трубчатым и гребенчатым штампами. Правда, гребенчатая керамика может датироваться и афанасьевским временем, но не исключен и ее неолитический возраст, о чем свидетельствуют находки на стоянке Тоора-Даш, исследованной нами в 1978 г. На этой стоянке слой с гребенчатой керамикой (в частности орнаментированной «шагающей гребенкой») залегали значительно ниже слоя с керамикой афанасьевской культуры.

¹ Киселев С. В. К вопросу о культуре древнейшего европейского населения Сибири.— ВДИ, 1948, 1, с. 170.

² Астахов С. Н. Саяно-Тувинская экспедиция.— АО 1973 г. М., 1974, с. 181, 182; *Он же*. Работы в зоне затопления Саяно-Шушенской ГЭС.— АО 1975 г. М., 1976, с. 217; Семенов В. А. О раскопках стоянок эпохи неолита и брон-

зы в Саянском каньоне Енисея.— АО 1976 г. М., 1977, с. 242.

³ Этот фрагмент найден С. Н. Астаховым в 1968 г.

⁴ Кызласов Л. Р. История Тувы в средние века. М., 1969, с. 111, рис. 44, II.

⁵ Определение фауны проведено Н. М. Ермоловой.

НАХОДКИ ПОВОЗОК ЭПОХИ БРОНЗЫ В СТАВРОПОЛЬЕ

Каждая новая находка повозки или колесницы либо решает старые, либо создает новые проблемы. Настоящее сообщение носит предварительный характер и на решение каких бы то ни было проблем не претендует.

Недавно в Ставропольском крае работами новостроечной экспедиции была исследована довольно большая курганная группа у с. Веселая Роща. В 1978 г. здесь обнаружено детское катакомбное погребение с большим набором инвентаря и глиняными моделями двух колес в прямоугольной входной яме¹. В 1979 г. найдено шесть деревянных повозок, о которых и пойдет речь.

Все повозки встречены в курганах значительного размера, возвышающихся компактной группой в восточной части курганного могильника. Курган 7 диаметром 56 м достигал высоты 182 см; курган 10 того же диаметра — 280 см; курган 15, в котором найдены три деревянные повозки, диаметром 50 м имел в высоту 244 см; курган 16 при диаметре 56 м возвышался на 285 см. Все погребения с повозками впускные и относятся к катакомбной культуре. Из четырех курганов, содержавших повозки, в двух (10 и 15) основные погребения — ямной культуры, а в двух других (7 и 16) — северокавказской.

Любопытно, что в кургане 15 три катакомбных погребения с повозками расположены вокруг центрального, ямного, погребения, перерезанного впускным северокавказским.

Наиболее ранним из погребений с повозками является погребение 5 кургана 16 (рис. 1). Оно расположено в восточной поле кургана, в 7,7 м к востоку и в 4,7 м к югу от его центра. Погребение составляли входная яма необычной конструкции и две катакомбы, соединенные друг с другом. В первой из них найдены остатки повозки. Яма почти прямоугольной формы, ориентирована с северо-запада на юго-восток, ее максимальная длина 2,50 м, а ширина — 2 м. Дно входной ямы полого спускалось к входу в первую катакомбу. В нем пробиты две колеи для колес повозки, поставленной в первой катакомбе (рис. 1). От входной ямы катакомба отделена ступенькой высотой до 60 см. Колеи (глубина восточной 69 см, западной — 68 см) давали возможность безопасного спуска повозки.

На стенках входной ямы отмечены следы теслообразного орудия (ширина лезвия 7—8 см). По краю ступеньки, отделяющей входную яму от первой камеры, и по краям желобов для колес прослежены остатки истлевшего тростника. Они заходили на стенки первой катакомбы и были найдены в ее заполнении.

Первая камера в плане была прямоугольной. Она вытянута с юго-запада на северо-восток на 2,75 м при ширине 1,80 м, высота стенок прослеживалась до 1,90 м, высота свода была, по-видимому, немногим больше. Следы орудий на стенках камеры соответствовали следам на стенках входной ямы. Стенки обмазаны известняковым раствором. Следы орудий в верхней части камеры направлены горизонтально, в нижней — вертикально.

В заполнении камеры на глубине от 3,66 до 4,73 м было встречено девять плоских камней — возможно, из заклада входа в катакомбу. Дно первой камеры, довольно ровное, понижающееся лишь на 4 см по направлению к выходу во вторую, меньшую, камеру, было посыпано мелом. На дне камеры лежали остатки погребальной повозки — четыре колеса и мелкие разрозненные фрагменты дерева. Хорошо сохранились юго-восточное и юго-западное колёса. У юго-восточного колеса уцелела значительная часть ступицы (ширина 17 см при предположительной ширине до 25 см) с отверстием диаметром 5—7 см. В отверстии была обнаружена и сама ось повозки диаметром до 5 см. Колесо имело цельнодеревянную конструкцию, состоящую из нескольких частей. Толщина колеса 5 см, диаметр его не менее

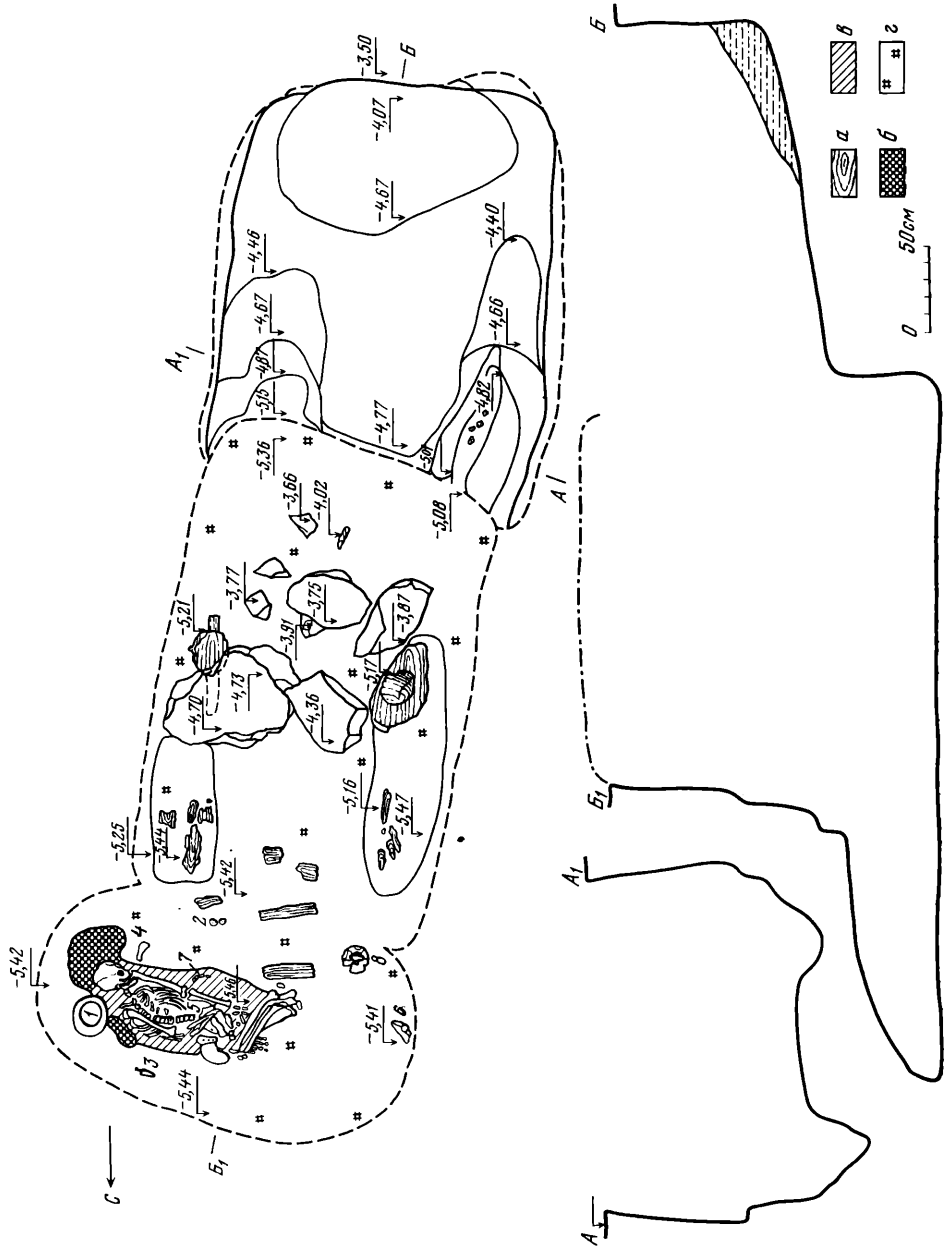

Рис. 1. План и разрезы по-
гребеня 5 кургана 16 в
группе Веселая Гоца

- 1 — сосуд;
- 2 — две кварцитовые гальки;
- 3 — бронзовый нож;
- 4 — топор;
- 5 — кремневый наконечник
стрелы;
- 6 — лопатка овцы;
- 7 — бусины;
- 8 — развал кургильницы;
- а — дерево;
- б — охра;
- в — тлен;
- г — мел

60 см, ширина сохранившейся части 55 см. Юго-западное колесо аналогично юго-восточному, северо-западное и северо-восточное сохранились очень плохо. Детали их не читались. Северо-западное и юго-западное колёса были углублены в землю. В этих углублениях также прослежена меловая подсыпка.

Первая, большая, камера переходит в малую, выдолбленную в виде подбоя в ее северо-восточной стенке и не отделенную от большой ни ступенью, ни порошком: есть лишь небольшой уклон (с разницей уровней 2—4 см) к северо-востоку. Как и в первой камере, на стенках второй сохранились следы известняковой обмазки. В плане эта камера овальная, вытянута с юго-запада на северо-восток на 2,27 м, ширина до 1,30 м. Высота свода 50 см, ширина лаза в камеру 1,55 м.

На дне, посыпанном мелом, поверх органической подстилки под всем скелетом и охры — под головой и у правого плеча, лежал костяк мужчины на левом боку в скорченной позе, черепом на северо-восток, лицом к входу. Кости хорошей сохранности. Левая рука вытянута вдоль туловища, правая чуть согнута в локте, кисти помещались перед тазом, ноги сильно согнуты в коленях, пятки прижаты к тазу.

За головой стоял биконический сосуд, орнаментированный отгисками шнура и рядами треугольных вдавлений. Под орнаментальным пояском располагались две трехчастные ручки-налепы (рис. 2, 1). Диаметр сосуда 20 см, высота — 13 см. У входа лежали две круглые кварцевые гальки (рис. 2, 2). За спиной погребенного находился бронзовый нож удлинненно листовидной формы (рис. 2, 3) длиной 12,8 см, шириной 2,8 см. Подобные ножи были распространены в катакомбное время на широкой территории². Перед лицом погребенного лежал сверленный вислообушный топорик из змеевика (благородного серпентина), отполированный до зеркального блеска (рис. 2, 4). Длина его 11,5 см. В отверстиях — остатки деревянной ручки, расширенной двумя бронзовыми клинышками, как это делали до наших дней. Подобные топоры по классификации А. Л. Нечитайло относятся к первому виду топоров кабардино-пятигорского типа и датируются рубежом III—II тысячелетий до н. э.³ Кроме описанных предметов, в камере у левого крыла тазовой кости скелета найден кремневый наконечник стрелы с двусторонней чешуйчатой ретушью и глубокой арочной выемкой в основании (рис. 1, 7; 2, 5). У сгиба локтя были рассыпаны бусины (бронзовые и из раковин моллюска). В ногах стояла перевернутая вверх дном курильница на четырехлепестковой ножке, орнаментированная прочерченными висячими треугольниками с ямками между ними (рис. 1, 8). У юго-западной стенки камеры была положена баранья лопатка (рис. 1, 6).

Погребение датируется по комплексу вещей рубежом III—II или самым началом II тысячелетия до н. э.

Так же, как и повозка в кургане 15, на колесах стояли деревянные повозки в погребении 7 кургана 7 (рис. 3, I) и в погребениях 2 и 9 кургана 15 (рис. 3, II). Все эти повозки были найдены во входных ямах перед катакомбами, все «ехали» на север⁴. Они имели лучшую сохранность, чем уже описанная повозка, поэтому и конструкцию их проследить было легче. Основной частью повозки служила прямоугольная рама, иногда скрепленная крестовиной, прослеженной в погребении 7 кургана 7 (рис. 3, I). Рама подобной конструкции опубликована В. И. Козенковой⁵. Размеры рам у повозок с колесами от 85×125 до 110×145 см. Сделаны рамы из тесаных брусков, квадратных в сечении (10×10 см). К раме крепились снизу оси колес, а сверху при помощи деревянных штырьков — кузов повозки.

Точно так же были скреплены и дощечки, из которых сделаны колеса. В погребении 2 кургана 15 и в погребении 9 того же кургана хорошо видны штырьки диаметром 2 см, длиной до 7 см, вбитые в отверстия, просверленные в плашках колес. Сами колеса при толщине 5—6 см имели диаметр 55—62 см. Количество дощечек, из которых они были сделаны, варьировало от трех до семи, по-видимому, в зависимости от ширины дощечек.

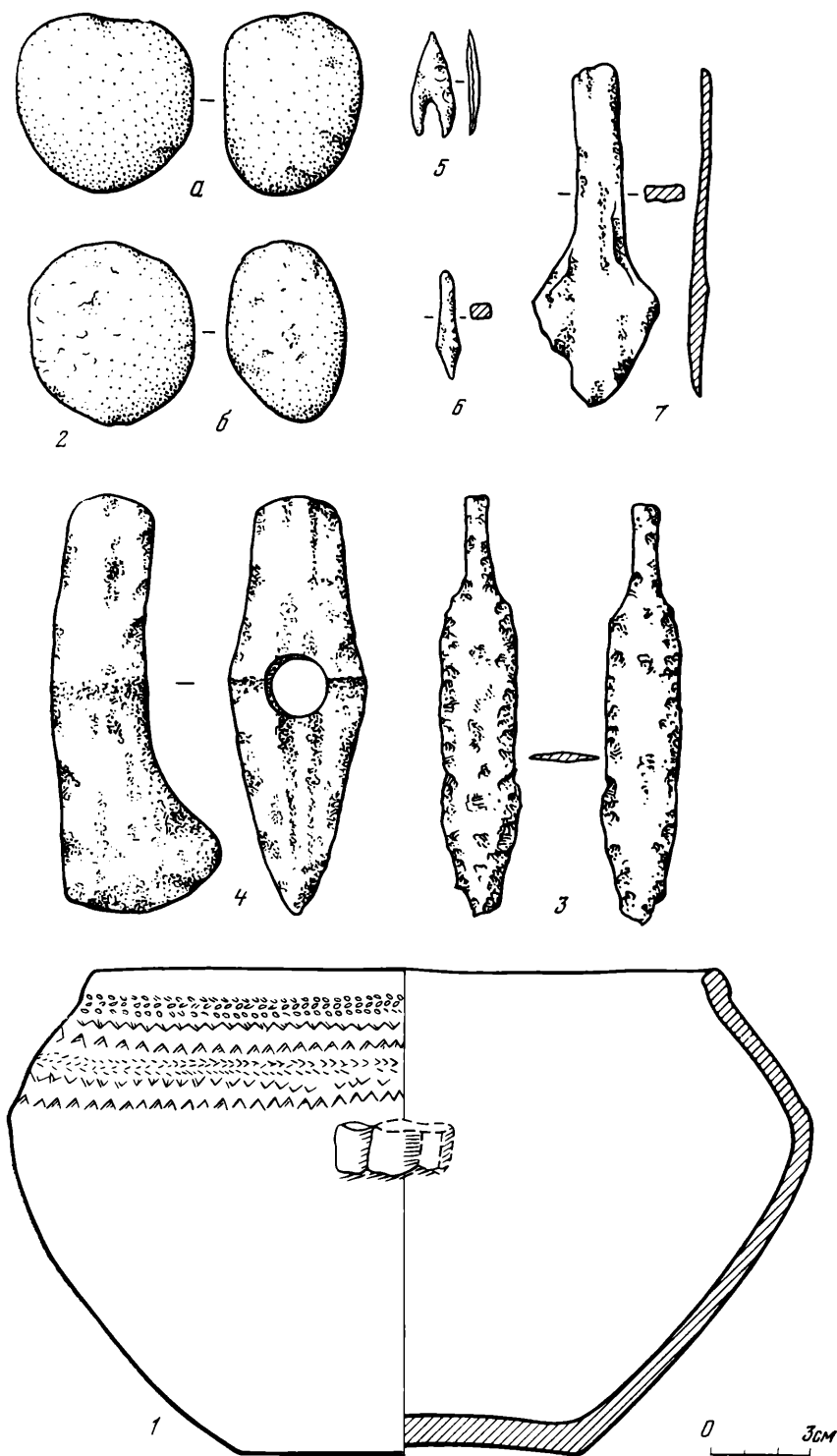

Рис. 2. Предметы из курганов в группе Веселая Роща
 1—5 — погребение 5 кургана 16; 6, 7 — погребение 7 кургана 7

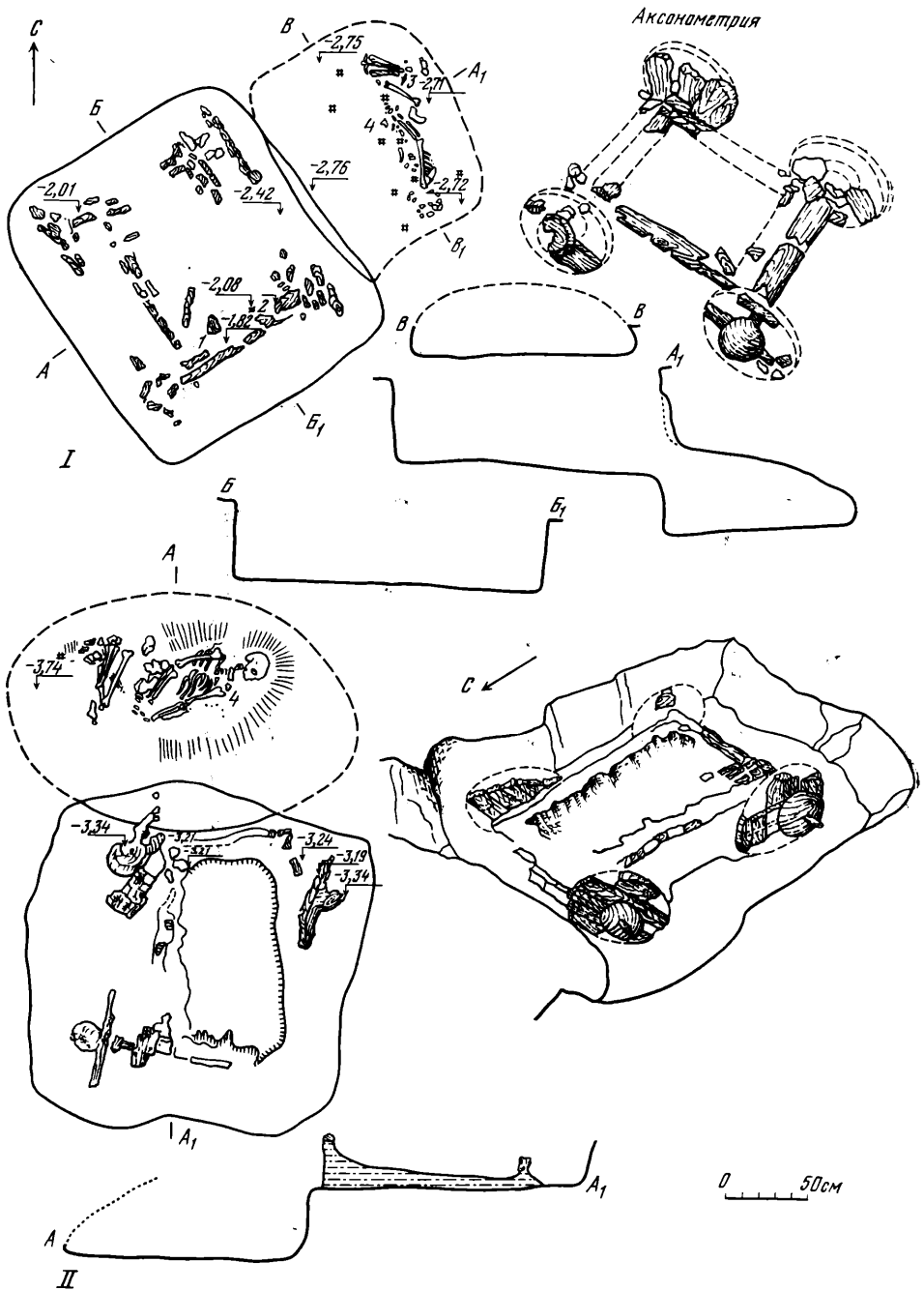

Рис. 3. Планы, разрезы и аксонометрия повозок

I — погребение 7 кургана 7; II — погребение 9 кургана 15: 1 — лопатка овцы; 2 — бронзовое шило; 3 — бронзовый нож; 4 — бусы из гешира и сердолика

Все повозки сделаны из мягких пород дерева: тополя, осины, вяза, ясеня⁶.

Днище повозки устилалось подстилкой из камыша, на нее же клали жертвенную пищу, как в погребении 7 кургана 7 или в погребении 2 кургана 15, орудия труда, как в погребении 10 кургана 15, где на повозку была положена каменная зернотерка, а также другие предметы.

К иному типу относятся повозки с моделями колес, положенными по углам рамы (как в погребении 10 кургана 15) или со снятыми колесами,

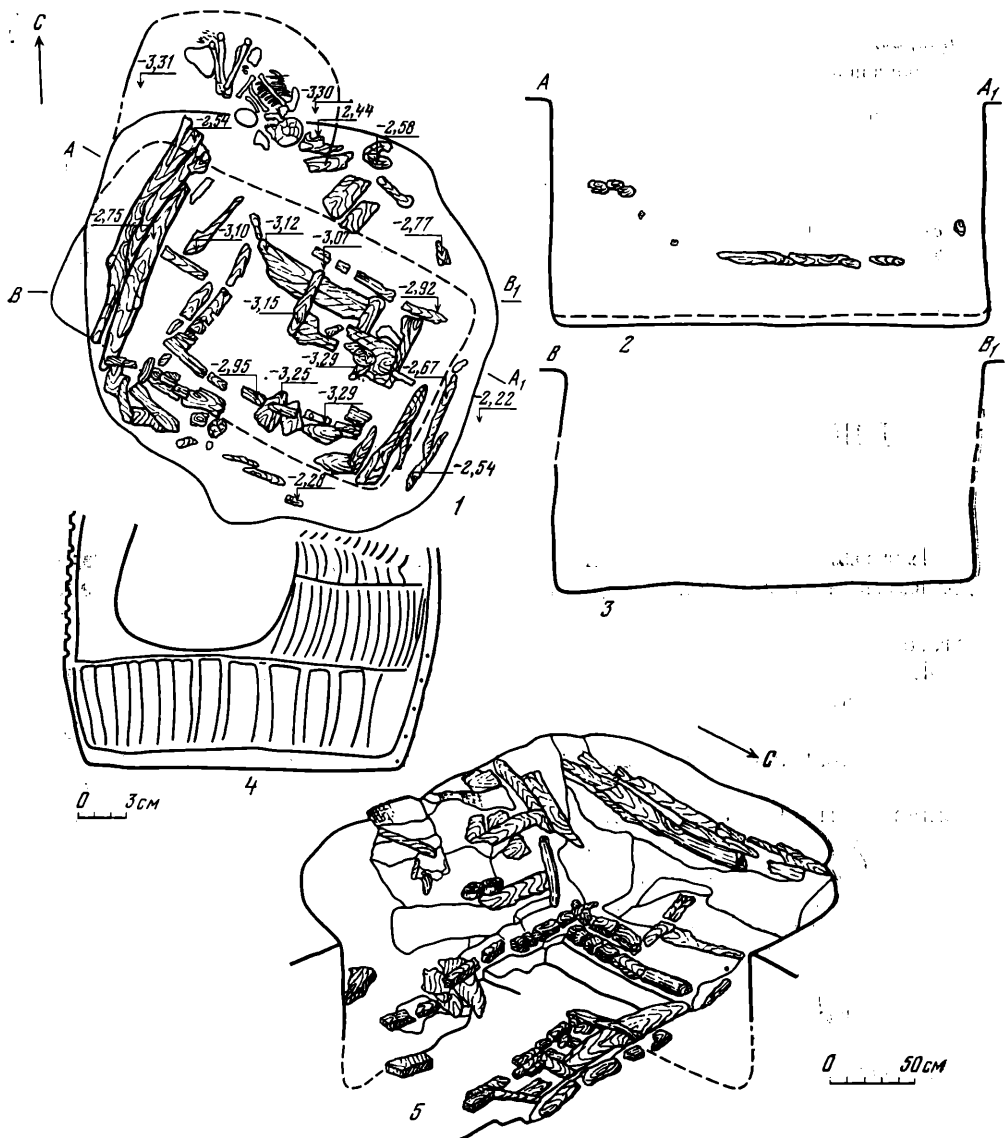

Рис. 4. План и разрезы погребения 7 кургана 10 (1—3); прорисовка детали глиняной модели повозки из курганной группы Чограй III (4); аксонометрия повозки (5).

как в погребении 7 кургана 10 (рис. 4). В конструкции этой повозки хорошо видны два передних бруса, закрепленных, как ложный сруб, с достаточно широким зазором, в котором крепилось дышло повозки (рис. 4). Замечательная деталь отличала раму этой повозки: сохранились сверлины для крепления кузова к раме и дно повозки, состоящее из продольных плашек, скрепленных поперечными (рис. 4).

Сверлины для шпонок креплений имели диаметр 2,5—3 см. Всего таких отверстий в юго-западной раме повозки было пять. Этот способ крепления кузова к раме повозки прекрасно отражен в наивном рисунке на стенке глиняной модели повозки, найденной в сезон 1979 г. М. В. Андреевой¹. На этом рисунке (рис. 4) мы видим девять вертикальных стерженьков, уходящих в раму, а выше переплетенных лозой или камышом.

¹ Романовская М. А. Отчет о раскопках могильника Веселая Роща в 1979 г. Архив ИА.

² Братченко С. Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976,

с. 87, рис. 46, 5; с 144, рис. 72, 1, 30; табл. II, 2; III, 18, 23; IV, 12; Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы.— МИА, 1960, 93, с. 92, рис. 42, 7.

- ³ Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978, с. 37, 58, рис. 14, 3.
- ⁴ Здесь уместно вспомнить о том, что у индоарийцев на севере и северо-востоке помещалась страна «блаженных» и духов, недоступная для смертных. См.: Левин Г. М., Грантовский Э. А. От Скифии до Индии. М., 1974, с. 112, 113.
- ⁵ Козенкова В. И. Новые материалы по бронзовому веку в Западном Предкавказье.— КСИА, 1978, 134, с. 65, рис. 20.
- ⁶ Все определения породы дерева сделаны Г. Н. Лисицыной в лаборатории ИА.
- ⁷ Андреева М. В. Отчет о работах Арзирского отряда Ставропольской экспедиции 1979 г. Альбом, рис. 29; 35, правый. Архив ИА.

В. М. БАТЧАЕВ, С. Н. КОРЕНЕВСКИЙ

ДВЕ НАХОДКИ ЭПОХИ РАННЕГО МЕТАЛЛА ИЗ КАБАРДИНО-БАЛКАРИИ

Настоящая заметка посвящена публикации двух предметов, редких для круга металлических изделий эпохи докобанского времени Кабардино-Балкарии: бронзовому «наконечнику копья» и литейной форме втульчатого топора.

Изделие, напоминающее бронзовый наконечник копья, было обнаружено в 1980 г. при строительных работах в котловане на окраине г. Баксан. Его конструкция необычна и заслуживает подробного описания. Оружие по всем признакам принадлежит к так называемым черенковым представителям категории (рис. 1, 1). Его длина огромна — 525 мм, длина клинка достигает 380 мм при ширине 85 мм. Черенок имеет обычную двусложную конструкцию. Прилегающая к клинку часть уплощенная, ромбическая в сечении. Длина ее 50 мм. Она переходит в квадратное окончание. В нем видна вмятинка — видимо, след литейного или кузнечного производства. Черенковые бронзовые наконечники копий имели широкое хождение в период ранней бронзы в ареале куро-араксинского региона металлообработки. Для племен майкопской культуры предгорий Кавказа это был редкий вид оружия. Пока мы знаем только две находки подобных наконечников из курганов у станиц Новосвободная и Псебайская¹. Особенно велико параметрами второе изделие, достигающая 460 мм. Крупные размеры таких вещей, очевидно, были не столь редкими. Баксанское оружие отличается от прикубанских устройством черенковой части. В какой-то мере ему близок наконечник из горной Сванетии с таким же гигантским лезвием и укороченным почти ромбическим черенком².

Оригинальность этих предметов заключается в конструкции крепящего окончания. Оно явно подработано, притуплено, превращено как бы в рукоять, придавая изделию вид огромного кинжала или меча. У большинства черенковых наконечников копий конец стержня подострен, если он не имеет отверстий³.

Предмет такого вида приближается по строению формы к типам кинжалов среднебронзового периода с выделенным и подостренным лезвием и притупленной верхней частью. Они были широко известны племенам северокавказской и катакомбной культурно-исторической общности (рис. 1, 2, 3)⁴. Поэтому кабардино-балкарская находка позволяет поставить вопрос, не являются ли бронзовые наконечники копий с ромбическим черенком прообразами ножей так называемого катакомбного типа предгорий Кавказа, поскольку вторичное использование первых в качестве кинжалов или мечей может рассматриваться как определенная вероятность утилитарного предназначения.

Бронзовые наконечники копий Кавказа раннего бронзового века, находящиеся в закрытых комплексах, отличаются сходством конструкций. Черенок у них прямой, круглый в верхней части и квадратный в нижней.

Таковы предметы из майкопских погребений, находки на Чиркейском

поселении Дагестана, из кургана у с. Тельмана в прикаспийском Азербайджане⁵. В целом формы этой категории на Кавказе более разнообразны. Среди них есть изделия с различным типом крепления с древком — путем прямого насада, насада с изгибом черенка в крюк, посредством отверстий в черенке. Как долго население Кавказа пользовалось таким типом оружия после ранне-бронзового времени, еще не вполне ясно. Большинство находок связано со случайными поступлениями. Баксанский наконечник отличается от предметов из комплексов майкопской культуры Прикубанья и других находок этой эпохи из поселений и погребений куро-араксинского региона, что отмечалось выше. Поэтому его можно датировать временем раннего бронзового века только условно. Для уточнения датировки находки необходимы поступления из закрытых комплексов.

Находки литейных форм бронзовых топоров на Северном Кавказе — большая редкость. На территории Кабардино-Балкарии первая из них была обнаружена при случайных обстоятельствах в 1976 г. в ходе разработки галечно-щебеночного карьера у с. Былым в 9 км к северо-востоку от г. Тырнауз. Былымский карьер расположен в высокогорной зоне, в непосредственной близости к открытым просторам предгорий. Во время спасательных раскопок здесь выявлено несколько захоронений периода средней бронзы, инвентарь которых характеризует материальную культуру горных племен северокавказской культурно-исторической общности докобанского периода⁶. Кроме того, в этом же районе, приблизительно в 200 м от карьера, обнаружены погребения катакомбной культурно-исторической общности⁷. Однако коллекция депасартизованных, «случайных» поступлений от строителей во много раз превосходит объем находок, добытых археологами Кабардино-Балкарии.

Литейная форма топора сохранилась в прекрасном состоянии. Она изготовлена довольно тщательно из хорошо отмученной глины. Обе створки матриц хорошо подогнаны друг к другу (рис. 2). Наружная поверхность заглажена вплоть до лощения, имеет красновато-охристый цвет. Под ней расположен слой белой глины-каолина. Внутренние части створок, которые должны плотно прилегать при сопоставлении, зашлифованы. На обеих видны следы закоптелости. Особенно отчетливо она проступает в виде черной полосы на нижней части. На матрицах, несущих контуры изделия, также заметно тонкое покрытие каолином. Сквозь него прослеживается коренная глина формы, имеющая черный цвет. Длина матриц 21 см, высота обушной, тыльной, части 8 см, передней — 8 см. Диаметр отверстия втулки 3 см снизу и 3,7 см сверху. Форма изящно изогнута, как бы повторяя контуры отливаемого предмета.

Литник устроен в верхней части матриц, так что заливка металла происходила со стороны спинки топора. Он имеет форму треугольной цели, охватывая контуры отверстия, куда должен вставляться сердечник, и суживаясь в направлении к лезвию. Длина литника 11 см, максимальная ширина 3 см. Края его слегка выкрошены.

Керамические особенности литейной формы указывают, что она вышла из рук специалистов, имевших профессиональный навык, хорошо знавших

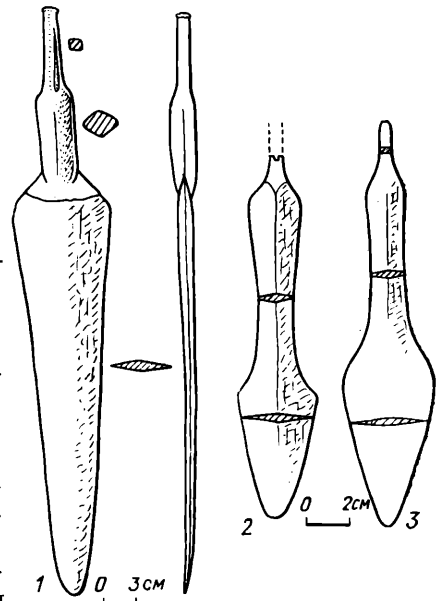

Рис. 1. Черешковый наконечник копья и ножи катакомбного типа из Кабардино-Балкарии

- 1 — Баксан;
- 2 — с. Советское, разрушенный курган;
- 3 — с. Каменноостное

Рис. 2. Литейная форма из с. Былым

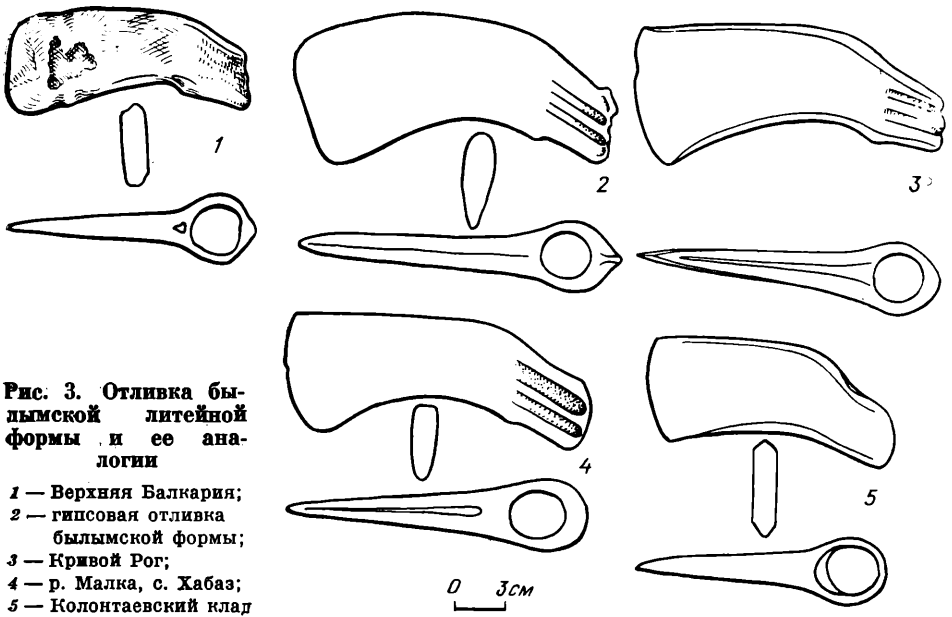
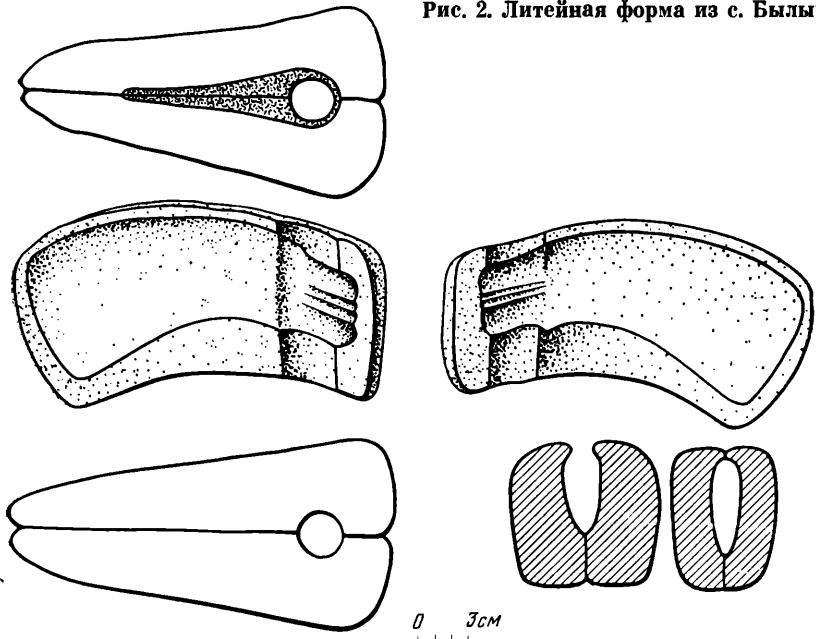

Рис. 3. Отливка былымской литейной формы и ее аналогии

- 1 — Верхняя Балкария;
- 2 — гипсовая отливка былымской формы;
- 3 — Кривой Рог;
- 4 — р. Малка, с. Кабаз;
- 5 — Колонтаевский клад

потребности литейного дела (может быть, даже самих литейщиков?). Покрытие внутренней и внешней сторон матриц огнеупорным каолином предохраняло ее от повреждений, возникавших при высоких температурах расплавленного металла (температура плавления меди 1081°) и при подогреве конструкции перед заливкой в очаге или горне. Последнее обстоятельство подтверждается как наличием каолиновой обмазки, так и следами закоптелости.

Очертания топора четко прослеживаются по конфигурации матриц и гипсовой отливке (рис. 3, 2). Орудие имело в длину около 18 см, размеры лезвия примерно 7,7 мм, диаметр отверстия 3×3 см. Спинка клина слегка изогнута, хотя истинные ее формы могли измениться в результате усадки металла, проковки. Брюшко клина подострено. Оно прогнуто и пере-

ходит непосредственно в нижний край втулки. Последний скошен на угол для придачи большей прочности креплению обуха с рукоятью. Втулка украшена широким желобом, внутри которого отлито два узких валика.

Техника литья топоров в спинку через литник была наиболее характерной для среднебронзового времени племен Большого Кавказа и Предкавказья. С наступлением кобанского периода она была заменена литьем орудий через литник в обух. Топоры же раннебронзовой эпохи отливались в брышко. После исчезновения с исторической арены носителей майкопской культуры древняя техника литья еще сохранялась в общих принципах у кузнецов Предкавказья и Большого Кавказа. Но сами вещи претерпели значительные изменения⁸. Типы топоров среднебронзового времени, отливаемых через литник в спинку, очень разнообразны и многочисленны.

Былымская находка явно не относится к арковидным типам топоров с тонким планом из северной Грузии и дольменов Абхазии⁹, известных частично и на Северном Кавказе. В какой-то мере она принадлежит к кругу изделий с широким планом клина укороченных пропорций. Примерно такой конструкции орудие в Кабардино-Балкарии было обнаружено у с. Хабаз на р. Малка (рис. 3, 4). Оно так же отливалось со спинки, втулка украшена такими же валиками. Отличие кроется лишь в очертаниях спинки, прямой у орудия из с. Хабаз. Еще одно изделие, напоминающее отливку былымской формы, найдено в верховьях р. Псыгансу (рис. 3, 1). Способ его отливки не вполне ясен. Конфигурация предмета типична для топоров, отливаемых в спинку, но на клине у втулки снизу заметно небольшое углубление. След ли это усадочной раковины или порок литья — при визуальном осмотре сказать трудно, так как рубящая часть несет многочисленные следы неровностей, вмятин.

Особый интерес вызывает сопоставление отливки былымской формы с топорами колонтаевского типа — самой массовой группы орудий этой категории племен катакомбной, многоваликовой, полтавкинской культурно-исторической общности Волго-Днепровского региона (рис. 3, 3, 5). Эти топоры имели свои принципы построения и пропорций клина, втулки с довольно широким диапазоном вариаций признаков. Одно из них, обнаруженное у г. Кривой Рог (рис. 3, 3), близко кавказскому даже в деталях и размерах. Литейные формы топоров колонтаевского типа (например, из Калиновского могильника)¹⁰ мало чем отличимы от былымской находки. Небольшая разница между публикуемой отливкой и волго-днепровскими топорами заключается в оформлении клина. На отливке не прослеживается огранка брышка — характерная деталь степных орудий. Но насколько важно такое отличие? Ведь огранка клина топора, его окончательная отделка были следствием обработки предмета уже после изготовления конструкции в форме. А о конечном виде топора по гипсовой отливке в деталях, конечно, судить невозможно. Поэтому еще нельзя сказать, имело ли упомянутое различие в строении рубящей части столь важное значение, чтобы выделять по нему особый, отличный от колонтаевского типа, вид топоров. Таким образом, находку в Былымском карьере условно можно отнести к формам топоров степного колонтаевского типа или по крайней мере к очень близким типам орудий.

Достоверных находок «колонтаевских» топоров в Предкавказье пока нет, если не считать прикубанский предмет, изданный в коллекции Зичи¹¹. Однако А. А. Иессен скептически относился к этому собранию¹². Поэтому ценность былымской находки заключается в том, что она документирует производство орудий, весьма схожих с орудиями катакомбного периода металлообработки волго-днепровского региона, в горных районах Центрального Кавказа, на границе с равниной, открытой частью Предкавказья. По аналогиям со степными топорами «колонтаевского» облика и их литейными формами кабардино-балкарскую находку можно датировать широкими рамками первой половины — середины II тысячелетия до н. э., т. е. диапазоном существования памятников культур катакомбного периода металлообработки волго-днепровского региона.

Былымский карьер является третьим пунктом, в центральной части Большого Кавказа и Предкавказья, где обнаружены следы деятельности кузнецов периода средней бронзы. Первые — это с. Кубан¹³ и хут. Веселая Роща Александровского р-на Ставропольского края (погребение 3 кургана 3 — захоронение мастера)¹⁴. Все подобные находки говорят об отливках более или менее схожих орудий с широким планом клина, широкой шейкой, слабо выделенной передней стенкой втулки, заметно отличающихся от арочных топоров с узким планом клина Большого Кавказа (так называемых сачерских типов). Устройство литника у них также связано с верхней частью клинка — спинкой.

Публикуемая форма скорее всего происходит из погребения литейщика. Но принадлежность его к этнокультурной среде однозначно определить невозможно, так как в этой зоне попадают захоронения племен как северокавказской, так и катакомбной культурно-исторических общностей.

- ¹ *Корневский С. Н.* Комплекс бронзовых орудий майкопского погребения у ст. Псебайской.— КСИА, 1975, 142, с. 69, рис. 1, 1, 8.
- ² *Чартолани Ш. Г.* Археологические памятники эпохи бронзы из Сванети. Тбилиси, 1977, т. I, Каталог, табл. VIII, 2.
- ³ *Абесадазе Ц.* Производство металла в Закавказье в III тысячелетии до н. э. Тбилиси, 1969, табл. IV, 90; VI, 133—139.
- ⁴ *Корневский С. Н.* О металлических ножах ямной, полавкинской и катакомбной культур.— СА, 1978, 2, с. 37, рис. 4, 11—43.
- ⁵ *Корневский С. Н.* О металле эпохи ранней бронзы Дагестана.— МАД, 1978, 8, с. 40, рис. 1, 5; *Мазмудов Ф. А., Мунчаев Р. М., Нариманов И. Г.* О древнейшей металлургии Кавказа.— СА, 1968, 4, с. 21, рис. 5, 7, 8.
- ⁶ *Мизиев И. М., Ступников Р. Н.* Отчет об археологических работах у г. Тырнауза КБАССР в 1976 г. Архив КБИИ-ФЭ, инв. № 2240, с. 1—8.
- ⁷ *Батчаев В. М., Кереев Б. М., Ступников Р. Н.* Отчет об археологических раскопках 1977 г. в районе с. Былым и Халам. Архив КБИИ-ФЭ, инв. № 2275, с. 2—6; *Они же.* Работы в Кабардино-Балкарии.— АО 1977 г. М., 1978, с. 106.
- ⁸ *Корневский С. Н.* Металлические орудия труда и оружие эпохи бронзы Восточной Европы (втульчатые топоры). Автореф. канд. дис. М., 1975.
- ⁹ *Абесадазе Ц.* Производство металла..., табл. III, 76—86; VII, 140—143, 145.
- ¹⁰ *Корневский С. Н.* О металлических топорах Северного Причерноморья, Среднего и Нижнего Поволжья эпохи средней бронзы.— СА, 1976, 4, с. 22, рис. 6; с. 23, рис. 7; *Шилов В. П.* О древней металлургии и металлообработке в Нижнем Поволжье.— МИА, 1959, 60, рис. 5.
- ¹¹ *Zichy E.* Voyages au Caucase et Asie Centrale. Budapest, 1897, tabl. II, 7.
- ¹² *Иссен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, 1951, 23, с. 87.
- ¹³ *Иссен А. А.* К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе.— ИГАИМК, 1935, 120, с. 102, рис. 10, 6 (нижняя створка).
- ¹⁴ *Державин В. Л.* Первое погребение кузнеца-литейщика на Северном Кавказе.— В кн.: VIII КЧ. Нальчик, 1978 с. 64, 65.

ХРОНИКА

ИТОГИ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРОБЛЕМЫ ЭНЕОЛИТА СТЕПНОЙ И ЛЕСОСТЕПНОЙ ПОЛОС ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ»

19—22 февраля 1980 г. в Оренбурге состоялась научная конференция, посвященная проблемам энеолита степной и лесостепной полос Восточной Европы. Конференция была организована Оренбургским государственным педагогическим институтом при участии Института археологии АН СССР. На конференции присутствовали специалисты из РСФСР, Украинской ССР, Казахской ССР (Москва, Ленинград, Киев, Днепропетровск, Казань, Уфа, Куйбышев, Свердловск, Оренбург, Челябинск, Кустанай, Астрахань, Саратов, Волгоград, Воронеж, Ростов-на-Дону, Йошкар-Ола, Орск, Новотроицк и др.).

Следует отметить, что это была первая в СССР конференция, посвященная указанной проблематике. До сих пор само наличие энеолита в степной и лесостепной зонах (а тем более лесной) вызывало дискуссию, а конкретные проявления этого важнейшего периода не подвергались специальному рассмотрению. Не было единства и в понимании самого термина энеолит.

Выдающиеся открытия, сделанные за последние годы в лесостепной полосе, прежде всего в Волго-Уральском районе, обусловили выбор Оренбурга как места проведения конференции. Должна быть подчеркнута и безусловная перспективность дальнейших исследований в этом районе.

На конференции было заслушано более 40 докладов, посвященных как определению самого понятия энеолит, так и особенностей его применительно к зонам степи, лесостепи и леса.

В результате активного обсуждения докладов участники конференции пришли к заключению, что под энеолитом указанных территорий следует понимать исторический период, характеризующийся внедрением металла и значительными прогрессивными сдвигами в развитии экономики. При этом следует учитывать как появление и развитие на определенных территориях новых, производящих, форм экономики, так и заметное совершенствование традиционных форм присваивающей экономики. Для степи в этот период констатируется выработка специфических форм скотоводческой экономики, для лесостепи — интенсивное внедрение производящего хозяйства, для леса — важные сдвиги в формах и продуктивности присваивающей экономики.

Археологическим выражением исторического процесса в указанный период явилось формирование больших культурно-исторических областей, знаменующих особенности развития на конкретных территориях в определенные хронологические периоды.

Ранний этап энеолита на огромной территории степи и лесостепи Восточной Европы документируется памятниками, которые конференция связывает с понятием мариупольской культурно-исторической области. Сле-

дующий этап представлен хвалыньско-среднестоговской культурно-исторической областью, ставшей важнейшей основой формирования ямной культурно-исторической области раннего бронзового века.

В лесной зоне Восточной Европы соответствующие этапы развития энеолита документируются памятниками, объединяемыми в волосовско-турбинскую культурно-историческую область.

Конкретные территории каждой из зон имеют глубоко своеобразные особенности.

Конференция считает необходимым:

1. Продолжение и расширение полевых археологических исследований во всех отмеченных регионах, в том числе Волжско-Уральском, значение которого четко выявлено результатами последних работ.

2. Внедрение научных заключений конференции в учебный процесс исторических факультетов и педагогических институтов.

3. Скорейшую публикацию материалов конференции.

4. Продолжение практики созыва конференций по проблемам неолита, энеолита и бронзового века Восточной Европы.

Проведение следующей конференции планируется в 1983—1984 гг. в г. Куйбышев.

Конференция выражает глубокую благодарность Оренбургскому обкому КПСС и Оренбургскому педагогическому институту за превосходную организацию проведенной работы.

СЕМИНАР «ПРОБЛЕМЫ АНДРОНОВСКОЙ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ»

7—13 апреля 1980 г. в Петропавловске и Челябинске проходил II археологический семинар, посвященный проблемам андроновской культурно-исторической общности. В работе семинара приняли участие Институт археологии АН СССР (Москва, Ленинград), Институт этнографии АН СССР, Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР, Институт археологии АН Украинской ССР, Институт истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР, Институт истории АН Киргизской ССР, Институт истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, Институт языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, Институт языка, литературы и истории имени Г. Ибрагимова Казанского филиала АН СССР, Башкирский, Калининский, Карагандинский, Казахский, Омский, Ростовский, Саратовский, Самаркандский, Уральский, Томский, Челябинский государственные университеты, Кустанайский, Куйбышевский, Петропавловский, Челябинский педагогические институты, Государственный исторический музей, Исторический музей Киргизской ССР, Северо-Казахстанский областной историко-краеведческий музей, Актюбинский и Челябинский областные музеи, Новосибирский, Челябинский и Экибастузский Дворцы пионеров и школьников, Северо-Казахстанское и Челябинское областные отделения Всесоюзного общества охраны памятников истории и культуры.

Следует с удовлетворением отметить активное участие в семинаре большой группы молодых археологов из различных научных центров и организаций.

На заседаниях было заслушано около 50 докладов, в которых в различных аспектах рассматривались вопросы, связанные с культурами бронзового века степей и лесостепей Урала, Казахстана, Средней Азии, Западной и Южной Сибири. Участники семинара имели возможность ознакомиться с новыми массовыми археологическими материалами из фондов Северо-Казахстанского и Челябинского краеведческих музеев, археологических лабораторий Челябинского государственного университета, Петропавловского и Челябинского педагогических институтов, а также рядом интерес-

ных коллекций, любезно предоставленных участниками семинара из различных районов распространения культур андроновской и срубной культурно-исторических общностей.

Совещание констатирует значительные успехи в изучении андроновской проблематики, достигнутые за последнее десятилетие.

Широкие полевые исследования, проведенные в Северном и Центральном Казахстане, на Южном Урале и в сопредельных районах Западной Сибири, дали новые богатейшие материалы по истории степных и лесостепных культур бронзового века. Опубликованы крупные исследования: Е. Н. Черных. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья (М., 1970); В. С. Стоколос. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (М., 1972); В. И. Матющенко. Андроновская культура на верхней Оби (Томск, 1973); М. Ф. Косарев. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья (М., 1974); М. А. Итина. История степных племен Южного Приуралья (М., 1977); К. Ф. Смирнов, Е. Е. Кузьмина. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий (М., 1977); Г. А. Максименков. Андроновская культура на Енисее (Л., 1978); А. Х. Маргулан. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана (Алма-Ата, 1979).

Важным достижением в изучении андроновской общности явились открытие петровского этапа алакульской культуры и локализация массива памятников петровского типа в лесостепных областях Притоболья и Прииртышья. Совещание констатирует согласие большинства исследователей с выделением этого этапа, его относительной и абсолютной датировкой в рамках новокумакского хронологического горизонта. Петровская проблема открывает новые аспекты в изучении ранее известных культур. В этом плане представляются перспективными установление соответствий петровских и наиболее ранних срубных памятников, хронологическое и культурно-историческое сопоставление тех и других с культурами западных степей Восточной Европы и восточных районов Казахстана и Западной Сибири.

Семинар отметил достижения в исследовании заключительного этапа бронзового века как особого историко-культурного явления. Серьезным моментом в этом плане следует считать открытие ряда однослойных памятников в Северном и Центральном Казахстане, содержащих валиковую керамику, и исследование культурного комплекса Саргары.

Важной вехой в решении андроновской проблемы является заметное расширение представлений об андроновском металлургическом инвентаре, прежде всего за счет изучения материалов поселений. Семинар считает необходимым продолжение специальных работ по изучению андроновской металлургии и металлообработки с помощью технических и технологических методов.

Семинар обратил внимание исследователей на необходимость глубоко разрабатывать методологические вопросы историко-археологических исследований.

Отмечена важность дальнейшего исследования исторических судеб андроновского населения и андроновской культурно-исторической общности в свете современного состояния индоиранской проблемы и проблемы происхождения ряда народов СССР. Интенсивное изучение памятников андроновского времени лесных и лесостепных районов Зауралья и Западной Сибири получает особое значение в связи с разработкой общих вопросов периодизации и хронологии культур как самой андроновской общности, так и других, находившихся в контакте с ней.

Семинар констатировал высокий научный уровень археологических исследований, проводимых совместной Урало-Казахстанской экспедицией (Челябинский государственный университет, Петропавловский и Челябинский педагогические институты, Северо-Казахстанский и Челябинский областные краеведческие музеи, Северо-Казахстанское и Челябинское отделение Общества охраны памятников истории и культуры, Челябинское областное управление культуры), а также высокий уровень фондовой ра-

боты в Северо-Казахстанском областном музее, где сосредоточено более 150 тыс. единиц хранения археологических коллекций.

Отмечая особую плодотворность исследования памятников Урало-Казахстанской зоны и огромную перспективность в изучении этой территории, семинар обратил особое внимание на необходимость научного и организационного обеспечения этих работ. Конкретно признано необходимым завершение организационного оформления археологических лабораторий в Челябинском государственном университете и в Челябинском педагогическом институте. Семинар обратился к соответствующим органам с ходатайством о предоставлении Челябинскому областному краеведческому музею необходимого помещения для спасения уникальных фондовых материалов и обеспечения их надлежащей научной сохранности; о создании регионального Северо-Казахстанского археологического центра в городе Петропавловске.

Семинар отметил необходимость регулярного рабочего сотрудничества в исследовательской работе и координации в плане подготовки кадров для научных региональных центров Петропавловска и Челябинска с Институтом археологии АН СССР и отделом археологии Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР.

Признано целесообразным созывать семинары по андроновской проблеме на базе Урало-Казахстанской археологической экспедиции через каждые четыре года.

Семинар признал целесообразным широкое привлечение к участию в дальнейших совещаниях ученых из других регионов страны с тем, чтобы придать этим совещаниям характер Всесоюзных конференций по проблемам андроновской культурно-исторической общности.

Были с удовлетворением отмечены высокий уровень организации семинара и плодотворный характер его работы.

Б. Г. ТИХОНОВ

О РАБОТЕ СЕКТОРА НЕОЛИТА И БРОНЗЫ В 1978—1980 ГГ.

Изучение истории первобытного общества от палеолита до раннего железного века и постановка проблем этногенеза древнейших народов, обитавших на огромных пространствах нашей родины, являлись основными направлениями в исследовательской деятельности всех сотрудников сектора. Большие научные силы были сконцентрированы на подготовке к изданию многотомной «Археологии СССР».

За прошедшие три года сотрудниками сектора завершен ряд крупных работ по различным вопросам археологической науки. Монографическое описание многолетних раскопок уникального палеолитического комплекса Сунгирь с характеристикой полученного материала поселения и погребений, определение хронологического и исторического положения памятника дано в последней работе О. Н. Бадера «Сунгирь — верхнепалеолитическая стоянка» (М., 1978). Проблемам археологии каменного века посвящены две монографии. С. В. Ошибкина в книге «Неолит Восточного Прионежья» (М., 1978) изложила результаты исследования памятников каргопольской культуры и стоянок типа Мадлона, рассмотрела вопросы их происхождения, относительной и абсолютной хронологии, широко используя данные естественных наук. В книге исследуются вопросы хозяйственного развития каргопольских племен, их быта и идеологии. В. Ф. Старков в работе «Мезолит и неолит лесного Зауралья» (М., 1980) изложил характеристику трех археологических периодов в Зауралье — мезолита, неолита и энеолита.

В монографии В. И. Марковина «Дольмены Западного Кавказа» (М., 1978) обобщен материал, касающийся дольменов указанной области,

определены их ареал, типология, строительная техника, описаны ритуал дольменных захоронений и сопутствующий инвентарь. В заключительных разделах высказано предположение о связи дольменов Кавказа со Средиземноморьем и о вкладе носителей культуры дольменов в ранний этап этногенеза абхазо-адыгов.

Две книги посвящены проблемам зарубежной археологии. Монография «Езеро. Раннебронзовое селище» написана при участии Н. Я. Мерперта. В ней дана полная публикация материалов исследованного Болгаро-Советской экспедицией поселения раннего бронзового века в Юго-Восточной Болгарии и разработан ряд общих вопросов развития населения Юго-Восточной Европы в III тысячелетии до н. э.

Монография «Археология Венгрии. Каменный век» принадлежит перу трех авторов (М. Габори, В. С. Титова и И. Эрдели). Рассмотрена большая эпоха в истории Венгрии, дана характеристика культур и культурных групп, а также определены основные линии развития этой территории в каменном веке.

М. А. Дэвлет опубликовала в серии Свод археологических источников сибирские поясные ажурные пластины, введя таким образом в научный оборот высокохудожественные изделия из бронзы, служившие поясными пряжками. В. Ф. Старков в соавторстве с М. И. Беловым и О. В. Овсянниковым работал над книгой «Мангазея. Мангазейский морской ход» (ч. I), посвященной освоению русскими Северного морского пути, далеких северных областей и роли Мангазеи в этом сложном процессе. Особый интерес представляют публикуемые в книге материалы археологических исследований, предпринятых В. Ф. Старковым в Мангазее.

К серии научно-популярных книг следует отнести работу Ю. С. Гришина «Древняя добыча меди и олова» (М., 1980). Автор кратко освещает историю и способы добычи металлических руд в древности, методы их обработки и выплавки металла.

Глубокая оригинальность и новизна постановки темы отличают книгу А. А. Формозова «Пушкин и древности. Наблюдения археолога» (М., 1979). Должно быть отмечено и второе, переработанное и дополненное издание книги того же автора «Памятники первобытного искусства на территории СССР».

В отечественных и зарубежных научных журналах и сборниках сотрудниками сектора опубликовано более 220 статей, заметок, тезисов и рецензий по различным проблемам археологической науки.

Сотрудниками сектора завершен ряд плановых тем. Так, В. Я. Сергин, проанализировав большой круг мустьерских и позднепалеолитических поселений, по-новому подошел к вопросу о жилищах того времени. Тщательное изучение материала положено в основу его монографии «Бытовая обстановка палеолитических поселений». Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья — тема завершенной работы С. В. Ошибкиной, в которой освещены полевые исследования новых мезолитических памятников и дана их историческая интерпретация. Книгу «Начало изучения каменного века в России» подготовил А. А. Формозов. Он показал в ней зарождение интереса к археологии в русском обществе, застой и упадок науки в период реакции в царствование Николая I и возрождение археологических работ во второй половине XIX в.

В работе Г. Н. Матюшина «Энеолит Южного Урала» обосновываются выделение суртандинской культуры и памятников агидельского типа, их хронологическая позиция и хозяйственное развитие.

В монографии Л. Л. Галкина «Срубные погребения междуречья Волги и Урала» на материалах многолетних полевых работ показан процесс становления и развития срубных племен в указанном регионе, до последнего времени являвшимся белым пятном на археологической карте. М. Ф. Косарев в исследовании «Западная Сибирь в древности. Человек и природная среда» всесторонне рассмотрел взаимодействие человека и природы в эпоху бронзы на территории Западной Сибири и роль климатических и ландшафтных изменений в хозяйственном и культурном развитии населения этой обширной территории.

Археологии Восточной Сибири посвящена монография Ю. С. Гришина «Очерки первобытной археологии Забайкалья (Памятники каменного, бронзового и раннего железного веков)», в которой дано хронологическое подразделение памятников, выделены отдельные культуры или их варианты и рассмотрена производственно-хозяйственная деятельность древних забайкальцев от каменного до раннего железного века. Наскальным изображениям Енисея посвящены монографии М. А. Дэвлет «Петроглифы Мугур-Саргола» (М., 1980) и «На кочевой тропе».

Много труда и энергии отдают сотрудники сектора работе над многотомной «Археологией СССР». Два тома — «Неолит юга СССР» и «Бронзовый век Средней Азии и Кавказа» — завершены, рассмотрены сектором и переданы Ученому совету для утверждения к печати. Надо отметить большую и чрезвычайно трудоемкую работу А. А. Формозова по редактированию общего тома по неолиту СССР. Когда том был разделен на две части, А. А. Формозову была поручена работа над частью, посвященной неолиту юга СССР. Эта работа им завершена.

Для томов «Археология СССР», посвященных неолиту и энеолиту, ряд глав и разделов написан А. А. Формозовым, Д. А. Крайновым, Е. К. Черныш, С. В. Ошибкиной, М. П. Зиминой, Н. Я. Мерпертом, В. Ф. Старковым; для тома «Бронзовый век Средней Азии и Кавказа» — В. И. Сарияниди и В. И. Марковиным; для тома «Бронзовый век степной полосы» — Н. Я. Мерпертом, Е. Е. Кузьминой, В. П. Шиловым и Б. Г. Тихоновым совместно с А. Д. Пряхиным. Для тома «Бронзовый век лесной полосы» порученные им главы завершили О. Н. Бадер, Д. А. Крайнов и М. Ф. Косарев.

Е. К. Черныш написала для многотомной «Истории крестьянства СССР» раздел «Развитие земледелия и скотоводства на юго-западе СССР», в котором дана характеристика древнейших земледельческо-скотоводческих культур — буго-днестровской, трипольской и культуры линейно-ленточной керамики.

За три года сектор провел 93 заседания, на которых были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения сотрудников сектора Института и других учреждений по различным проблемам археологической науки, по завершенным плановым темам и результатам полевых исследований. Кроме того, на заседаниях сектора обсуждены докторские диссертации Л. В. Кольцова «Финальный палеолит и мезолит Южной и Восточной Прибалтики», Г. Н. Лисицкой «Становление и развитие земледелия в Южной Туркмении», Ж. В. Андреевой «Приморье в эпоху первобытнообщинного строя. Железный век» и Г. А. Панкрушева «Мезолит и неолит Карелии». Первые три диссертации защищены на Ученом совете Института.

Сектором рассмотрены и рекомендованы к защите диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук В. Т. Ковалевой «Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку», И. Б. Васильева «Лесостепное Поволжье в эпоху энеолита и ранней бронзы», Омотошо Элуеми «Культура Эгбожода: развитие культуры города-государства Илз-Ифо после распада родоплеменного союза (XIV—XVIII вв.)», В. Ф. Зайберта «Неолит Северного Казахстана», В. М. Воробьева «Происхождение и начальные этапы развития рубящих орудий», А. С. Беляева «Поздний период эпохи бронзы пограничья степи и лесостепи в Днепровском левобережье» и М. Ф. Обыденова «Культура населения Южного Урала в конце бронзового века».

Из докладов необходимо отметить теоретическое исследование Ю. Н. Захарука «Методологические проблемы археологической науки», Л. В. Кольцова «О сезонном функционировании ряда мезолитических стоянок Верхнего Поволжья», Г. Н. Матюшина «О характере хозяйства в эпоху неолита и энеолита в Южном Приуралье и Зауралье», румынского археолога Э. Комши «Результаты работ и методы исследования неолита Румынии» и сотрудника Пермского музея В. П. Денисова «Неолитические памятники Верхнего и Среднего Прикамья».

Много времени сотрудники сектора уделяли рецензированию и редактированию монографий, отдельных статей для периодических изданий и сборников, полевых отчетов и др.

Важным фактором в деятельности сотрудников сектора является участие в работе различных конференций, совещаний и симпозиумов, где они выступают с докладами и руководят заседаниями. Так, в юбилейной сессии Института в Ленинграде участвовали М. А. Дэвлет, Л. В. Кольцов, Д. А. Крайнов, Е. Е. Кузьмина, Г. Н. Матюшин, С. В. Ошибкина, В. И. Сарьяниди и Б. Г. Тихонов.

В Куйбышеве под руководством Н. Я. Мерперта и при участии Л. Л. Галкина, Е. Е. Кузьминой, В. И. Марковина, Т. М. Потемкиной, Б. Г. Тихонова и В. П. Шилова прошла конференция по проблемам срубной культурно-исторической общности. Эти же сотрудники, за исключением В. И. Марковина и В. П. Шилова, присутствовали на конференции по эпохе бронзы в Донецке.

В традиционных Крупновских чтениях постоянно ведет активную работу В. И. Марковин, а в Чтениях, проходивших в Нальчике, участвовал и Б. Г. Тихонов. В. И. Марковин, кроме того, был на IV Донской археологической конференции.

Проблемам уральской и сибирской археологии было посвящено VII Уральское археологическое совещание. На нем выступали с докладами сотрудники сектора Д. А. Крайнов (К вопросу о происхождении волосовской культуры), С. В. Ошибкина (Проблемы изучения неолитических памятников севера лесной полосы) и В. Ф. Старков (Стратиграфия археологических памятников на Горбуновском торфянике).

В конференции по энеолиту степной и лесостепной полос Восточной Европы в Оренбурге активное участие приняли Н. Я. Мерперт (О термине энеолит и критериях его выделения), Е. Е. Кузьмина (Роль Северного Прикаспия в истории культур степной полосы Восточной Европы в эпоху становления производящего хозяйства), Г. Н. Матюшин (Энеолит Южного Урала и Предуралья), В. Ф. Старков (Об особенностях и принципах выделения энеолита в лесной полосе Зауралья и Западной Сибири).

Н. Я. Мерперт в числе других руководил II Совещанием по андроновской проблеме в Челябинске и Петропавловске. С проблемными докладами на нем выступили Е. Е. Кузьмина, коснувшаяся общих вопросов этнической интерпретации степных культур, Т. М. Потемкина (К вопросу о происхождении раннеалакульских комплексов Зауралья), М. Ф. Косарев (Андронидные культуры Зауралья и Западной Сибири).

В I Всесоюзной конференции «Проблемы взаимодействия общества и природы» в Москве участвовали Д. А. Крайнов, Л. В. Кольцов, Г. Н. Матюшин, В. Я. Сергин и др.

Почти весь состав сектора включился в работу симпозиума «Идеологические представления древнейших обществ», проходившего в Москве под руководством Д. А. Крайнова.

В 1980 г. сотрудники сектора М. А. Дэвлет, Л. В. Кольцов, Д. А. Крайнов, Н. Я. Мерперт читали лекции в Школе молодых археологов в Нарве. Там же присутствовал и старший лаборант сектора М. Г. Жилин.

Н. Я. Мерперт и В. И. Марковин участвовали в работе Пленума Института археологии АН УССР в Днепрпетровске; Е. Е. Кузьмина — в Виннеровских чтениях, VIII Всесоюзной конференции по древнему Востоку, III конференции по искусству и археологии Ирана, конференции «Скифская архаика» и Смирновских чтениях; М. А. Дэвлет — во Всесоюзной конференции «Советская археология и X пятилетка», конференции в Ереване и Скифской конференции в Кемерово; В. Я. Сергин — в конференции, посвященной столетию открытия палеолита в Костенках; В. Ф. Старков — в Ломоносовских чтениях в Ленинграде.

Н. Я. Мерперт был приглашен в Данию на симпозиум по проблемам происхождения земледелия и металлургии. В. И. Марковин выступил на симпозиуме «Фракия — Понтика» в Болгарии с докладом «Дольмены Западного Кавказа и морские миграции»; Е. Е. Кузьмина — на VII конгрессе

се палеозоологов с докладом «Роль коня в культуре индоевропейцев»; В. Ф. Старков — на симпозиуме в Польше с докладом «Археологические работы на Шпицбергене в 1978 и 1979 гг.»

В научных командировках побывали Е. Е. Кузьмина — в Индии, Н. Я. Мерперт — в Болгарии, В. И. Сарияниди — в Греции и В. С. Титов — в Румынии.

Важным фактором в развитии международных археологических связей является деятельность советских археологических экспедиций за рубежом нашей страны. Активное участие в них принимали В. В. Волков (Монголия), В. И. Сарияниди (Афганистан), Н. Я. Мерперт и Н. О. Бадер (Ирак), Т. М. Потемкина и В. С. Титов (Венгрия).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
- АС — Археологический съезд
- АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
- АЭБ — Археология и этнография Башкирии. Уфа
- ВАУ — Вопросы археологии Урала. Свердловск
- ВДИ — Вестник древней истории
- ВСОРГО — Восточно-Сибирский отдел Русского географического общества
- ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ИА — Институт археологии Академии наук СССР
- ИГАИМК — Известия ГАИМК
- КБИИФЭ — Кабардино-Балкарский институт истории, философии и этнографии
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
- ЖСИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
- КЧ — Крупновские чтения
- ЛГУ — Ленинградский государственный университет
- ЛЮИА — Ленинградское отделение Института археологии Академии наук СССР
- МАД — Материалы по археологии Дагестана. Махачкала
- МАК — Материалы по археологии Кавказа
- МАЭ — Музей археологии и этнографии Академии наук СССР
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
- СА — Советская археология
- САИ — Свод археологических источников
- СГУ — Саратовский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>А. Н. Сорокин.</i> Об орудиях на пластинах со стоянки Умиление	3
<i>Ю. Б. Цетлин.</i> Неолитическая керамика стоянки Ивановское VII	7
<i>М. Д. Хлобыстина.</i> Ярусные погребения евразийской степи в бронзовом веке	13
<i>В. И. Мельник.</i> К вопросу о происхождении срубной культуры	21
<i>В. И. Марковин.</i> К вопросу о происхождении склепов и распространении составных дольменов на Северном Кавказе	25
<i>А. Д. Резепкин.</i> О распространении дольменов Западного Кавказа	32
<i>Э. В. Сайко.</i> К характеристике раннетрипольского керамического производства	38
<i>Т. М. Потемкина.</i> О соотношении типов раннеалакульской керамики в Притоболье	44
<i>М. А. Дзвалет.</i> Бегущие звери на скалах горы Суханиха на среднем Енисее	53

ПУБЛИКАЦИИ

<i>А. С. Смирнов.</i> Неолитические памятники запада Брянской области	61
<i>М. Г. Жилин, Д. А. Крайнов.</i> Стоянка Берендеево Па	67
<i>В. П. Третьяков.</i> Раннеолитические стоянки в междуречье Суры и Мокши	73
<i>Д. А. Крайнов.</i> Новые исследования стоянки Сахтыш II	79
<i>Г. Н. Матюшин, Р. С. Габяшев, В. С. Горбунов, М. Ф. Обыденков.</i> Новые материалы по неолиту и энеолиту волжско-уральского региона	86
<i>Н. Б. Виноградов.</i> Кулевчи III — памятник петровского типа в Южном Зауралье	94
<i>В. А. Семенов.</i> Керамика стоянки Хадынных I в Западном Саяне	100
<i>М. А. Романовская.</i> Находки повозок эпохи бронзы в Ставрополье	102
<i>В. М. Батчаева, С. Н. Кореневский.</i> Две находки эпохи раннего металла из Кабардино-Балкарии	108

ХРОНИКА

Итоги научной конференции «Проблемы энеолита степной и лесостепной полос Восточной Европы»	113
Семинар «Проблемы андроновской культурно-исторической общности»	114
<i>Б. Г. Гизонов.</i> О работе сектора неолита и бронзы в 1978—1980 гг.	116
Список сокращений	